

№ 2 (69) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2018

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

Научное обеспечение противодействия правонарушениям. Scholarly Provisions for Counteracting Offences

- Грудинин Н. С.** Имущественная преступность в современной России: причинный комплекс и роль правоохранительных органов в ее предупреждении **3** **Grudin N. S.** Property Crime in Modern Russia: Complex of Causes and the Role of Law Enforcement Agencies in its Prevention
- Иванцов С. В., Колбасова Е. В.** Законодательство государств постсоветского пространства о назначении и исполнении наказания в виде ограничения свободы **9** **Ivantsov S. V., Kolbasova E. V.** Post-Soviet States' Legislation on Imposing and Enforcing Punishment in the form of Restriction of Liberty
- Машовец А. О.** Соотношение судебного следствия с доказыванием и судебным разбирательством в уголовном процессе **14** **Mashovets A. O.** Correlation of Court Investigation with Proving and Court Trial in Criminal Procedure
- Пилюшин И. П.** Эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве **17** **Pilyushin I. P.** Effectiveness of House Arrest in Criminal Proceedings
- Панфилов П. О.** Особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности как одно из средств обеспечения его публичности **20** **Panfilov P. O.** Specifics of Criminal Proceedings on Economic and Business Crime as Means of Making it Public
- Головко В. В., Маслов К. В.** Назначение административного наказания за административные правонарушения в области дорожного движения в виде административного ареста: проблемы и перспективы **26** **Golovko V. V., Maslov K. V.** Imposing Administrative Arrest as Administrative Penalty for Road Traffic Offences: Problems and Prospects
- Слышалов И. В.** Планы действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах и их соотношение с планом «Перехват» **29** **Slyshalov I. V.** Law Enforcement Agencies' Scenarios in Cases of Emergency and their Correlation with Scheme "Capture"

Право и общество. Law and Society

- Бучакова М. А., Жилиев А. В.** Перспективы совершенствования законодательства в сфере обеспечения территориальной целостности Российской Федерации **34** **Buchakova M. A., Zhilyaev A. V.** Prospects of Improving Legislation as to the Territory Integrity of the Russian Federation
- Клоков Е. А.** Реформа налогообложения недвижимого имущества физических лиц: от ожиданий к первым результатам (часть I) **39** **Klovkov E. A.** Tax Reform concerning Individual's Real Estate: from Expectations to the first Outcomes (Part I)
- Голованова Т. В., Денисенко С. В.** Особенности охраны общественного порядка в мегаполисах **48** **Golovanova T. V., Denisenko S. V.** Specifics of Public Order Maintenance in Megalopolis
- Попов А. В.** Административно-правовой статус самозанятых граждан: проблемы определения и возможные пути решения **53** **Popov A. V.** Administrative Law Status of the Self-Employed: Problems of Definition and Possible Solutions

Философский и методологический инструментарий. Philosophical and Methodological Toolkit

- Гаврилов Е. О.** Эвристический потенциал категорий социального пространства и социального порядка **60** **Gavrilov E. O.** Heuristic Potential of Categories of Social Space and Social Order
- Зайцева Е. С., Контимирова Ю. И.** Реализация нормативистского и естественно-правового подходов к пониманию права в различных видах правовой деятельности **66** **Zaitseva E. S., Kontimirova Yu. I.** Implementation of Normativist and Natural Law Approaches to Law Understanding in different types of Law Activities
- Товбин К. М., Аторин Р. Ю., Кожурин К. Я.** Старообрядоведение в русле патриотической парадигмы **71** **Tovbin K. M., Atorin R. Yu., Kozhurin K. Ya.** Old Believer Studies in Patriotic Paradigm
- Бугаев К. В.** Труды по современной криминалистике (2012–2016): тематический анализ **78** **Bugaev K. V.** Works on Modern Criminalistics (2012–2016): Subject Analysis

Диссертационный процесс. Dissertation process

- Борков В. Н.** Отзыв официального оппонента на диссертацию А. В. Воробьева «Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления» **86** **Borkov V. N.** Official Opponent's Review of A. V. Vorobyev Dissertation «Means of Criminal Law used in Fighting Corruption-related Crimes against Interests of Service in Local Government»

Информация для авторов **90** Information for Authors

Сведения об авторах **92** Annotated List of Authors (in Russian)

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук, профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук, доцент (Алматы, Казахстан)
В. В. Бабури, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент (Пермь, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук (Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
В. В. Головки, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор (Омск, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызская Республика)

- Е. А. Клоков**, кандидат юридических наук, доцент — **ответственный секретарь** (Омск, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор (Красноярск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)
К. Ляковска, доктор юридических наук, профессор юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь)
Н. А. Мартишина, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент (Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор — **заместитель главного редактора** (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор — **главный редактор** (Омск, Россия)
Ю. П. Соловей, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук — **заместитель главного редактора** (Омск, Россия)
В. В. Хилыута, кандидат юридических наук, доцент (Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия)

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
L. M. Prokumentov, Doctor of Law, Professor (Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor (Perm, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy (St. Petersburg, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)

- A. S. Dezhnyov**, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor (Omsk, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Ye. A. Klokov, PhD in Law, Associate Professor — **assistant editor** (Omsk, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences, Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor (Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor (Minsk, Belarus)
N. A. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor (Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor — **deputy chief editor** (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor — **chief editor** (Omsk, Russia)
Yu. P. Solovey, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law — **deputy chief editor** (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, PhD in Law, Associate Professor (Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia)

Вниманию подписчиков!

18630 — наш индекс в издании «Газеты. Журналы» АО «Агентство „Роспечать“»

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Г. Ч. Синченко*

Редактирование *А. Н. Великих*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Дизайн и компьютерная верстка *А. В. Сергеева*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати:

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25982 от 13 октября 2006 г. выдано Роскомнадзор.

Выход в свет: 29.06.2018. Тираж 110 экз. Уч.-изд. л. 9,9. Усл. печ. л. 10,7. Заказ № 93.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2018

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ SCHOLARLY PROVISIONS FOR COUNTERACTING OFFENCES

УДК 343.7 © Н. С. Грудинин, 2018

Имущественная преступность в современной России: причинный комплекс и роль правоохранительных органов в ее предупреждении

Н. С. Грудинин, Московский государственный лингвистический университет. E-mail: nekit-07@mail.ru

Современная криминальная обстановка в России — предмет обсуждения как среди сотрудников правоохранительных органов, должностных лиц органов государственной власти, научных работников, занимающихся проблематикой противодействия преступности, так и среди рядовых граждан. Одной из составляющих проблематики предупреждения преступности выступает противодействие имущественной преступности. Для полного понимания механизмов противодействия имущественной преступности важно иметь точное представление о причинах ее появления. Автором статьи подчеркивается тот факт, что причинный комплекс имущественной преступности весьма разнообразен, но главную и конечную причину имущественной преступности представляет человек, стремящийся удовлетворить свои возрастающие потребности противозаконным путем. Указанное является причиной первого порядка, которая всегда опережает возникновение и функционирование причин второго порядка — социально-экономических, семейно-бытовых, правовых, психологических и др. В современных условиях деятельность правоохранительных органов по борьбе с имущественной преступностью должна осуществляться комплексно и превентивно. Для государства выгоднее предотвратить преступление, нежели его расследовать.

Ключевые слова: имущественная преступность; причинный комплекс; предупреждение преступности.

Property Crime in Modern Russia: Complex of Causes and the Role of Law Enforcement Agencies in its Prevention

N. S. Grudinin, Moscow State Linguistic University. E-mail: nekit-07@mail.ru

The current criminal landscape in Russia is the matter of concern for both law enforcement officers, government officials, scholars dealing with crime prevention problem and ordinary citizens. One of the aspects of crime prevention problem is counteracting property crime. To fully understand the mechanisms of counteracting property crime it is quite necessary to have a clear vision of its causes. According to the author the complex of causes of property crime is fairly diverse, however, the main and final cause of property crime is the man seeking to satisfy his increasing demands by unlawful methods. It is the primary cause which is always ahead of emergence and functioning of secondary causes: socio-economic, family-domestic, legal, psychological etc. In modern conditions law enforcement agencies' struggle against property crime must have preventive and complex character. It is more expedient for the state to prevent a crime than to detect it.

Keywords: property crime; complex of causes; crime prevention.

Социально-экономические проблемы в российском обществе отразились на системе общественных ценностей. На первое место выдвинулся культ денег, а образ обеспеченного бизнесмена стал примером для подражания не только у подрастающего поколения, но и у большинства граждан. Стремление заработать и обогатиться любой ценой на практике привело к утрате общечеловеческих ценностей, в стране резко вырос уровень совершаемых краж, грабежей, разбоев, вымогательств и мошеннических посягательств, объединяемых понятием «имущественные преступления».

Переходя к вопросу о причинах и условиях имущественной преступности, отметим, что они крайне разнообразны. Однако их первопричины лежат в человеке, а человек, как известно, на всем протяжении истории стремился к удовлетворению своих потребностей. Так, если у одних людей это происходит за счет участия в общественно полезном труде, который оплачивается соразмерно затраченному времени и усилиям, то другие люди не прилагают никаких серьезных усилий и совершают имущественные преступления в целях незаконного личного обогащения. Таким образом, главной причиной имущественной преступности является человек, стремящийся удовлетворить свои потребности, но не желающий делать этого путем участия в общественно полезном труде.

Все другие причины, которые детерминируют совершение преступлений против собственности, так или иначе имеют второстепенный характер и подчинены действию главной причины — установки на незаконное обогащение в целях удовлетворения личных потребностей в обход участия в общественно полезном труде. К числу таких причин в современной России, по нашему мнению, можно отнести следующие.

1. *Негативные социально-экономические процессы, происходящие в обществе.* В последние годы экономическое развитие России (в силу различных причин) замедлилось. Сократился уровень финансовых инвестиций из экономически развитых зарубежных стран, выросла налоговая нагрузка на мелкий и средний бизнес, серьезно снизились цены на нефть и газ, от которых зависит экономика страны. Особенностью современной экономической ситуации в государстве следует также признать замещение внешнеэкономических источников роста внутренними. Фактически в последние годы Россия начала медленный, но правильный процесс импортозамещения. Однако данный процесс начался без серьезной подготовки, что в итоге привело к повышению цен для населения при уменьшающихся реальных доходах, повышению уровня безработицы. Все это повлекло снижение уровня материального благосостояния у большей части россиян.

Логичным результатом подобных процессов стало желание граждан переломить негативную тенденцию и попытаться незаконно обогатиться на стороне. Косвенными признаками, подтверждающими сказанное, является уменьшение за последние несколько лет в данных официальной статистики количества ежегодно совершаемых краж, а также рост количества совершаемых мошенничеств [1, с. 382].

2. *Поляризация доходов населения.* В России, как известно, велика разница в доходах между отдельными категориями населения. Часть населения, являющаяся собственниками крупных промышленных предприятий, владельцами банковского капитала, акций, ценных бумаг или индивидуальными предпринимателями, сосредоточила в своих руках большие доходы. Другая часть населения, живущая преимущественно в больших городах, центрах промышленного производства, составляет так называемый средний класс, который старается держаться на достойном уровне, и чей уровень зарплат можно в целом считать приемлемым. Наконец, есть третья часть населения, которая живет в небольших городах и сельской местности, где уровень зарплат крайне низок и его с трудом хватает на жизнь. Естественно, что такое положение вещей не устраивает граждан, и они, не видя перспектив к улучшению своего материального положения в обозримом будущем, идут на совершение имущественных преступлений.

3. *Высокий уровень инфляции.* Ежегодно фиксируемые Министерством финансов РФ и Центральным банком РФ официальные показатели инфляции не превышают 7–8%. Однако большинство россиян уверенно скажет, что реальный показатель инфляции намного выше: он колеблется на уровне 10–15% год от года, что выражается в ежегодном росте тарифов ЖКХ, на пользование метро, железнодорожным и наземным общественным транспортом. Кроме того, растут цены на товары массового потребления, бензин и стройматериалы. Однако при этом уровень зарплат по стране практически не меняется. Налицо диспропорция между ростом цен и ростом зарплат, что, несомненно, приводит к снижению реальных доходов населения.

4. *Недостаточный уровень социальной инфраструктуры.* По уровню социальной инфраструктуры Россия отстает не только от США и стран Западной Европы, но и от Китая. Уровень инфраструктуры в крупных промышленных китайских городах намного выше, чем в нашей стране. Достаточно сказать, что современные российские школьники в своей массе ходят в школы, которым минимум 60 лет, а состояние отдельных поликлиник и больниц оставляет желать лучшего. Многие граждане страны продолжают жить в аварийном и обветшавшем жилье. Все это накладывает отпечаток на современную российскую действительность [2, с. 7–9].

5. *Социально-психологический дискомфорт граждан.* В настоящее время по российским телевизионным каналам, со страниц печатных СМИ и интернет-изданий доводится информация о тяжких и резонансных преступлениях, о массовых случаях коррупции в органах государственной власти, мошенничествах, разбоях, вымогательствах. Видя несправедливость, которой изобилует наша жизнь, а также запоздалую в некоторых случаях реакцию государства на случаи нарушения законов, многие граждане сами становятся на преступный путь, бросая вызов не только обществу, но и созданной в государстве правоохранительной системе. Все это детерминирует обострение различных конфликтов и противоречий внутри общества, а также увеличение уровня преступлений против собственности, который не всегда находит отражение в данных официальной статистики.

6. *Влияние ближайшего микросоциального окружения на человека.* Взрослея, человек неизбежно становится участником процесса собственной социализации. Усваивая социально одобряемое поведение, культуру, традиции и обычаи общества, в котором он живет, изучая законы государства и социальные нормы, принятые в обществе, ребенок постепенно превращается в полноправного и полноценного гражданина, который впитал в себя положительный опыт предшествующих поколений. Именно на этом пути крайне важно показать человеку модели социально одобряемого поведения личности, привить у него уважение к закону и правопорядку [3, с. 223–225]. Центральную и системообразующую роль в этом процессе играет семья. Не секрет, что дети, выросшие в маргинальных семьях, в которых родители употребляют алкогольные напитки или наркотические средства либо применяют насилие по отношению к своим детям, не обладают высоким уровнем культуры и нравственности, совершают административные правонарушения. В будущем часть из них становится преступниками. Происходит это потому, что дети из таких семей не являются участниками процесса позитивной коммуникации с окружающим их миром: они усваивают модель поведения, согласно которой имеющиеся материальные трудности могут быть решены путем совершения хищения чужого имущества [4, с. 12].

К сожалению, от совершения преступлений в будущем не застрахованы и дети, выросшие в благополучных семьях. Родители в таких семьях часто выполняют любую прихоть ребенка, не стараются воспитать его надлежащим образом и тем самым совершают ошибку, так как ребенок стремится удовлетворить нарастающие потребности как за счет родителей, так и за счет окружающих. Более того, нередки случаи, когда дети из таких внешне благополучных семей совершают кражи, грабежи

и другие преступления, которые невозможно объяснить корыстью. В этих ситуациях проблема заключается в том, что ребенок, выросший в атмосфере эмоционального недостатка, стремится восполнить его, ищет признание у групп сверстников, которые характеризуются не лучшим образом. Для самоутверждения в этой группе такой ребенок и встает на преступный путь. Другими мотивами преступного поведения детей из благополучных семей являются баловство и уверенность в собственной безнаказанности [5, с. 86–88].

7. *Недостатки воспитания в современной школе.* Как известно, традиционно необходимым институтом успешной социализации детей и средством формирования их правопослушного поведения является школа как социальный институт. По мнению Д. М. Плоткина, в последнее время в наших образовательных учреждениях акцент делается не на воспитании здоровой в психологическом и нравственном плане личности, а на получении этой личностью определенного объема знаний. Между тем в образовательных учреждениях любого типа на надлежащем уровне стоит задача именно воспитания личности, которая должна учиться, трудиться и зарабатывать на жизнь честным трудом [6, с. 99–100].

Помимо собственно образовательной функции современная школа обязана обеспечивать реализацию культурно-воспитательной функции, которая должна стать средством подготовки всесторонне развитой личности, не приемлющей противоправный (преступный) образ жизни и поведения. Решению данной задачи препятствуют недостаточно высокий уровень качества работы учебно-воспитательных учреждений, отсутствие индивидуального подхода в работе с детьми, слабо сбалансированная политика государства в области школьного образования, «натаскивание» на тестирование в ущерб развитию творческих и аналитических способностей, утрата навыков самоорганизации и управления своим поведением школьниками. По справедливому замечанию Б. В. Коробейникова, эта задача может быть успешно решена путем вовлечения школьников в работу кружков, исторических клубов и спортивных секций. Кроме того, школьники должны активнее участвовать в культурно-массовой и историко-краеведческой работе [7, с. 48–49].

8. *Непродуманная правовая политика и гуманизация уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.* По мнению А. Ю. Епихина, примером проводимой в последние годы в стране политики гуманизации уголовного законодательства служит введение запрета назначения наказания в виде лишения свободы в случае, если преступление совершено впервые, небольшой тяжести и отсутствуют отягчающие обстоятельства; установление новых видов

наказания (принудительные работы) и отсрочки (отсрочка лицам, признанным нуждающимися в лечении от наркомании), прекращение уголовного судопроизводства по ряду экономических преступлений; ориентирование правоохранительных органов чаще применять залог как меру уголовно-процессуального пресечения и т. д. [8, с. 143–144].

Изменения, внесенные в УК РФ и УИК РФ, в части системы наказаний, их назначения и исполнения за последние годы позволяют говорить о нескольких показательных моментах. Во-первых, данные изменения оказали непосредственное влияние на уголовно-исполнительную систему, сформировали новые подходы к исправлению личности осужденного: лишение свободы — отныне не всегда наиболее приемлемый способ исправления личности преступника. Во-вторых, устранение нижнего предела санкции для наказаний в виде лишения свободы, ареста и исправительных работ по ряду статей УК РФ на практике привело к реальному снижению эффективности процесса исправления осужденных, увеличению уровня рецидивной преступности. В-третьих, введение штрафа как альтернативного вида наказания за совершение ряда преступлений в сфере экономической деятельности, а также введение кратных штрафов за совершение некоторых преступлений против интересов государственной службы и службы в коммерческих организациях сослужило нехорошую службу уголовному закону и в плане противодействия имущественной преступности: потенциальные преступники перестали воспринимать карательный потенциал ряда статей УК РФ.

Мы полагаем, что уголовная политика Российской Федерации должна строиться на таких принципах, как стабильность, системность, нацеленность на противодействие преступности в различных сферах общественной жизни, разумное сочетание уголовно-правовой репрессии с гуманизмом [9, с. 21]. При этом уголовная политика и уголовный закон должны быть адекватны реальным характеристикам преступности, а сила уголовного закона должна предупреждать преступления на стадии их планирования. Штраф и исправительные работы не всегда способны предотвратить совершение имущественных преступлений.

9. *Высокий уровень алкоголизма и наркомании.* По данным органов внутренних дел, ежегодно в стране в состоянии алкогольного или наркотического опьянения совершается до 35–40% преступлений. Не является в этом смысле исключением и имущественная преступность. Алкоголь продается во всех магазинах. Кроме того, его можно заказать и по Интернету. Продолжается широкая экспансия наркотических средств из Афганистана и других стран Азии. На фоне этого в стране «вне закона» оказались медицинские вытрезвители, эффективность кото-

рых была доказана советским временем. Более того, в 2016 г. ликвидирована Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков РФ, а ее полномочия переданы органам внутренних дел. Борьба с алкогольной и наркотической зависимостью сегодня — это дело семьи больного, а не общества и государства [10, с. 49–53]. Все это отражается на показателях имущественной преступности.

10. *Реформирование системы правоохранительных органов и недостаточный уровень раскрываемости преступлений против собственности.* Несмотря на официальные статистические данные, которые свидетельствуют о ежегодном сокращении числа совершаемых преступлений, в том числе и имущественных, реальные показатели преступности против собственности в Российской Федерации намного превышают те, которые отражаются в данных статистики. Качество производства предварительного следствия по многим категориям преступлений против собственности в настоящее время является недостаточным. Думаем, изменить сложившуюся ситуацию можно, лишь сконцентрировав внимание на усилении кадрового состава органов внутренних дел, укреплении института участковых уполномоченных, повышении заинтересованности сотрудников в борьбе с преступностью [11, с. 151–156].

11. *Идеология насилия, корысти и обогащения.* По мнению А. Л. Маршака, идеология может и должна приносить результат в форме самосознания и общественного идеала [12, с. 29]. Как известно, модели негативного, в том числе и преступного поведения, подростки усваивают из трех источников — семьи, общения с ровесниками и СМИ. В 90-х гг. прошлого века, когда началась коммерциализация российского телевидения, страну захлестнула волна боевиков и криминальных сериалов, герои которых стали отождествляться у подрастающего поколения с образами героев нового времени. Несмотря на то что сегодня с экранов телевизоров уже не льется поток насилия и жестокости, сцен и сюжетов, ориентированных на утверждение корыстного образа, все еще много. Вместе тем массовая культура, идеалом которой служит культ собственности, пропагандируемый по телевидению и в Интернете, оказывает негативное влияние на развитие подростков. В СМИ неизбежно должен утвердиться культ человека труда, зарабатывающего себе на жизнь честным трудом, уважающего закон и правопорядок. Только усваивая такие идеалы, можно воспитать ответственное молодое поколение, не приемлющее преступлений против собственности.

12. *Высокий уровень нелегальной миграции.* В настоящее время в стране наблюдается высокая криминальная активность мигрантов. Часть из них занимается криминальным бизнесом в сфере оказа-

ния услуг населению, часть задействована в сфере торговли, но есть и те, кто промышляет грабежами, разбоями и вымогательством. Совершая преступление, преступник-мигрант осознанно идет до конца, ибо понимает, что терять ему нечего. Именно по этой причине преступники-мигранты чаще всего совершают корыстно-насильственные посягательства. Выходом из данной ситуации может стать ограничение притока трудовых мигрантов на территорию России, осуществление постоянного контроля за ними и вовлечение их в социально-культурное пространство многонациональной России [13, с. 77–82].

Говоря о противодействии имущественной преступности, необходимо подчеркнуть, что данная задача должна осуществляться комплексно, а само превентивное воздействие на потенциальных преступников должно оказываться на них еще до достижения ими совершеннолетия. Помимо органов внутренних дел в работе с несовершеннолетними, совершающими правонарушения, активно участвуют органы образования, комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, органы здравоохранения. При этом на сотрудниках подразделений по делам несовершеннолетних лежит функция по пресечению противоправной деятельности несовершеннолетних, предупреждению их беспризорности и безнадзорности. Несовершеннолетние нарушители ставятся на профилактический учет в органах внутренних дел, а при необходимости под контроль берутся и их неблагополучные родители [14, с. 71–72].

Несмотря на специфику задач, которые стоят перед правоохранительными органами, уровень их взаимодействия в ходе противодействия преступности не в полной мере соответствует сложности криминогенной ситуации в стране, а также решению задачи по обеспечению комплексного использования имеющихся сил, средств и оперативных возможностей правоохранительных структур.

К сожалению, функции осуществления предварительного следствия разделены как минимум между пятью государственными органами. Часто правоохранительные органы одновременно разрабатывают одних и тех же преступников, одни и те же организованные преступные группы, используют общих информаторов. Периодическое пересечение оперативных интересов правоохранительных органов, работающих в одном правовом поле, происходит из-за взаимной неосведомленности и приводит к тому, что преступникам удается скрыться, а преступления остаются нераскрытыми [15, с. 152–154]. Такая ситуация недопустима.

Функция производства предварительного следствия должна быть закреплена за единым следственным органом, а превентивная функция стать

основной в рамках системы органов внутренних дел. При этом в современных условиях это будет не пропаганда населения, а точечная работа, цель которой — недопущение криминального образа поведения и мышления, последовательное выявление лиц с антиобщественным поведением и индивидуальная профилактика.

Кроме того, в рамках осуществления мероприятий по борьбе с общеуголовными корыстными преступлениями первоочередными мерами со стороны органов внутренних дел должны быть следующие:

1) повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел, занимающихся расследованием имущественных преступлений;

2) создание необходимых условий для полного выявления корыстных преступлений, снижения уровня их латентности;

3) возрождение системы общеуголовной корыстной превенции, создание сети доступных рабочих мест для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, обучение рабочим профессиям несовершеннолетних;

4) улучшение работы по раскрытию и оперативному расследованию уже совершенных корыстных преступлений;

5) создание на базах информационных центров ГУВД, УВД единого автоматизированного банка данных о лицах, склонных к совершению корыстных преступлений;

6) техническое переоснащение подразделений органов внутренних дел, противодействующих корыстным преступникам;

7) увеличение сети информаторов органов внутренних дел;

8) возрождение сети медицинских вытрезвителей на территории Российской Федерации;

9) привлечение негосударственных органов, благотворительных, религиозных, иных общественных организаций и всего населения к решению проблем борьбы с преступностью, в том числе с корыстной преступностью [16, с. 184–185].

В заключение отметим, что причины роста имущественной преступности в стране сложны, многообразны и нуждаются в дальнейшем изучении. Задача предупреждения подобных деяний должна решаться комплексно, а само превентивное воздействие на потенциальных преступников следует оказывать еще до достижения ими совершеннолетия. Для решения проблем взаимодействия и координации всех правоохранительных органов в борьбе с имущественной преступностью необходимы практическое сотрудничество всех заинтересованных субъектов и координация деятельности при обмене имеющейся информацией о лицах, совершающих указанные преступления, и обстоятельствах их совершения.

Список литературы

1. Клейменов М. П. Криминология : учебник. М., 2015.
2. Антонян Ю. М. Причины корыстной преступности // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4.
3. Широков В. А., Голубничая Л. С. Деформация нравственного и правового сознания подростков как одна из причин преступности несовершеннолетних // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1.
4. Преступность в Российской Федерации и Московском мегаполисе: состояние и меры противодействия : монография / под общ. ред. С. Н. Чурилова. М., 2015.
5. Клименко И. Н. О некоторых причинах преступности в современной России // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2.
6. Плоткин Д. М. Преступник: поведение и личность (заметки следователя) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1.
7. Коробейников Б. В. Преступность и ее причины в современной России : монография. М., 2007.
8. Епихин А. Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 2–3.
9. Скуратов Ю. И., Чурилов С. Н., Грудинин Н. С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1.
10. Масленникова Е. А. Криминологическая характеристика осужденных, больных алкоголизмом // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3(28).
11. Фадеев В. Н., Мезенцев С. А. Методологические заметки о стратегии борьбы с преступностью // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3.
12. Маршак А. Л. Культура и идеология в социальной жизни России: различия и идентичность // Власть. 2008. № 6.
13. Кобец П. Н. Противодействие миграционной преступности в Российской Федерации : монография. М., 2013.
14. Стрилец О. В., Семенов Г. М. Состояние и пути противодействия преступности несовершеннолетних силами органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2(37).
15. Вишневский А. А. О формах взаимодействия правоохранительных органов при обеспечении экономической безопасности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2.
16. Ширяев А. С. Криминологическая характеристика современных краж и их предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006.

Законодательство государств постсоветского пространства о назначении и исполнении наказания в виде ограничения свободы

С. В. Иванцов, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России.
E-mail: isv1970@mail.ru

Е. В. Колбасова, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. E-mail: ele-mazaeva@yandex.ru

Существенные изменения, происходящие в отечественной системе назначения и исполнения уголовных наказаний, обусловили изучение зарубежного опыта правового регулирования в этой сфере. Анализ норм об ограничении свободы, содержащихся в законодательстве государств постсоветского пространства, позволил выявить возможность включения отдельных положений в деятельность уголовно-исполнительной системы, что в целом будет соответствовать мировой тенденции гуманизации уголовного законодательства. Положенный в основу данного исследования компаративистский метод, по мнению авторов, способен раскрыть сущность и содержание исполнения наказания в виде ограничения свободы в зарубежных странах. Правильное представление о данном явлении за рубежом позволит оказать позитивное влияние на трансформацию данного института в российском уголовно-исполнительном законодательстве.

Ключевые слова: ограничение свободы; наказание; изоляция от общества; зарубежный опыт.

Post-Soviet States' Legislation on Imposing and Enforcing Punishment in the form of Restriction of Liberty

S. V. Ivantsov, Scientific-Research Institute of the Russian Federal Penal Service. E-mail: isv1970@mail.ru

E. V. Kolbasova, Ryazan State University named after S. Yesenin. E-mail: ele-mazaeva@yandex.ru

Significant changes in the national system of imposing and executing punishment stimulated the study of foreign experience in regulating this sphere. Analysis of norms concerning restriction of liberty in post-Soviet states' legislation made it possible to introduce certain provisions into the penal system, which will generally conform to the world tendency of making criminal legislation humanized. According to the authors the comparative method as the basis of the attempted research will reveal the essence and content of punishment in the form of restriction of liberty in foreign countries. Proper vision of this phenomenon abroad will positively influence the transformation of this institution in the Russian penal legislation.

Keywords: restriction of liberty; punishment; isolation from society; foreign experience.

С момента принятия в 90-х гг. XX в. нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства одним из основных направлений его совершенствования (гуманизации) стало внедрение в практику исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы. В целях реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. и государственной программы «Юстиция» особое внимание уделяется введению мер, направленных на снижения количества лиц, находящихся в местах лишения свободы, путем применения более мягких видов уголовных наказаний. Одним из примеров данного процесса является включение в УК РФ такого вида наказания, как ограничение

свободы, хорошо известного законодательству ряда стран СНГ [1, с. 87–91].

Эти государства условно можно разделить на несколько групп. В первую группу следует включать страны, имеющие в национальном законодательстве ограничение свободы, которое отбывается в специализированных учреждениях. Речь, в частности, идет о таких странах, как Республика Беларусь, Грузия, Республика Таджикистан. Вторую группу образуют государства, в уголовном законодательстве которых ограничение свободы отбывается по месту жительства осужденного, например, Республика Казахстан и Литва. Третью группу составляют государства, в уголовном законодательстве которых имеются наказания,

по своей сути лишь сходные с ограничением свободы России (Латвия, Республика Молдова)¹ [2, с. 46].

Если говорить о странах, вошедших в первую группу, то для них характерным является выделение ограничения свободы в качестве самостоятельного вида уголовного наказания. Ориентиром для этого послужил принятый на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. Модельный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств², в котором наказание в виде ограничения свободы соответствовало наказанию в первоначальной редакции ст. 53 УК РФ.

Особый интерес имеет даже не сам факт правовой регламентации данного вида наказания в рамках уголовного законодательства, а аспект его исполнения в разных странах. Так, в Республике Беларусь (законодательство которой можно отнести как к первой, так и ко второй группе) наказание в виде ограничения свободы может отбываться в специализированном учреждении и по месту жительства осужденного. Осужденные, которые после приговора суда попадают в исправительное учреждение открытого типа (далее — ИУОТ), не обязаны постоянно находиться в своей камере, но при этом строгий надзор за ними осуществляется круглосуточно. В соответствии с ч. 3 ст. 47 УИК РБ осужденные обязаны выполнять правила внутреннего распорядка, работать по направлению администрации ИУОТ, находиться в пределах границ территории исправительного учреждения, проживать в жилых помещениях исправительного учреждения³. Срок этого наказания исчисляется со дня постановки осужденного на учет в исправительном учреждении открытого типа. В законодательстве Республики Беларусь предусмотрена возможность замены неотбытой части ограничения свободы лишением свободы сроком до трех лет в случае уклонения осужденного от ограничения свободы. Часть 1 ст. 78 УК Республики Беларусь определяет, что ограничение свободы нельзя применять условно, в то же время возможно условно-досрочное освобождение от отбывания ограничения свободы

(ч. 1 ст. 90 УК Республики Беларусь)⁴. Такой порядок во многом похож с отбыванием наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении в Российской Федерации, с определенным набором прав и обязанностей осужденного.

Наряду с вышеуказанными государствами, к первой группе также относится и Грузия. Согласно ч. 1 ст. 47 УК Грузии ограничение свободы означает помещение осужденного без изоляции от общества в специальное учреждение — исправительный центр с осуществлением за ним надзора⁵. В целом порядок отбывания ограничения свободы в Грузии похож с исполнением ограничения свободы в Республике Беларусь, за исключением возраста осужденного. В Грузии ограничение свободы может быть применено к несовершеннолетним с четырнадцатилетнего возраста. Однако в общем подход, продемонстрированный белорусским законодателем, нашел свое проявление и в УК Грузии [3, с. 67].

Согласно ч. 1 ст. 54 УК Республики Таджикистан ограничение свободы состоит в содержании осужденного в специальных учреждениях без изоляции от общества, в условиях осуществления за ним надзора сроком от одного года до пяти лет⁶. Интерес при этом представляют меры поощрения, применяемые к лицам, отбывающим наказание в виде ограничения свободы в Республике Таджикистан. Например, ст. 57 Кодекса исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан предусматривает в качестве меры поощрения, помимо благодарности, денежную премию. Таким образом, законодатель Республики Таджикистан идет по пути материального стимулирования осужденных к ограничению свободы и демонстрирующих правопослушное поведение.

Общими чертами законодательств стран первой группы применительно к такому виду наказания, как ограничение свободы, являются: специализированный тип учреждения отбывания данного вида наказания; наличие надзора за осужденными; возрастной минимум для назначения данного наказания; определение перечня лиц, к которым не применяется ограничение свободы. Срок ограничения свободы составляет от полугода до пяти лет, при этом в срок

¹ Кодекс Латвии об исполнении наказаний : принят 23 декабря 1997 г. URL: http://www.pravo.lv/likumi/26_klin.html (дата обращения: 20.11.2017) ; Закон Республики Молдова «О пробации» : принят 14 февраля 2008 г. № 8-XVI. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=23551 (дата обращения: 20.11.2017).

² Модельный Уголовный кодекс стран СНГ : принят Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г. № 7-5. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 23.11.2017).

³ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : принят 11 января 2000 г. № 365-3. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414827&mode=p (дата обращения: 27.11.2017).

⁴ Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30414984#sub_id=470000 (дата обращения: 23.11.2017).

⁵ Уголовный кодекс Грузии : принят 22 июля 1999 г. URL: <http://www.refworld.org.ru/country,,,GEO,,54cb63b60,0.html> (дата обращения: 20.11.2017).

⁶ Уголовный кодекс Республики Таджикистан : принят 21 мая 1998 г. № 574. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 27.11.2017).

ограничения свободы не засчитывается время самовольного отсутствия осужденного на работе или по месту жительства свыше одних суток. Необходимо также указать на то, что для всех стран данной группы традиционно имеется возможность как замены неотбытой части наказания лишением свободы, так и условно-досрочное освобождение.

Порядок исполнения наказания в виде ограничения свободы в законодательстве стран представленной группы похож на отбывание наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества. Тем самым данное наказание в обозначенных государствах нельзя отнести к средствам принуждения, альтернативным лишению свободы. Полагаем, что сегодня присутствует некоторое отставание уголовного и уголовно-исполнительного законодательств стран первой группы от темпа развития законодательства ряда европейских государств, акцентирующих внимание на расширение сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества [4, с. 90].

Переходя к рассмотрению уголовно-правовых норм, регламентирующих наказание в виде ограничения свободы в законодательстве стран, относящихся ко второй группе, необходимо отметить, что в них (как и в Российской Федерации) ограничение свободы может отбываться по месту жительства осужденного. Так, в ч. 1 ст. 45 УК Республики Казахстан указывается, что ограничение свободы состоит в наложении на осужденного судом определенных обязанностей, ограничивающих его свободу, и наказание отбывается по месту его жительства под надзором специализированного органа без изоляции от общества сроком от одного года до семи лет⁷. Следует заметить, что перечень ограничений в основном подобен тем, который предусмотрен в российском законодательстве. Однако осужденный к ограничению свободы в России имеет больше свободы передвижения, например, в пределах муниципального образования он может посещать общественные места. Кроме того, перечень ограничений и обязанностей для осужденных к ограничению свободы в Республике Казахстан не является исчерпывающим. Так, суд может возложить на осужденного исполнение иных обязанностей, способствующих его исправлению (например, лечение от алкоголизма, наркомании, токсикомании и др.), что, безусловно, расширяет возможности данного вида уголовно-правового принуждения.

В группу стран, где ограничение свободы отбывается по месту жительства, также относится и Рес-

спублика Беларусь. Обратим внимание, что ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа в Республике Беларусь в целом имеет сходство с порядком отбывания ограничения свободы в России. Однако в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 481 УИК Республики Беларусь сотрудник инспекции может входить в любое время суток в жилище осужденного⁸, что нетипично для законодательств стран СНГ. Из буквального толкования данной нормы следует, что сотрудник инспекции может посетить осужденного даже в ночное время, что делает данный вид уголовной репрессии еще более жестким. Отдельно следует отметить, что законодательство Республики Беларусь в целом ориентировано на исправление осужденного посредством трудового воздействия на него. В перечень обязанностей осужденного к ограничению свободы входит, например, обязанность трудоустроиться на постоянную работу. Осужденный, не имеющий постоянной работы, обязуется трудоустроиться в течение пятнадцати дней самостоятельно. Важно отметить, что уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь предусмотрело определенные гарантии для осужденных, имеющих постоянную работу. Например, администрации организаций, в которых работают осужденные к ограничению свободы, и индивидуальным предпринимателям, у которых работают осужденные к ограничению свободы, по общему правилу запрещается увольнять их с работы.

В Литве при исполнении ограничения свободы на осужденных также возлагается ряд обязанностей или запретов. Например, в ч. 6 ст. 48 УК Литовской Республики указывается: «...безвозмездно отработать до 200 часов в сроки, определенные судом, но не более, чем срок ограничения свободы, в учреждениях здравоохранения, ухода и попечительства или в негосударственных организациях, осуществляющих попечительство над инвалидами, престарелыми или иными, нуждающимися в помощи, людьми»⁹. Литовский законодатель также уделяет особое внимание трудоустройству осужденного, предусматривая это в качестве обязанности, что в целом соответствует подходу, который демонстрируется в рамках данной группы. Вызывает особый интерес положение ч. 7 ст. 48 УК Литовской Республики, согласно которой суд вместо запретов или обязательств, по просьбе самого лица или других участников уголовного процесса может назначить для осужденного иные запреты или обязательства, если это может

⁷ Уголовный кодекс Республики Казахстан : принят 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=1365 (дата обращения: 20.11.2017).

⁸ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : принят 11 января 2000 г. № 365-3. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414827&mode=p (дата обращения: 27.11.2017).

⁹ Уголовный кодекс Литовской Республики : принят 26 сентября 2000 г. № VIII-1968. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877> (дата обращения: 20.11.2017).

положительно повлиять на поведение осужденного. Тем самым подтверждается открытость перечня обязанностей и запретов для осужденного к ограничению свободы. При этом в УК Литовской Республики предусматривается в случае уклонения осужденного от ограничения свободы возможность замены неотбытой части ограничения свободы штрафом либо арестом. Заметим, что, в отличие от стран первой группы, впервые предусмотрен порядок замены неотбытой части ограничения свобод более мягким видом наказания, чем лишение свободы. Считаем, что это подтверждение того, что ограничение свободы, отбываемое по месту жительства осужденного, является более гуманным вариантом ограничения свободы как вида уголовного наказания по сравнению с его отбыванием в исправительном центре.

Таким образом, рассмотрев законодательство стран второй группы, можно выделить их общие черты. Во-первых, ограничение свободы отбывается по месту жительства; во-вторых, на осужденных к ограничению свободы возлагаются как предусмотренные законодательством, так и иные запреты и (или) обязанности; в-третьих, предусмотрена замена ограничений денежным взысканием в установленном размере; в-четвертых, ограничение свободы условно не применяется; в-пятых, неотбытая часть ограничения свободы может быть заменена арестом или штрафом (Литовская Республика). Важно, что применение наказания в виде ограничения свободы в странах данной группы предполагает использование электронных средств контроля.

Третья группа состоит из государств, в уголовном законодательстве которых имеются наказания, сходные с ограничением свободы в России. В соответствии со ст. 138.6 Кодекса Латвии об исполнении наказаний, на осужденного во время probation может быть наложен запрет покидать место жительства в определенное время суток, находиться в определенных общественных местах, общаться с определенными людьми, а также выезжать за пределы административной территории без разрешения Государственной службы probation и многое другое¹⁰. Подчеркнем, что в названии статьи говорится о наложении на осужденного обязанностей, в то время как нормы статьи содержат в себе как обязанности осужденного, так и запреты, что несколько ужесточает положение осужденного и, по нашему мнению, вполне оправданно.

Интересный подход в решении данного вопроса демонстрирует законодатель Республики Молдова, где probation представляет собой не что иное как

контроль лиц, находящихся в конфликте с уголовным законом, их ресоциализация, а также адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в целях предупреждения совершения новых преступлений¹¹.

Участниками probation при этом могут быть волонтеры — лица, изъявившие желание принять участие в выполнении задач probation. Деятельность волонтеров осуществляется на основе договора о сотрудничестве. Волонтерам компенсируются расходы на проезд и канцелярские принадлежности. Probation в Республике Молдова ориентирована на социальную коррекцию осужденного. Например, личное дело в обязательном порядке содержит все сведения относительно психосоциальной оценки осужденного, периодические отчеты о контроле и социальной реинтеграции, соответствующие выводы, что лишней раз подтверждает основную направленность probation в республике. Е. Н. Шатанкова по этому поводу отмечает, что probation способствует установлению прочных связей между осужденным и его социальным окружением, обеспечить его интеграцию в общество [5, с. 22]. По мнению А. А. Никифорова, именно поэтому служба probation не входит в системы органов внутренних дел и уголовно-исполнительных учреждений, в основе функционирования которых имеется карательная составляющая [6, с. 18], хотя, безусловно, интерес к данному правовому институту традиционно высок [7].

Таким образом, уголовно-исполнительное законодательство стран третьей группы сводится к установлению мер уголовно-правового характера, ограничивающих свободу осужденного, лишь с иным наименованием, но таких же по своей сути, как и ограничение свободы в России.

Компаративный анализ зарубежного опыта правового регулирования в сфере исполнения наказаний позволяет заметить, во-первых, развитие международного сотрудничества, расширение контактов с пенитенциарными системами иностранных государств, международными неправительственными организациями, соответствующими структурными подразделениями Организации Объединенных Наций, Совета Европы, Европейского союза, государств-участников Содружества Независимых Государств и стран дальнего зарубежья; во-вторых, внедрение в деятельность отечественной уголовно-исполнительной системы международных стандартов обращения с осужденными и опыта зарубежных стран в контексте общемировой тенденции гуманизации уголовного законодательства [8, с. 210–216].

¹⁰ Кодекс Латвии об исполнении наказаний : принят 23 декабря 1997 г. URL: http://www.pravo.lv/likumi/26_klin.html (дата обращения: 20.11.2017).

¹¹ Закон Республики Молдова «О probation» : принят 14 февраля 2008 г. № 8-XVI. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=23551 (дата обращения: 20.11.2017).

Список литературы

1. Иванцов С. В., Колбасова Е. В. Проблема исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы и меры по совершенствованию его законодательной регламентации // Закон и право. 2017. № 12.
2. Иванцов С. В., Колбасова Е. В., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д., Южанин В. Е. Законодательная регламентация и исполнение наказания в виде ограничения свободы : монография / под ред. С. В. Иванцова. М., 2018.
3. Колбасова Е. В. Правовое регулирование исполнения наказания в виде ограничения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
4. Колбасова Е. В. Зарубежный опыт назначения и исполнения ограничения свободы // Человеческий капитал. 2016. № 10.
5. Шатанкова Е. Н. Условное осуждение и пробация за рубежом: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
6. Никифоров А. А. Государственные расходные обязательства в уголовно-исполнительной системе России и проблемы их реализации : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. СПб., 2011.
7. Фаттахов И. Т. Наказания, ограничивающие личную свободу осужденного : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.
8. Иванцов С. В. Уголовная политика и пенитенциарная система: актуальные вопросы // Уголовная ответственность и наказание : сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2017.

Соотношение судебного следствия с доказыванием и судебным разбирательством в уголовном процессе

А. О. Машовец, Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург).
E-mail: okeanovna@gmail.com

Статья направлена на разработку понятийного аппарата «судебное следствие» в уголовном судопроизводстве. Автор полагает, что непосредственно судебному следствию на практике уделяется мало внимания, в отличие от отражения его роли в законодательстве. Предпринята попытка выяснить содержание понятия «судебное следствие» и определить его границы в рамках судебного разбирательства. Формулируется вывод о том, что правовая организация судебного следствия в уголовном судопроизводстве напрямую зависит от общей организации всего судебного разбирательства, а также досудебной и судебной уголовно-процессуальной деятельности субъектов судопроизводства.

Ключевые слова: судебное следствие; судебное разбирательство; доказывание; уголовное судопроизводство.

Correlation of Court Investigation with Proving and Court Trial in Criminal Procedure

A. O. Mashovets, Ural State Law University (Yekaterinburg). E-mail: okeanovna@gmail.com

The article aims to develop the term "court investigation" in criminal proceedings. The author stresses that in practice little attention is given immediately to court investigation in comparison with reflection of its role in legislation. The research attempts to detail the content of the term "court investigation" and identify its boundaries within the court trial. The conclusion made states that the legal organization of court investigation in criminal proceedings directly depends on the general organization of the whole trial as well as on pre-trial and trial criminal proceedings subjects' activity.

Keywords: court investigation; court trial; proving; criminal proceedings.

Следствие и доказывание представляют собой взаимосвязанные понятия. Эта связь настолько тесная, что в доктрине уголовно-процессуального права они часто отождествляются [1, с. 20]. В классических определениях судебного следствия чаще всего говорится о том, что оно состоит в представлении и проверке (исследовании) судебных доказательств [2]. Так, К. К. Арсеньев подчеркивал, что судебное следствие является не чем иным, как рассмотрением и проверкой в судебном заседании всех собранных по делу доказательств [3, с. 340].

По мнению С. П. Гришина, под выражениями «судебное следствие» и «судебное доказывание» подразумевается разный смысл. В качестве аргумента он приводит то, что в своей речи (и мышлении) мы связываем с понятием «судебное доказывание» содержательный, внутренний элемент следствия. Мы мыслим «следствие» (как и «суд») как нечто, имеющее форму, с которой может иметь дело человек, поэтому

говорят «он находится под следствием» или «он находится под судом». В связи с доказыванием таких оборотов в речи не возникает. Доказывание — это познание, установление фактов, выяснение обстоятельств дела. Все это может происходить во время, т. е. в ходе, форме или виде следствия [4, с. 22].

Анализ текста УПК РФ, где используются термины «судебное следствие» и «доказывание», позволяет заключить, что если через понятие доказывания определяют, как устанавливаются обстоятельства по делу, то термин «судебное следствие» имеет несколько иную смысловую нагрузку. Она призвана отразить *внешнюю сторону* того, что происходит в судебном заседании, как происходит доказывание и тот порядок, в котором должны производиться действия участников судебного заседания, осуществляющих доказывание, т. е. познание обстоятельств дела и обоснование своих выводов субъектами доказывания. Доказывание составляет внутреннее содер-

жание следствия. Судебное следствие — это *внешняя* организация доказывания или *форма*, в которой происходит доказывание по делу [4, с. 21–22]. Проводя аналогию с членами предложения, можно сказать, что «следствие» выступает *сказуемым к подлежащему* «доказывание». Подлежащие доказыванию факты устанавливаются в ходе доказывания, воспринимаемого в зале суда как сказуемое при проведении следствия.

Итак, «судебное следствие» и «судебное доказывание» — это близкие понятия, поскольку отражают две стороны одного явления — установления оснований для судебного решения или познания фактических обстоятельств дела. Только *посредством* следствия происходит доказывание. Доказывание производится через следственные, судебные и иные процессуальные действия, которые составляют содержание судебного следствия. При этом понятие «следствие», в отличие от собственно понятия «доказывание», включает в себя более широкий круг явлений, которые обычно являются предметом изучения криминалистов, психологов и тех, кто интересуется практической стороной ведения судебного следствия [5–7], а не процессуалистов. Речь идет о *технической стороне* доказывания, т. е. о том, во что на практике воплощается доказывание: техника производства следственных действий, технология доказывания. Иными словами, о приемах, средствах, используемых при производстве следственных действий, взаимодействии участников судебной процедуры, обстоятельствах и факторах, подлежащих учету и использованию для получения наибольшего эффекта от следственных действий, и т. п.

Применительно к содержанию судебного следствия важно иметь в виду, что оно включает такие два элемента судебного доказывания, как «представление» и «исследование» доказательств. Эти элементы нетипичны для досудебного доказывания. Некоторые авторы делают из этого вывод о качественно иной природе судебного доказывания и следствия, когда включают представление и исследование доказательств как отдельные самостоятельные элементы в состав понятия «доказывание» [8, с. 16–20].

Для начала важно исходить из того, что доказательственная деятельность, которая производится в ходе судебного следствия, включает в себя все элементы: собирание, представление и проверку (исследование) уже полученных по делу доказательств, оценку доказательств. Доказывание — это единая по своей сути деятельность, которая имеет место на всех стадиях уголовного судопроизводства, но с разной полнотой и глубиной. Расследование (следствие) (если его брать в предельно широком смысле — как совершение действия в целях познания предмета) также имеет место во всех стадиях уголовного про-

цесса, но проводится в различных пределах и даже в отношении различных предметов.

Таким образом, *судебное следствие — это деятельность суда и сторон, направленная на выяснение обстоятельств дела, осуществляемая посредством проведения следственных и иных процессуальных действий по представлению полученных в ходе досудебного производства доказательств, а также по собиранию, закреплению новых доказательств и исследованию, оценке судом доказательственного материала.*

Отметим, что познание и обоснование в равной степени имеют место во время судебного следствия и судебного доказывания. В теории доказательств отмечается включенность в доказывание деятельности по обоснованию, аргументации. Процесс доказывания складывается из двух взаимосвязанных между собой процессов: доказывания-познания и доказывания-обоснования, которые в практической уголовно-процессуальной деятельности всегда находятся в тесном диалектическом единстве, взаимно дополняя, обогащая и обуславливая друг друга [9, с. 70–75]. Некоторые ученые особо выделяют аргументированность, убедительность судебного следствия или отдельных следственных действий [10, с. 260]. Констатируем, что обе стороны уголовно-процессуального доказывания (и информационная, и аргументационная), переплетаясь и взаимно проникая друг в друга, присутствуют во время судебного следствия.

Попытаемся в общем виде внести ясность по вопросу о месте судебного следствия в структуре уголовного судопроизводства. Начнем с констатации очевидного, а именно того, что непосредственно вытекает из уголовно-процессуального закона. Термин «судебное следствие» используется законодателем для характеристики определенной части стадии *судебного разбирательства*, носящей одноименное название (глава 37 УПК РФ). Это собственное или узкое значение термина «судебное следствие», в котором он употребляется в ч. 1 ст. 273, ч. 3 ст. 274, чч. 1 и 2 ст. 291, ст. 294 УПК РФ. Из системного анализа уголовно-процессуальных норм вытекает, что судебное следствие имеет место при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей (чч. 1, 5 ст. 335, ч. 1 ст. 336, ч. 1 ст. 338 УПК РФ), мировым судьей — при рассмотрении дел частного обвинения (ч. 5 ст. 321 УПК РФ), а также при апелляционном пересмотре дела (ст. 389¹³ УПК РФ). Судебное следствие осуществляется при рассмотрении судом дела о применении принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 441 УПК РФ). Судебное следствие происходит при рассмотрении уголовного дела в особом порядке (ч. 5 ст. 316 УПК РФ), в том числе по уголовным делам, по которым в ходе досудебного

производства было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Означает ли отсутствие термина «судебное следствие» в статьях, регулирующих порядок производства по уголовному делу в иных судебных стадиях или особых производствах, то, что следствие по этим делам не проводится? Думается, что нет. Расследование (доказывание) осуществляется судом в каждом случае, когда ему надо прийти к какому-то решению по делу, разрешающему это дело по существу, или по отдельному спорному вопросу, либо на каком-то отдельном этапе.

Нельзя полностью отождествлять судебное разбирательство, а тем более уголовное судопроизводство, с судебным следствием. Понятно, что судебное следствие — только часть судебного разбирательства. Однако все части судебного разбирательства неразрывно связаны между собой. Окончание судебного доказывания происходит в прениях сторон. А начало его завязывается в подготовительной части судебного заседания, так что судебное следствие «подготавливается» в подготовительной части судебного заседания, и результаты его становятся предметом судебных прений. Единая концепция, общие принципы должны пронизывать все части судебного разбирательства. Важно понимать, что каждая из частей судебного разбирательства имеет свое назначение. Назначение судебного следствия состоит

в разработке доказательственного материала, его исследовании. Для формулирования выводов из проведенного судебного доказывания предназначены судебные прения. Как правильно отмечалось еще в дореволюционной литературе, представленное сторонам право делать во время судебного следствия замечания, давать объяснения, возражать свидетелям и опровергать доводы противной стороны не должно быть воспринимается как право смешивать судебное следствие с судебными прениями и представлять до окончания первого такие объяснения, которые могут служить только предметом последних [2, с. 152].

То же самое следует сказать и о разделении процессуального труда участников судебного разбирательства в подготовительной части судебного заседания и судебном следствии. Несмотря на то что доказывание в неявном виде (но от того не менее влиятельно) начинается в подготовительной части, совершать следственные действия здесь нельзя. Судебное следствие отличается тем, что в нем совершаются следственные действия, они составляют его содержание, хотя полностью его не исчерпывают. Таким образом, *правовая организация судебного следствия составляет часть общей проблемы — правильной организации судебного разбирательства, процессуальной деятельности участников уголовного процесса, осуществляемой как в суде, так и до суда.*

Список литературы

1. Попов В. Ф. Судебное следствие: проблемы оптимизации : монография. Н. Новгород, 2000.
2. Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий (ст. ст. 595–764) / под ред. проф. М. Н. Гернета. Вып. 4. М., 1916.
3. Арсеньев К. К. Судебное следствие. Сборник практических заметок. СПб., 1871.
4. Гришин С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты) : монография. М., 2008.
5. Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
6. Лубин А. Ф., Стуликов А. Н. Судебные действия: процессуальная регламентация и тактика : учеб. пособие. Н. Новгород, 2005.
7. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей : науч.-практ. пособие / под ред. С. И. Герасимова. М., 2002.
8. Александров А. С., Гришин С. П., Конева С. И. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению) : монография. 3-е изд., доп. М., 2014.
9. Ковтун Н. Н. Спорные вопросы в теории доказательств (Об устранении действительных и мнимых противоречий в уголовном процессе) // Государство и право. 1997. № 6.
10. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Н. Новгород, 2009.

Эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве

И. П. Пилюшин, Омская академия МВД России. E-mail: igor-pilyushin1962@yandex.ru

Эффективность домашнего ареста прямо зависит от простоты процедуры его избрания и применения. Для качественного использования домашнего ареста кроме требований, предусмотренных УПК РФ, необходимо устанавливать ряд дополнительных обстоятельств, связанных с жилищем, в котором планируется исполнение данной меры пресечения. Полномочия уголовно-исполнительной инспекции не обеспечивают надежного контроля за исполнением домашнего ареста. Предлагается наделить таким полномочием, как задержание подозреваемого, обвиняемого, в случае нарушения ими условий исполнения данной меры пресечения.

Ключевые слова: избрание и применение домашнего ареста; инспекция; контроль за исполнением меры пресечения; подсудимый.

Effectiveness of House Arrest in Criminal Proceedings

I. P. Pilyushin, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: igor-pilyushin1962@yandex.ru

Effectiveness of house arrest directly depends on the simple procedure of its choosing and using. To properly employ house arrest besides requirements provided by the Russian Criminal Procedural Code it is necessary to establish some additional conditions related to the house used for this measure of suppression. Penitentiary inspection powers do not guarantee reliable control over house arrest. It is suggested to vest this inspection with such powers as detaining a suspect and accused in case they fail to comply with the terms of this measure of suppression.

Keywords: choosing and employing house arrest; inspection; control over compliance with the suppression measure; defendant.

Законодатель отличает избрание меры пресечения от ее применения. Следовательно, говоря о результативности меры пресечения, необходимо обратить внимание на порядок ее избрания и применения. В связи с этим, полагаем, эффективность любой меры пресечения проявляется в таких аспектах, как:

— простота избрания и применения меры пресечения;

— надежность обеспечения мерой пресечения надлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого (далее — подсудимого).

В соответствии с п. 13 ст. 5 УПК РФ избрание меры пресечения — это принятие дознавателем (следователем), а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого. При избрании домашнего ареста Верховный Суд Рос-

сийской Федерации требует проверять, в том числе, наличие договора найма жилого помещения и срок его действия, соответствие места регистрации подсудимого месту его проживания, а также срок действия регистрации. Кроме того, необходимо выяснять, не будет ли отдаленность жилища, где проживает подсудимый, от места предварительного расследования препятствовать его доставлению к следователю (дознавателю), в суд, а также производству уголовного дела в разумные сроки¹.

Следовательно, помимо установления оснований для избрания домашнего ареста, а также обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, следователь, дознаватель (далее — правоприменитель) должен дополнительно проверить регистрацию подсудимого, наличие основания для его прожива-

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния в жилом помещении, а также не будет ли данная мера пресечения затруднять расследование, затрагивать права и законные интересы проживающих в том же жилом помещении собственника жилья или других лиц [1, с. 17].

Таким образом, кроме вынесения и согласования постановления о возбуждении соответствующего ходатайства, подготовки материалов уголовного дела, обосновывающих его для суда и прокурора, правоприменитель вынужден будет выполнить ряд процессуальных действий. Например, осмотреть жилое помещение, в котором проживает подследственный, допросить лиц, проживающих в этом жилище, произвести выемку договора, подтверждающего право проживания подследственного в нем, осмотреть его и сделать копию для приобщения ее к материалам уголовного дела, направить запросы в соответствующие учреждения для получения сведений о праве собственности на это жилое помещение, сведений о регистрации обвиняемого по месту жительства. Осуществление данной процессуальной деятельности потребует дополнительного времени. Могут возникнуть обстоятельства, препятствующие избранию домашнего ареста, например, члены семьи, проживающие с подследственным, будут против применения данной меры пресечения. Кроме того, для осуществления контроля за соблюдением подследственным условий домашнего ареста правоприменитель должен заблаговременно подготовить и направить в уголовно-исполнительную инспекцию (далее — инспекция) следующие документы:

— справку по уголовному делу, содержащую сведения о совершенном преступлении, контактную информацию о защитнике обвиняемого, информацию о нахождении обвиняемого на диспансерном наблюдении в медицинских организациях, контактные телефоны следователя (дознавателя), а также сведения о лицах, на общение с которыми обвиняемому судом наложены запреты и (или) ограничения;

— копию паспорта подследственного или иного документа, удостоверяющего его личность;

— справку о наличии или изъятии паспорта или иного документа, по которому граждане России осуществляют выезд из страны и въезд в Россию.

Таким образом, деятельность следователя (дознавателя) по принятию процессуального решения об избрании домашнего ареста более сложна, длительна, нежели избрание заключения под стражу. С точки зрения простоты избрания меры пресечения

самой эффективной является подписка о невыезде и надлежащем поведении, поскольку для этого необходимо составить лишь постановление об избрании данной меры пресечения и письменное обязательство.

Применение меры пресечения — это процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения (п. 29 ст. 5 УПК РФ). Применение домашнего ареста существенно отличается от применения заключения под стражу, которое обеспечивается режимом и внутренним распорядком в месте содержания под стражей². Применение домашнего ареста регламентируется соответствующим межведомственным нормативным правовым актом — приказом Минюста России, МВД России, СК России, ФСБ России, ФСКН России № 26/67/13/105/56 от 11 февраля 2016 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений», в соответствии с которым данная деятельность осуществляется сотрудниками инспекции. Только одно из предоставленных им полномочий позволяет фактически проверить исполнение домашнего ареста — это посещение подследственного по месту исполнения домашнего ареста не реже двух раз в неделю. Остальные полномочия сотрудника инспекции не позволяют ему качественно осуществлять контроль за исполнением домашнего ареста [5, с. 52] и состоят в оформлении документации. Так, он должен заполнить и отправить семнадцать разных документов. При принятии решения о применении технических средств контроля добавляется составление еще семи документов. В случае нарушения подследственным условий исполнения домашнего ареста сотрудник инспекции должен составить еще четыре документа. Таким образом, в общей сложности может потребоваться составление, заполнение, отправление двадцати восьми документов. Это рапорта, сообщения, уведомления, заключения, постановления, памятки, подписки, журналы и т. д.

Возможность эффективного применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля (электронные браслеты, персональные трекеры, мобильные контрольные устройства, стационарные контрольные устройства, ретрансляторы, устройства аудиовизуального контроля)³

² О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений : постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

также ограничена. Во-первых, потребуется финансирование для обеспечения инспекций такими средствами контроля, которые стоят недешево [3, с. 25; 4, с. 55]. Во-вторых, необходимо привлечение специалистов для установки, активации, обеспечения надлежащей эксплуатации и ремонта вышеуказанных технических средств контроля, что также потребует денежных средств. В-третьих, могут возникнуть обстоятельства, препятствующие применению технических средств контроля. Например, собственник жилища, в котором будет исполняться домашний арест, не даст письменного согласия на установку устройства аудиовизуального контроля.

В случае нарушения подследственным условий исполнения домашнего ареста полномочия инспекции также неэффективны, поскольку не позволяют непосредственно пресечь это нарушение [5, с. 132]. Так, реагирование заключается лишь в информировании следователя (дознателя) о нарушении и направлении им соответствующего уведомления, а также в фиксации нарушения в журнале учета. Поскольку уголовно-исполнительная инспекция согласно УИК РФ является учреждением уголовно-исполнительной системы Федеральной службы исполнения наказаний, которая, в свою очередь, выступает органом дознания, то следовало бы уполномочить инспекцию задерживать обвиняемого или подозреваемого на срок не более 48 часов в порядке ст. 210 УПК РФ для принятия следователем (дознателем) решения об изменении домашнего ареста на заключение под стражу при наличии условий, предусмотренных чч. 1, 1¹ ст. 108 УПК РФ.

Таким образом, деятельность по применению домашнего ареста также сложна и затратна. С точки зрения простоты применения меры пресечения самой надежной опять же является подписка о невыезде и надлежащем поведении, так как для этого нужно лишь забрать у подозреваемого или обвиняемого подписку о невыезде и надлежащем поведении.

Говоря о надежности обеспечения мерой пресечения надлежащего поведения подозреваемого, об-

виняемого, полагаем, домашний арест эффективен только в отношении так называемого дисциплинированного подследственного. Как правило, это лицо, не связанное с криминальным миром, совершившее преступление случайно. Здесь воля и желание подследственного строго соблюдать наложенные на него судом запреты и ограничения играют главную роль. Подписка о невыезде и надлежащем поведении минимально ограничивает права и свободы лица, в связи с чем соблюдение данной меры пресечения также зависит от желания подследственного, что компенсируется простотой и быстротой ее избрания и применения следователем (дознателем). В подобном случае подписка о невыезде и надлежащем поведении является надежной мерой пресечения и весьма популярна в органах предварительного расследования. Порядок избрания заключения под стражу сложен, требует выполнения следователем (дознателем) ряда действий. Тем не менее это также компенсируется применением данной меры пресечения сотрудниками следственного изолятора и выступает гарантией исполнения заключения под стражу, поскольку соблюдение правил изоляции не зависит от желания подследственного и в случае их нарушения он, безусловно, будет принужден к их выполнению. В связи с этим заключение под стражу представляется самой результативной мерой пресечения и часто используется органами предварительного расследования.

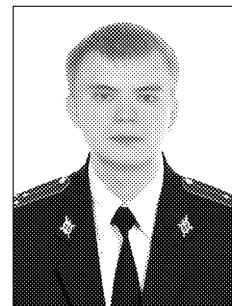
Итак, можно констатировать, что, с одной стороны, домашний арест малоэффективен, поскольку сложен порядок избрания и применения данной меры пресечения. С другой стороны, домашний арест избирателен, так как способен обеспечить надлежащее поведение, как правило, дисциплинированных подозреваемых, обвиняемых.

Избрание и особенно применение домашнего ареста представляет собой громоздкий бюрократический механизм, состоящий, в основном, в документообороте между органом предварительного расследования, судом, сотрудниками инспекции, а также иными организациями и учреждениями.

Список литературы

1. Долгих Т. Н. Актуальные вопросы избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста // Российский судья. 2014. № 2.
2. Жиляев Р. М., Первозванский В. Б., Медведева И. Н. О некоторых проблемах избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста и путях их решения // Российская юстиция. 2013. № 11.
3. Квык А. В. К вопросу о несовершенстве системы средств контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом // Российский следователь. 2017. № 4.
4. Овчинников Ю. Г. Практика использования средств персонального контроля при применении домашнего ареста // Российский следователь. 2014. № 16.
5. Ермасов Е. В., Бурмакин Г. А., Габараев А. Ш. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Уголовное право. 2016. № 1.

Особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности как одно из средств обеспечения его публичности

П. О. Панфилов, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя. E-mail: pasha_panfilov@mail.ru

Рассматривается понятие публичности уголовного судопроизводства с учетом тех публичных интересов, на обеспечение которых направлены нормы УПК РФ. Обосновывается допустимость защиты уголовно-процессуальными мерами любых публичных интересов, закрепленных в Конституции РФ. Уголовно-процессуальный закон может защитить публичные интересы в сфере экономической и предпринимательской деятельности, только если реализованы публичные интересы, связанные с обеспечением безопасности общества от преступности. На основе анализа норм УПК РФ сделан вывод о том, что обе группы публичных интересов должным образом не гарантированы.

Ключевые слова: публичность; публичный интерес; уголовное судопроизводство; экономическая и предпринимательская деятельность; преступность; конституционные права и свободы; безопасность общества.

Specifics of Criminal Proceedings on Economic and Business Crime as Means of Making it Public

P. O. Panfilov, V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: pasha_panfilov@mail.ru

The paper focuses on the term of publicity of criminal proceedings with regard to those public interests which are to be guarded by the norms of the Russian Criminal Procedural Code. It is proved admissible to use criminal procedural measures to protect any public interests guaranteed by the Russian Constitution. Criminal procedural law is able to protect public interests in economic and business sphere only if public interests connected with protecting society from crime are enforced. Estimating the norms of the Russian Criminal Procedural Code the author concludes that both groups of public interests are not properly guaranteed.

Keywords: publicity; public interest; criminal proceedings; economic and business activity; crime; constitutional rights and freedoms; security of society.

Впервые публичность уголовного судопроизводства в ее современном понимании была воплощена в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [1, с. 143]. Однако до сих пор в научном сообществе не сложилось единой точки зрения о сущности публичности. Исследователи называют ее началом [2, с. 22], функцией [3, с. 155], методом [4, с. 133], принципом [5, с. 23] уголовного процесса, т. е. авторы наполняют данную категорию разным смыслом. В. К. Случевский связывал публичность с обязательным участием в уголовном процессе органов «власти обвинительной, в чьем бы лице они ни сосредоточивались, и суда» [6]. Точка зрения о том, что публичность «обуславливает должностную активность представителей государственных органов» распространена и сегодня [7, с. 103]. По мнению И. Я. Фойницкого, публичность не может быть в должной мере реализована без развитого института защиты в уголовном

процессе [8]. Этой идее отвечает концепция современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой уголовное судопроизводство рассматривается в качестве средства защиты от любых форм произвола [9, с. 36].

Однако все ученые времен В. К. Случевского и И. Я. Фойницкого сходятся во мнении, что «публичный интерес — главный двигатель процесса и это будет до тех пор, пока преступление не будет представлять угрозу только для отдельного гражданина, а этого не будет никогда» [1, с. 147]. Традиционно публичный интерес в уголовном судопроизводстве исследователи связывают с обеспечением безопасности общества от преступности [4, с. 130]. Такого рода публичный интерес в правовом государстве закреплен в конституции и основанных на ней законах.

Безусловно, современное общество заинтересовано в защите от преступных посягательств. Этот

тезис не требует доказательств для государства, конституция которого определяет его как правовое. Но также очевидно, что данный публичный интерес не единственный. Например, государством и обществом признан приоритет государственной политики в интересах детей и необходимость законодательного обеспечения прав ребенка¹. Для защиты публичного интереса в этой сфере в УПК РФ предусмотрена ч. 1 ст. 421, направленная на выявление причин, которые повлияли на совершение преступления несовершеннолетним, в целях дальнейшей профилактики преступности, внесения корректив в процесс воспитания несовершеннолетних; ст. 427, которая устанавливает прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия и направлена на решение социальных вопросов по формированию у ребенка личности законопослушного человека, социализации его в обществе; п. 2 ч. 1 ст. 51, закрепляющий обеспечение квалифицированной юридической помощи несовершеннолетнему, находящемуся под уголовным преследованием, и другие нормы.

Публичным интересом является и квалифицированная медицинская помощь, здоровье населения. Так, Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 определено, что отсутствие должного законодательного регулирования психиатрической помощи может быть одной из причин использования ее в немедицинских целях, наносить ущерб здоровью, человеческому достоинству и правам граждан, а также международному престижу государства². защите данных ценностей служит глава 51 УПК РФ. В ситуации, когда установлено, что лицо не обладает дееспособностью, не является субъектом преступления, она позволяет направить дело в суд для решения вопроса о применении к лицу принудительных мер медицинского характера, а не прекращать его в порядке ст. 24 УПК РФ. Таким образом, уголовное судопроизводство обеспечивает публичные интересы, направленные на излечение лица от психического заболевания, защиту общества от последующих преступных действий, вызванных психическим состоянием человека.

Оба примера дают нам возможность сделать выводы о существовании множества публичных интересов в важнейших сферах жизни общества и государства, а также о допустимости их обеспечения посредством уголовного судопроизводства. Действи-

тельно, уголовно-процессуальное право — не единственное средство защиты системы конституционных ценностей, однако в случае возникновения реальной угрозы ее нарушения необходимость применения уголовно-процессуального метода правового регулирования очевидна [10, с. 112].

В условиях, когда «в 2016 году средняя месячная зарплата в России была в 8 раз ниже, чем в США, в пять с лишним раз меньше, чем в Германии, в 1,5–1,9 раза, чем в Чехии, Латвии и Литве»³, а «труд в нашем обществе считается одной из базовых ценностей»⁴ одними из важнейших публичных интересов, закрепленных в ст. ст. 34–37 Конституции РФ являются экономические и предпринимательские. Принятие необходимых мер по обеспечению свободы предпринимательства, улучшению делового и инвестиционного климата, поддержке российского бизнеса и защиты его прав является неотъемлемым элементом экономического благополучия [11, с. 26]. Могут ли быть среди этих мер уголовно-процессуальные? Учитывая, что уголовный процесс служит публичным интересам, а обеспечение нормальных экономических отношений является интересом публичным, закрепленным в Конституции РФ, напрямую связанным с благосостоянием общества, полагаем, ответ очевиден.

Однако с появлением в УПК РФ положений, регламентирующих порядок уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности, в научных работах все чаще стали звучать идеи о том, что «ослабели публичные начала уголовного процесса» [3, с. 150], «пересматривается граница между частным и публичным правом, попирая представления о справедливости» [12, с. 24].

Так, А. С. Александров и И. А. Александрова считают, что уголовная юстиция должна обеспечивать экономическую безопасность государства и общества [13, с. 7], но нормы, устанавливающие особенности производства по уголовным делам рассматриваемой группы, на это не направлены [14, с. 3]. Авторы предупреждают законодателя и научное сообщество о том, что недопустимо в погоне за публичными интересами в сфере экономической и предпринимательской деятельности пренебрегать публичным интересом, связанным с обеспечением безопасности общества от преступности.

К. А. Волков говорит о необходимости бороться с экономической преступностью, а также обе-

¹ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Рос. газета. 1998. 5 авг.

² О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) : закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 (ред. от 03.07.2016) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 33, ст. 1913.

³ Миркин Я. Недооцененный труд рождает нищету в головах // Рос. газета. 2017. 7 сент.

⁴ Владыкина Т. Большинство россиян предпочтет работать даже при безбедной жизни // Там же. 28 апр.

спечить сферу законной предпринимательской деятельности действенной защитой от возможных злоупотреблений правом со стороны недобросовестных участников судопроизводства. При этом указывает на недостатки действующего уголовно-процессуального законодательства, среди которых называет положения ч. 3 ст. 20, ст. 28¹, п. 1.1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ [15, с. 36–39].

А. А. Тарасов, А. Р. Шарипова полагают, что экономические отношения сами по себе не должны входить в предмет правового регулирования уголовно-процессуального права. По их мнению, публичные интересы в сфере экономической и предпринимательской деятельности, при всей их важности, не должны становиться единственным приоритетом в уголовно-процессуальных нормах, несистемное изменение которых приведет лишь к новым сложностям [16, с. 53–56].

Таким образом, каждый из указанных исследователей признает, что возможно реализовать уголовно-процессуальными методами публичные интересы, связанные с обеспечением безопасности общества от преступности, так, чтобы не пострадали (были защищены) публичные интересы в сфере экономики и предпринимательства, однако формулировка действующих в УПК РФ норм на это не направлена.

С этим следует согласиться. На наш взгляд, положение о том, на что должны быть направлены правовые нормы, обеспечивающие публичные интересы в сфере экономической и предпринимательской деятельности, точно сформулировано Пленумом Верховного Суда Российской Федерации: создание дополнительных гарантий законного и обоснованного привлечения к уголовной ответственности для лиц, занимающихся предпринимательской и экономической деятельностью⁵. Подобная формулировка не противоречит публичному интересу, связанному с обеспечением безопасности общества от преступности. Но этого нельзя сказать про редакцию и идейное наполнение соответствующих статей УПК РФ.

Положения ч. 3 ст. 20 УПК РФ требуют «уже на момент начала расследования достоверно устанавливать личность совершившего преступление, в связи с каким родом деятельности произошло деяние и иные обстоятельства» [17, с. 15]. Это противоречит ч. 3 ст. 147 УПК РФ, которая в качестве особого условия возбуждения уголовного дела частного-публичного обвинения определяет лишь наличие заявления потерпевшего или его законного представителя. Таким образом, дополнительные условия, предусмотрен-

ные ч. 3 ст. 20 УПК РФ и направленные на защиту публичного интереса в сфере экономики, препятствуют реализации публичного интереса, связанного с обеспечением безопасности общества от преступности, направленного на то, чтобы в кратчайшие сроки дать юридическую оценку совершенному деянию, и в случае установления признаков преступления начать расследование.

В ущерб публичному интересу, связанному с обеспечением безопасности общества от преступности, действуют положения ст. 28¹ УПК РФ. Как правильно утверждает В. В. Трухачев, сложность уголовного дела определяется не конструкцией состава преступления, а трудностью доказывания конкретных обстоятельств, входящих в предмет доказывания [18, с. 390]. Доказывание обстоятельств по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 28¹ УПК РФ, может вызвать сложности ввиду того, что требует применения специальных познаний. Это обуславливает необходимость гарантий убежденности, что уголовное преследование прекращено в отношении действительно виновного, которых ст. 28¹ УПК РФ не содержит, что противоречит публичному интересу, направленному на установление лица, виновного в совершении преступления.

Если для проведения полного и всестороннего осмотра предметов и документов, сроков, предусмотренных ст. 81¹ УПК РФ, окажется недостаточно (по данной категории преступлений объем материалов уголовного дела может достигать 80 томов [19, с. 143]), значит законодатель жертвует полным и всесторонним установлением обстоятельств по уголовному делу (что также относится к публичному интересу, связанному с обеспечением безопасности общества от преступности) ради интересов предпринимателей.

Применение положений ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ исключает из правового регулирования процесса избрания меры пресечения в виде заключения под стражу ст. 99 УПК РФ, которая устанавливает общие для всех уголовных дел обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения. Даже в случае, если обстоятельства свидетельствуют о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, положения ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ запрещают суду избрать данную меру. Так, одним из представителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации было признано, что попытка скрыться от уголовного преследования является единственным законным основанием для избрания в отношении предпринимателя меры пресечения в виде заклю-

⁵ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 // Там же. 2016. 24 нояб.

чения под стражу⁶. Такая привилегия не исключает, что подозреваемый (обвиняемый) может уйти от уголовной ответственности, скрывшись от следствия и суда, а значит публичный интерес, направленный на привлечение виновного к уголовной ответственности, может пострадать. При этом очевидно, что созданием подобных привилегий для предпринимателей экономические проблемы государства и общества не решить, законную предпринимательскую деятельность не защитить. Точно выразился Президент Российской Федерации В. В. Путин на совещании с членами Правительства РФ: «Бизнес не для бизнесменов, а для людей, которые пользуются этими услугами»⁷.

В соответствии с ч. 1² ст. 140 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела по ст. 172¹ УК РФ могут быть только материалы, направленные Центральным банком Российской Федерации, конкурсным управляющим или ликвидатором. Подобная формулировка, имеющаяся в ней слово «только» — «отстранили органы внутренних дел, а также другие правоохранительные органы от процесса выявления данного преступления»⁸. В такой ситуации публичный интерес, направленный на защиту общества и государства от преступных посягательств, реализован быть не может. По справедливому замечанию З. И. Биржак, В. Г. Стаценко, положения ч. 1² ст. 140 УПК РФ «не носят позитивного характера и препятствуют действию принципа публичности на стадии возбуждения уголовного дела» [20, с. 21].

Целью введения ч. 7 ст. 241 УПК РФ было «сократить время, необходимое для оглашения приговора»⁹. Законодатель поставил знак равенства между большим объемом уголовного дела и уголовными делами о преступлениях в сфере экономической деятельности. В результате общество не имеет сведений о мотивации решения суда вплоть до вступления приговора в законную силу, т. е. на протяжении длительного времени. После этого появляется возможность ознакомления лишь с фактологически усеченным текстом вступившего в силу приговора¹⁰.

Таким образом, гласность, которая, по мнению ряда исследователей, является проявлением публичности [21, с. 136–137], по рассматриваемой категории дел ограничена.

Указанные положения УПК РФ создают препятствия на пути реализации публичного интереса, состоящего в обеспечении безопасности от преступности путем правильного установления обстоятельств по уголовному делу, выявлении действительно виновных и назначении им справедливого наказания. Это основной публичный интерес, ради которого был создан уголовный процесс, и именно он должен быть защищен в первую очередь, что не означает, что иными публичными интересами можно пренебречь. Они могут (а в некоторых случаях — должны) быть обеспечены уголовно-процессуальными методами, но только в том случае, если защищен основной.

На наш взгляд, не следует категорически отказываться от всех имеющихся нововведений. Некоторые из них имеют плюсы и позитивно влияют на реализацию публичных интересов, связанных с обеспечением безопасности общества от преступности и публичных интересов в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

Например, положительно был оценен руководителем Следственного комитета Российской Федерации порядок рассмотрения сообщений о преступлении, предусмотренный чч. 7–9 ст. 144 УПК РФ. По словам А. И. Бастрыкина, в 2016 г. окончено производством свыше 3 тысяч дел, показатель возмещенного ущерба в два раза превышает показатель 2015 г.¹¹ Это в пользу основного публичного интереса. Положительную оценку чч. 7–9 ст. 144 УПК РФ дают и представители научного сообщества [22, с. 51]. Более того, Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ¹² перечень составов преступлений, по которым применяется данный порядок, был расширен. Однако затягивание процедуры проверки сообщения о преступлении может привести к тому, что виновное лицо от следствия скроется, а необходимые следы преступления будут уничтожены. Есть случаи,

⁶ Генпрокуратура России советует бизнесменам не «бегать» от следствия. URL: <https://ria.ru/incidents/20161213/1483485122.html> (дата обращения: 27.09.2017).

⁷ Стенограмма совещания Президента Российской Федерации с членами Правительства Российской Федерации от 27.09.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/55715> (дата обращения: 27.09.2017).

⁸ Козлова Н. Арест дома // Рос. газета. 2017. 12 апр.

⁹ Заключение по проекту Федерального закона № 602755-5 «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=602755-5&02> (дата обращения: 20.05.2017).

¹⁰ Правовая позиция Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15.05.2017 «О проекте федерального закона № 163784-7 „О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации“». URL: http://fparf.ru/documents/legal_positions/38829/ (дата обращения: 31.08.2017).

¹¹ Козлова Н. Указ. соч.

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды : федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ // Там же. 4 авг.

когда сообщения о налоговых преступлениях поступают в следственные органы по истечении срока давности [23, с. 21]. Подобные риски ущерба публичному интересу недопустимы.

Не лишены положительного эффекта п. 3¹ ч. 4 ст. 46, п. 9¹ ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Так, в апелляционном постановлении Московского городского суда от 20 февраля 2017 г. № 10-2168/2017¹³ изложено требование адвоката об отмене постановления Тверского районного суда города Москвы от 27 января 2017 года в части продления срока содержания под домашним арестом К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ. Адвокат мотивировал требование тем, что применение домашнего ареста создает препятствия реализации права обвиняемого К. на ведение предпринимательской деятельности. В данном случае наличие п. 9¹ ч. 4 ст. 47 УПК РФ, а также связанной с ним ч. 13 ст. 108 УПК РФ позволило суду пресечь попытку злоупотребления правом, указанным адвокатом, и отказать в его требовании. Мотивация следующая: обвиняемый может иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления его интересов в сфере предпринимательской деятельности, что закреплено в п. 9¹ ч. 4 ст. 47 УПК РФ, т. е. является одним из его неотъемлемых прав, для реализации которого судебного разрешения не требуется. Помимо очевидной пользы для предварительного расследования, данная норма предоставляет подозреваемому (обвиняемому) реальную возможность сохранить бизнес, несмотря на заключение под стражу, что важно для российской экономики. Однако не учитывается, законный ли это бизнес или преступный, замаскированный под законный, а также не исключается возможность отчуждения имущества, на которое может быть наложен арест. Это, безусловно, вредит основному публичному интересу.

Имеющиеся недостатки говорят о том, что современное законодательство не идеально обеспечивает публичность уголовного судопроизводства и требует совершенствования. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности могли бы занять свое место в системе норм, обеспечивающих публичность уголовного судопроизводства, но в настоящее время создают для нее больше угроз, чем обеспечивают защиту.

Итак, сделаем выводы.

1. Публичность уголовного судопроизводства предполагает обеспечение любых публичных интересов, которые закреплены в Конституции РФ.

2. Обеспечение публичных интересов, важнейших сфер общественной жизни, посредством уголовного судопроизводства допустимо и служит нормальному функционированию государства и общества.

3. Защита публичных интересов в сфере экономической и предпринимательской деятельности посредством уголовно-процессуального закона допустима, но возможна только в случае, если должным образом реализован основной публичный интерес, связанный с обеспечением безопасности от преступности путем правильного установления обстоятельств по уголовному делу, выявлении действительно виновных и назначении им справедливого наказания.

4. Положения, предусмотренные ч. 3 ст. 20, ст. 28¹, ст. 81¹, ч. 1¹ ст. 108, ч. 1² ст. 140 УПК РФ, не защищают публичные интересы в сфере экономической и предпринимательской деятельности, а также препятствуют реализации публичного интереса, состоящего в обеспечении безопасности общества от преступности.

5. Положения чч. 7–9 ст. 144, п. 3¹ ч. 4 ст. 46, п. 9¹ ч. 4 ст. 47 УПК РФ оказывают положительный эффект на процесс уголовного судопроизводства, однако не исключают риски ущерба основному публичному интересу.

Список литературы

1. Победкин А. В. Публичность, которую мы потеряли (размышления в связи со 150-летием Устава уголовного судопроизводства) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3.
2. Барабаш А. С., Брестер А. А. Метод российского уголовного процесса. СПб., 2013.
3. Победкин А. В. Об основной функции уголовного судопроизводства и методе уголовно-процессуального регулирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 1(18).
4. Давлетов А. А., Барабаш А. С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2011. № 4.
5. Аширбекова М. Т., Кудин Ф. М. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации). Волгоград, 2007.

¹³ Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 февраля 2017 г. № 10-2168/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I. Судостроительство (под ред. и с пред. В. А. Томсинова). Зерцало, 2008. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. Азарёнок Н. В. Вправе ли суд по собственной инициативе возбуждать уголовное дело? // Журнал российского права. 2011. № 2.
8. Защита в уголовном процессе как служение общественное. И. Я. Фойницкий, Ординарный Профессор С.-Петербургского Университета. По изданию 1885 г. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum2050/item2054.html> (дата обращения: 06.10.2017).
9. Химичева Г. П., Химичева О. В. УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства // Закон и право. 2002. № 10.
10. Победкин А. В. Содержание уголовно-процессуального права как выражение объективной социальной потребности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3(26).
11. Головин А. Ю. Задачи криминалистики в сфере защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 3-2.
12. Александров А. С. Пишем отдельный УК для предпринимателей? // Уголовное судопроизводство. 2012. № 4.
13. Александров А. С., Александрова И. А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1(6).
14. Александров А. С., Александрова И. А. Новые правовые стандарты противодействия преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Материалы V Международной научно-практической конференции. 27–29 апреля 2017 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. Симферополь, 2017.
15. Волков К. А. Совершенствование правосудия по уголовным делам в отношении предпринимателей // Российский следователь. 2013. № 18.
16. Тарасов А. А., Шарипова А. Р. Уголовно-процессуальное право в системе социальных регуляторов: место и значение // Lex Russica. 2015. № 8.
17. Муравьев К. В. Расширение диспозитивных начал по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики // Российский следователь. 2013. № 8.
18. Трухачев В. В. Критерии сложности уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2.
19. Суров О. А. Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере экономики // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2010. № 3(7).
20. Брижак З. И., Стаценко В. Г. Некоторые проблемы действия принципа публичности в уголовном процессе // Российский следователь. 2014. № 24.
21. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
22. Апостолова Н. Н. Защита интересов бизнеса в уголовном судопроизводстве на стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2016. № 2.
23. Бажукова Ж. А., Париуткина Л. Н. О некоторых проблемах производства по уголовным делам о налоговых преступлениях // Российский следователь. 2017. № 2.

УДК 656.13.08 + 342.44 © В. В. Головко, К. В. Маслов, 2018

Назначение административного наказания за административные правонарушения в области дорожного движения в виде административного ареста: проблемы и перспективы

В. В. Головко, Омская академия МВД России. E-mail: golovkovlad@yandex.ru

К. В. Маслов, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. E-mail: mas-law@mail.ru

Проводится анализ истории возникновения административного наказания в виде административного ареста, а также современной правоприменительной деятельности уполномоченными органами, их должностными лицами. Уделяется внимание эффективности использования административного ареста в области дорожного движения за грубое нарушение Правил дорожного движения Российской Федерации. Раскрываются современные тенденции применения административных наказаний в области дорожного движения, а также проблемы и перспективы повышения эффективности правоприменительной деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: административные наказания; обеспечение безопасности дорожного движения; административные наказания в области дорожного движения; органы внутренних дел; полиция; превышение установленной скорости движения; состояние опьянения; административный арест;

Государственная инспекция безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Imposing Administrative Arrest as Administrative Penalty for Road Traffic Offences: Problems and Prospects

V. V. Golovko, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: oma@mvd.ru

K. V. Maslov, Dostoevsky Omsk State University. E-mail: mas-law@mail.ru

The authors consider the origin of administrative punishment through administrative arrest and the current law enforcement activity performed by authorized bodies and their officials. The focus is made on the effective use of administrative arrest for gross violation of the Russian State Vehicle Code. The paper reveals modern tendencies in imposing administrative penalties for road traffic violations as well as problems and prospects of increasing effectiveness of law enforcement activity performed by the Russian MIA State Inspection of Road Traffic Safety.

Keywords: administrative penalties; providing road traffic safety; administrative penalties for road traffic violations; law enforcement agencies; police; exceeding the speed limit; alcohol intoxication; administrative arrest; the Russian MIA State Inspection of Road Traffic Safety.

Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач на современном этапе развития России. Аварийность на автомобильном транспорте наносит значительный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. Дорожно-транспортный травматизм приводит к исключению из сферы производства людей трудоспособного возраста. Ежегодно в стране в результате ДТП погибают

около 25 тыс. граждан или получают ранения свыше 275 тыс. человек¹. И в каждом таком случае это личная трагедия для пострадавшего и его близких, демографический и социально-экономический ущерб для общества и государства.

Низкий уровень безопасности дорожного движения заметно влияет на внутреннюю составляющую национальной безопасности страны, затрагивает конституционные права и свободы граждан, является фактором, негативно воздействующим на

¹ URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 22.01.2018).

обеспечение общественной безопасности в России, и представляет собой государственную проблему, что в итоге придает задаче обеспечения безопасности дорожного движения государственную значимость. Большинство ДТП — следствие административных деликтов, допущенных участниками дорожного движения. Решение этой проблемы требует укрепления дисциплины водителей, пешеходов и других участников дорожного движения, а следовательно, повышения эффективности правового воздействия на них [1, с. 3].

Понятие административного ареста законодательно определено в ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ. Административный арест заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества и устанавливается на срок до 15 суток, а за нарушение требований режима чрезвычайного положения или в зоне проведения контртеррористической операции — до 30 суток. Административный арест назначается судьей, применяется только в качестве основного наказания и, на наш взгляд, является исключительно тяжким наказанием. Следует отметить, что применение этой меры наказания предусмотрено за совершение мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ), а также неповиновение законному распоряжению или требованию работника полиции, военнослужащего или сотрудника уголовно-исполнительной системы (ст. 19.3 КоАП РФ), неисполнение законного распоряжения судьи (ст. 19.3 КоАП РФ), других видов административных деликтов, а также при замене уголовной ответственности административной за правонарушение в сфере дорожного движения. Водитель может быть подвергнут этому виду наказания лишь по ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ (управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством), ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ (управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами), ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ (невыполнение водителем, не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами, законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ (оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он был).

Существует позиция, согласно которой административный арест является одной из наиболее

суровых административных санкций, затрагивающих неприкосновенность личности. Основное его правоограничение — лишение свободы. Тяжесть наказания в значительной мере зависит от продолжительности административного ареста, который выступает в качестве основного наказания, поэтому дополнительное применение иных санкций вряд ли возможно. Можно согласиться с мнением, что административный арест ввиду особой ценности объекта его правоограничительного воздействия должен занимать последнюю ступень в иерархии административных наказаний [2, с. 140]².

Законодатель четко определил, что административный арест не может применяться к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, лицам, не достигшим 18 лет, инвалидам I и II групп, военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, а также к лицам, имеющим специальные звания сотрудников органов внутренних дел, и другим лицам, перечисленным в ст. 3.9 КоАП РФ. По общему правилу (ч. 3 ст. 3.9 КоАП РФ), срок административного задержания включается в срок административного ареста.

Мы поддерживаем мнение профессора А. С. Дугенца, который полагает, что норма, содержащаяся в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ, подлежит некоторому реформированию. В целях гуманизации данной нормы перечень предусмотренных в ней субъектов ответственности необходимо расширить [3, с. 108]. Интересы привлекаемых к ответственности лиц должны быть защищены не только возможностью альтернативного применения административного ареста, но и увеличением круга субъектов анализируемых административно-деликтных отношений. В юридической литературе вполне правомерно высказываются предложения о необходимости дополнения указанного перечня (например, «женщины, достигшие 55 лет и старше»; «мужчины, достигшие возраста 60 лет и старше» [4, с. 78; 5, с. 159].

Среди ученых в последнее время нет единого мнения о целесообразности данного вида наказаний в российской системе административных наказаний. Более того, сомнения в необходимости административного ареста высказывались в вето Президента Российской Федерации, направленном в Государственную Думу РФ на проект принятого в декабре 2000 г. КоАП РФ.

По мнению В. Г. Татаряна, «если изъять из правового оборота данное административное наказание, не дав взамен равноценную меру государственного принуждения, применяемую к наиболее злостным правонарушителям, то правоприменители в лице

² Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Э. Н. Ренова. М., 2009. С. 38.

судей, должностных лиц органов внутренних дел останутся без достаточно эффективного средства влияния на оперативную обстановку в городах и населенных пунктах страны, так как применять, например, к неработающему мелкому хулигану или бытовому пьянице меру ответственности в виде административного штрафа не представляется возможным в силу хронической неплатежеспособности последних» [6, с. 14].

Полагаем, если административный арест заменить на наказание в виде обязательных работ, то можно согласиться с этой точкой зрения. Изучение административной практики позволяет сделать вывод, что сегодня вряд ли целесообразно применение административного ареста в области дорожного движения. В указанной сфере в законодательном порядке надлежит ввести дополнительные виды наказаний: прослушивание лекций о ПДД, пересдачу экзамена ПДД или выполнение обязательных работ, которые эффективно применяются за рубежом. Подобного мнения придерживаются и другие авторы [3, с. 114; 7, с. 86, 91–95; 8, с. 19; 9, с. 74]. Анализ статистических данных показывает, что административное наказание применяется крайне редко³, поэтому говорить о целесообразности и эффективности применения данного вида наказания в области дорожного движения сегодня вряд ли возможно.

Для административного наказания характерно, что оно: представляет меру ответственности за совершенное административное правонарушение; применяется к виновному лицу широким кругом уполномоченных на то субъектов; носит личный или имущественный характер. Наказание должно быть соразмерно тяжести совершенного правонарушения и особенностям личности виновного. Вместе с тем одной из проблем остается отсутствие у правоприменителя возможности выхода за низший предел соответствующей санкции закона. Размеры административных штрафов в области дорожного движения иногда составляют большую часть заработной платы водителя, что, на наш взгляд, не сочетается с принципом целесообразности.

Административная практика применения наказаний не имеет стабильных тенденций и характеризуется постоянными активизацией и спадом. Санкции периодически пересматривались в сторону уменьшения, то увеличения. Особенно это присуще области дорожного движения, когда законодатель систематически вносит изменения в КоАП РФ.

В целях совершенствования применения административных наказаний в указанной сфере следует отменить в законодательном порядке административный арест, фиксированные размеры штрафа и назначать их в зависимости от задекларированного годового дохода виновного лица.

Список литературы

1. Головко В. В., Слышалов И. В. Административная деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения : монография. Омск, 2017.
2. Максимов И. В. Система административных наказаний по законодательству Российской Федерации / под ред. Н. М. Конины. М., 2009.
3. Дугенец А. С. Административно-юрисдикционный процесс : монография. М., 2003
4. Головко В. В. Административно-юрисдикционная деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения : монография. Омск, 2007.
5. Татарян В. Г., Татарян Е. Е. Административный арест и его исполнение в свете кардинального реформирования административно-деликтного законодательства // Актуальные проблемы кодификации административно-деликтного законодательства : сб. науч. тр. / под ред. В. Г. Татаряна. М., 2002.
6. Татарян В. Г. Генезис административно-деликтного законодательства: от общесоюзных основ до кодексов государств-участников СНГ об административных правонарушениях // Актуальные проблемы правовой реформы в Российской Федерации и государствах-участниках Содружества Независимых Государств : сб. науч. тр. : в 2 т. / под общ. ред. В. Г. Татаряна. М., 2002. Т. 1.
7. Киясханов И. Ш. Права и свободы граждан в учетно-регистрационной и лицензионно-разрешительной деятельности милиции : монография. Омск, 1997.
8. Студеникина М. С. Административно-правовое регулирование в сфере экономики // Государство и право. 2001. № 12.
9. Стуканов А. П. Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации. СПб., 2000.

³ URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 22.01.2018).

УДК 351.74 © И. В. Слышалов, 2018

Планы действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах и их соотношение с планом «Перехват»

И. В. Слышалов, Омская академия МВД России. E-mail: 8913967@gmail.com

Рассмотрены особенности планирования деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах, основные принципы планирования, а также процедурные и содержательные требования к планам действий при чрезвычайных обстоятельствах. Показана необходимость терминологически точного использования понятия «чрезвычайные обстоятельства». Установлено, что план «Перехват» к числу планов действий при чрезвычайных обстоятельствах не относится, однако обладает многими их характерными чертами, а отдельные положения приказа МВД РФ, регламентирующие порядок введения плана «Перехват», нуждаются в уточнении.

Ключевые слова: чрезвычайные обстоятельства; планирование деятельности; органы внутренних дел; план «Перехват».

Law Enforcement Agencies' Scenarios in Cases of Emergency and their Correlation with Scheme "Capture"

I. V. Slyshalov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: 8913967@gmail.com

The article comprises the peculiarities of planning law enforcement agencies' activity in cases of emergency, the main principles of planning and procedural and content requirements to the activity plans in cases of emergency. The author proves that it is necessary to accurately apply the term "cases of emergency". It is established that the scheme "Capture" does not belong to scenarios in cases of emergency, however, it possesses a lot of features typical for them. It is stated that certain provisions of the Russian MIA order regulating the procedure of introducing the scheme "Capture" need to be detailed.

Keywords: cases of emergency; planning activity; law enforcement agencies; scheme "Capture".

Одна из возможных классификаций деятельности органов внутренних дел предполагает ее деление на деятельность, осуществляемую в повседневных условиях, и деятельность, осуществляемую при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

В научной и учебной литературе существует немало работ, посвященных рассмотрению особенностей деятельности органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств [1–3]. Тем не менее, можно утверждать, что среди исследователей отсутствует единое понимание значения термина «чрезвычайные обстоятельства». Нередко он используется в качестве синонима таким понятиям, как «чрезвычайная обстановка», «кризисная ситуация», «чрезвычайная ситуация» и др. Как правило, во всех случаях речь идет о каких-то экстраординарных, существенно отличающихся от условий повседневной деятельности

обстоятельствах. Однако подобное понимание является возможным только с позиции обывателя.

С правовой точки зрения объем понятия «чрезвычайные обстоятельства» вполне определен. В соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹ *чрезвычайные обстоятельства* — это обстоятельства, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер.

К таким обстоятельствам относятся:

- 1) попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти;
- 2) вооруженный мятеж;

¹ О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3) массовые беспорядки;
4) террористические акты;
5) блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей;

6) подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований;

7) межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления;

8) чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могут повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ².

Таким образом, можно говорить о существовании восьми разновидностей обстоятельств, которые могут именоваться чрезвычайными. В связи с этим произвольное отнесение к категории «чрезвычайные обстоятельства» событий, хотя и явно отличающихся от повседневных условий деятельности (например, задержание вооруженной группы преступников), но не относящихся к одной из перечисленных разновидностей обстоятельств, не является юридически корректным, поскольку противоречит истинному значению термина.

Несомненно, организация деятельности органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств существенным образом отличается от процессов управления в повседневных условиях [4, с. 41–43].

Одну из основных организационных особенностей выполнения задач при возникновении чрезвычайных обстоятельств представляет создание и функционирование особых *нештатных* формирований. Данная особенность характерна и для органов управления, создаваемых на период чрезвычайных обстоятельств для управления силами и средствами, и для тактических групп, создаваемых для решения конкретных оперативно-служебных задач при чрезвычайных обстоятельствах.

К числу основных *факторов*, оказывающих дестабилизирующее влияние на процессы управления, следует отнести:

— дефицит времени;
— необходимость принятия сложных и ответственных управленческих решений с задействованием значительного количества сил и средств;
— отсутствие у личного состава практического опыта действий в аналогичных ситуациях;
— возможность быстрого изменения оперативной обстановки.

Очевидно, что при таких условиях одним из основных способов обеспечения адекватного и своевременного реагирования на возникающие угрозы является *планирование* деятельности, т. е. заблаговременное определение алгоритмов действий сотрудников органов внутренних дел при возникновении какого-либо чрезвычайного обстоятельства.

В литературе справедливо отмечается, что далеко не всегда планирование имеет целью недопущение каких-либо нежелательных событий. В ряде случаев планирование направлено на недопущение ухудшения оперативной обстановки, минимизацию негативных последствий произошедшего [5, с. 43].

Планирование деятельности органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств – это деятельность субъекта управления по определению целей и задач органа внутренних дел на предстоящий период деятельности в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств определенного вида, способов и средств их достижения, а также последовательности их решения и сроков выполнения.

Планирование действий органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств проводится *в целях* обеспечения высокой оперативно-служебной готовности органа внутренних дел и является одной из составляющих заблаговременной подготовки органа внутренних дел к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

Планирование деятельности органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств осуществляется на основе определенных *принципов*. Под ними понимается совокупность основных положений, определяющих сущность и содержание отношений, возникающих в ходе планирования деятельности органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

Основными принципами планирования деятельности органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств являются заблаговременность, целеустремленность, точность, гибкость, перспективность. Их соблюдение позволя-

² В таком же виде определение понятия «чрезвычайные обстоятельства» приводится в отдельных нормативных правовых актах МВД России.

ет с наибольшей эффективностью осуществлять запланированные мероприятия и использовать силы и средства.

Принцип *заблаговременности* означает обязательность подготовки и утверждения планов действий при чрезвычайных обстоятельствах не только перед началом специальной операции, но и заблаговременно.

Под *целеустремленностью* понимается необходимость заблаговременного и точного определения главных задач, на решении которых должны быть сосредоточены основные усилия.

Точность — это направленность на исключение возможных ошибок при осуществлении расчетов различного рода (расчеты сил и средств, расчеты на перевозку и др.).

Гибкость планирования означает возможность вносить необходимые изменения или уточнения в ранее намеченные мероприятия без перестройки плана в целом, что придает планам действий при чрезвычайных обстоятельствах динамичный и актуальный характер и обеспечивает своевременное реагирование на изменения оперативной обстановки.

Перспективность означает целесообразность планирования деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах на основе предвидения возможных изменений оперативной обстановки и получения (поступления) новых задач (вводных) в ходе проведения специальной операции.

Перечисленные принципы планирования направлены на то, чтобы планы действий при чрезвычайных обстоятельствах были реальными, а силы и средства использовались наиболее эффективно в интересах решения поставленных задач и достижения намеченной цели.

Остановимся на наиболее общих положениях особенностей планирования деятельности органов внутренних дел в особых условиях, являющихся результатом анализа открытых нормативных правовых актов и научной литературы [6].

Как уже отмечалось, под планированием понимается особый вид деятельности органов внутренних дел, направленный на определение целей и задач при возникновении чрезвычайных обстоятельств, способов и средств их достижения, а также последовательности их решения и сроков выполнения.

Одним из практических (материальных) результатов планирования является подготовка (разработка) планов действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах.

План действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах — это комплекс оперативно-служебных документов, определяющих порядок действий подразделений органов внутрен-

них дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

План действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах представляет собой сложный многостраничный документ, в котором максимально конкретно, с учетом имеющихся возможностей по прогнозированию развития оперативной обстановки, описаны очередность и содержание действий личного состава органа внутренних дел (*сил*), а также целесообразный порядок управления материальными ресурсами (*средств*) органа внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств различного вида.

План действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах разрабатывается не во всех, но в подавляющем большинстве территориальных органов внутренних дел. В тех органах внутренних дел, в которых планы действий при чрезвычайных обстоятельствах подготавливаются, порядок их оформления представляет сложную процедуру и включает следующие элементы (*этапы*):

- 1) разработка проекта плана;
- 2) подписание проекта плана уполномоченным должностным лицом органа внутренних дел;
- 3) согласование проекта плана с руководителями подразделений органов государственной власти, с которыми планируется организация взаимодействия при возникновении чрезвычайного обстоятельства;
- 4) утверждение плана уполномоченным должностным лицом органа внутренних дел.

После утверждения план действий органа внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах приобретает силу обязательного для исполнения документа. План передается в специально отведенное и соответствующе оборудованное место, позволяющее обеспечить его хранение с соблюдением требований режима секретности, а также оперативное использование в случае необходимости.

Следует также отметить, что план действий органа внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах не является статичным документом, поскольку в его отношении, в целях обеспечения соответствия его содержания меняющимся условиям оперативной обстановки, предусмотрены процедуры внесения уточнений и корректировок.

Представляется интересным рассмотрение вопроса о правовой природе и содержании одного из наиболее известных и часто применяемых в практической деятельности планов действий органов внутренних дел — плане «Перехват».

Возможность введения данного плана, а также порядок его введения и содержание действий предусмотрены приказом МВД России от 17 февраля 1994 г. № 58 «О мерах по усилению борьбы с преступ-

ными посягательствами на автотранспортные средства»³.

План «Перехват» закрепляет действия органов внутренних дел по осуществлению неотложных оперативно-розыскных мероприятий при получении сообщения о незаконном завладении автотранспортным средством, дорожно-транспортном происшествии, с места которого транспортное средство скрылось.

Отметим, что план «Перехват» имеет весьма косвенное отношение к планам действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах. Формально он план действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах не представляет, поскольку хищение и угон автотранспорта, а также оставление места дорожно-транспортного происшествия не являются чрезвычайными обстоятельствами.

Между тем, в соответствии с п. 2.2 Инструкции по розыску автотранспортных средств (утверждена приказом МВД России от 17 февраля 1994 г. № 58 «О мерах по усилению борьбы с преступными посягательствами на автотранспортные средства»), разработка плана «Перехват» осуществляется *в порядке и в соответствии с требованиями ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок разработки планов действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах*, что придает ему определенные черты (признаки) планов действий при чрезвычайных обстоятельствах.

План «Перехват» разрабатывается в каждом территориальном органе внутренних дел и находится в дежурной части. В дежурные части структурных подразделений, самостоятельно план не разрабатывающие, направляются для исполнения соответствующие *выписки* из плана.

План «Перехват» утверждается начальником органа внутренних дел.

Корректировка плана «Перехват» производится в случаях и в сроки, установленные для корректировки Плана действий органа внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах.

План «Перехват» содержит текстуальную и графическую части.

Оповещение личного состава о введении в действие плана осуществляется по условному *сигналу оповещения* «Перехват».

Отдельно остановимся на одной из проблем, возникающих при введении плана в действие. В со-

ответствии с п. 2.12 рассматриваемой Инструкции, план «Перехват» вводится в действие ответственным от руководства органа внутренних дел, а в случае его отсутствия — дежурным по органу внутренних дел с последующим докладом руководителю органа внутренних дел. Между тем подобная формулировка текста приказа в части предоставления права введения плана «Перехват» ответственному от руководства порождает вопросы, связанные с определением правового статуса лица, выполняющего служебные задачи в данном качестве. Так, не совсем понятен объем полномочий ответственного от руководства, пределы его прав и обязанностей, степень их закрепления в должностных инструкциях сотрудников и т. д. Кроме того, в различных подразделениях имеет отличия складывающаяся практика привлечения сотрудников к службе в качестве ответственных от руководства (привлекаются разные категории сотрудников, отличаются периоды несения службы, объем предоставляемых полномочий и т. д.).

Таким образом, с учетом нормативно неопределенного статуса «ответственного от руководства» предлагается внести изменения в текст приказа и изложить п. 2.12 Инструкции в следующей редакции: «2.12. План «Перехват» вводится в действие руководителем органа внутренних дел или дежурным по органу внутренних дел (в строевых подразделениях оперативного подчинения — по его указанию) с последующим докладом руководителю органа внутренних дел».

Прекращение действия плана осуществляется должностными лицами, которыми план «Перехват» был введен в действие.

Приведенные требования к порядку разработки, структуре и оформлению плана «Перехват» характеризуют общий подход к требованиям, предъявляемым к планам деятельности органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

В заключение заметим, что в кризисных ситуациях различного рода органы внутренних дел выполняют подавляющую часть задач, стоящих перед государством и обществом, в связи с чем считаем, что рассмотрение различных аспектов деятельности органов внутренних дел в особых условиях является весьма актуальным направлением развития ведомственной науки и требует дальнейшего изучения и обсуждения.

³ О мерах по усилению борьбы с преступными посягательствами на автотранспортные средства : приказ МВД России от 17 февраля 1994 г. № 58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Чирков Г. С. К вопросу о понятии кризисных ситуаций (административно-правовой аспект) // Безопасность бизнеса. 2005. № 4.
2. Калина Е. С. Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации и категория безопасности в административном праве // Административное право и процесс. 2011. № 12.
3. Калина Е. С. О «чрезвычайном праве» и праве чрезвычайной ситуации // Административное право и процесс. 2013. № 10.
4. Громов М. А., Федорев Э. Г. Основные направления и виды обеспечения готовности сил и средств органов и подразделений МВД России к действиям при чрезвычайных обстоятельствах социально-политического и криминального характера // Российский следователь. 2012. № 15.
5. *Тактико-специальная подготовка* : учеб. пособие / под ред. Л. Ю. Воронкова, С. И. Муфаздалова, А. Б. Смушкина. 2-е изд. М., 2016.
6. *Специальная тактика* : учебник / под ред. И. И. Бондаревского. М., 2005.

УДК 342.1 © М. А. Бучакова, А. В. Жилиев, 2018

Перспективы совершенствования законодательства в сфере обеспечения территориальной целостности Российской Федерации

М. А. Бучакова, Омская академия МВД России. E-mail: mb290163@mail.ru

А. В. Жилиев, Омская академия МВД России. E-mail: avzhilyaev@yandex.ru

На основе результатов анализа истории развития и текущего состояния общественных отношений в сфере обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации, итогов так называемых референдумов о независимости, прошедших за последнее время в отдельных государствах, сформулирован тезис о том, что в связи с возможным укрупнением субъектов Российской Федерации в будущем возникнет проблема сохранения территориальной целостности нашей страны. Поскольку объема правового регулирования данного вопроса в действующем законодательстве недостаточно, предложены пути совершенствования Конституции Российской Федерации, иных нормативных правовых актов в части закрепления в них новых принципов федерализма и гарантий их реализации.

Ключевые слова: федерализм; федеративная реформа; территориальная целостность.

Prospects of Improving Legislation as to the Territory Integrity of the Russian Federation

M. A. Buchakova, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: mb290163@mail.ru

A. V. Zhilyaev, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: avzhilyaev@yandex.ru

The results of studying the history of development and current state of social relations in the field of providing state sovereignty of the Russian Federation, outcomes of recent referenda for independence in some countries enabled the authors to state that due to possible enlargement of the subjects of the Russian Federation in future there will be a problem of preserving territorial integrity of our land. The current legislation lacks legal regulation of this question, and, therefore, the paper contains some improvements to the Constitution of the Russian Federation, other normative legal acts with regard to consolidation of new principles of federalism and guarantees of their realization.

Keywords: federalism; federative reform; territory integrity.

Проводящаяся в Российской Федерации федеративная реформа имеет целью укрепление основ конституционного строя государства, его экономический подъем. Одним из направлений данной реформы является совершенствование действующего

законодательства и практики его применения в сфере обеспечения государственного суверенитета и территориальной целостности России. С учетом результатов анализа текущего положения дел в рассматриваемой области, а также в свете событий, про-

исшедших за последнее время в мире, имеется необходимость по-новому взглянуть на перспективы развития такого рода общественных отношений.

Современный этап реформирования государственного устройства Российской Федерации характеризуется активным формированием законодательства, регулирующего отдельные аспекты разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти разных уровней, поиском новой модели взаимоотношений центра и регионов. Вместе с тем он является лишь промежуточной стадией общего процесса, который должен завершиться появлением окончательных базовых основ отечественного федерализма. Очевидно, что для выхода на качественно иной уровень экономического развития как Федерации, так и ее субъектов в будущем неизбежно встанет вопрос об их значительном сокращении (в 2–3 раза). Уже сейчас во властных структурах дискутируется вопрос о возможном слиянии различных субъектов Федерации в разных частях страны (например, объединение Тюменской, Омской и Новосибирской областей). Это повлечет за собой комплекс проблем, связанных с согласованием условий укрупнения территорий (политические, территориальные, экономические, правовые, национальные, гуманитарные и иные аспекты) и общих параметров упомянутой модели взаимоотношений между центром и регионами. В связи с этим объединение субъектов Российской Федерации, проведенное в 2003–2008 гг., можно рассматривать лишь как пилотный проект, давший определенную пищу для размышлений о векторах дальнейших преобразований. Он был приостановлен только из-за кризисных явлений в мировой и российской экономике и в связи с появлением ранее неизвестных угроз национальной безопасности, в том числе внешних.

Одним из направлений совершенствования федеративных отношений при этом будет усиление гарантий единства Российской Федерации. Потребность в подобных действиях возникнет благодаря увеличению экономического потенциала новых территорий и, соответственно, росту их политического влияния. Они станут самодостаточными и способными по-иному вести диалог с федеральными властями, в том числе отстаивать свои интересы радикальными способами. Негативный эффект в некоторых случаях может усугубиться, если они объединятся для достижения общей цели.

Возможность такого сценария развития событий определяется опытом зарубежных стран, о котором будет сказано чуть позже, и, к сожалению, собственным российским опытом 90-х годов прошлого века. Нестабильная общественно-политическая ситуация, сложившаяся в стране в тот период, привела к децентрализации, а в некоторых случаях — к фраг-

ментации власти. Так называемый парад суверенитетов субъектов Федерации спровоцировал острый конституционный кризис, который привел к фактическому выходу многих регионов из правового поля и утрате федеральными органами власти влияния на ситуацию. При этом кризисные процессы проявлялись в разных формах.

Например, в Конституции Республики Тыва было закреплено право на сецессию. Свердловская область 27 октября 1993 г. приняла собственную конституцию и в одностороннем порядке провозгласила себя Уральской Республикой. На референдуме 21 марта 1992 г. в Республике Татарстан был вынесен вопрос: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?», в результате чего была принята новая Конституция Республики Татарстан, в соответствии с которой она была объявлена суверенным государством.

Позже негативные последствия данных событий проявились в 1993 г. во время проведения референдума по вопросу о принятии Конституции РФ. Население республик Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Мордовия, Тыва, Чувашия и десяти областей проголосовало против нового Основного закона, а в Татарстане и Чечне референдум вообще не состоялся. Только ценой значительных усилий федеральных властей удалось устранить многочисленные сепаратистские настроения и избежать распада России на отдельные части.

Поводом же к обращению к затрагиваемой проблематике именно сейчас послужили ситуации, сложившиеся в некоторых регионах мира в результате прошедших референдумов о независимости. Наибольший интерес для нас представляют референдумы, состоявшиеся 18 сентября 2014 г. в Шотландии и 1 октября 2017 г. в Каталонии. Их объединяет то, что они проведены в западноевропейских государствах, имеющих развитые и реально действующие институты гражданского общества и высокий уровень политической и правовой культуры населения, и были направлены на выход экономически развитых территорий из состава своих стран. Различия являются события, предшествовавшие голосованию, а также их итоги.

Полагаем, что для недопущения возникновения в Российской Федерации подобного рода центробежных процессов необходимо переосмыслить упомянутый отечественный и зарубежный опыт и на основании сделанных выводов сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства. Результатом данной работы должно стать появление такого механизма обеспечения

территориальной целостности России, который позволил бы учесть интересы всех заинтересованных сторон и надежно гарантировал бы единство нашего государства. Для этого сначала обратимся к содержанию норм права, закладывающих фундамент общественных отношений в рассматриваемой области.

В Конституции РФ закреплены следующие принципы отечественного федерализма: государственный суверенитет; единство системы государственной власти; равноправие субъектов Российской Федерации; единство конституционно-правовой системы; разграничение предметов ведения между федерацией и ее субъектами; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; равноправие и самоопределение народов Российской Федерации. Как видно, в данном перечне отсутствует такое понятие, как государственная целостность. И это не случайно. Хотя формально оно зафиксировано в ч. 3 ст. 5, на наш взгляд, его следует рассматривать не как принцип, а как качественную характеристику государственности, отражающую уровень ее развитости и достигаемую через реализацию вышеперечисленных принципов. В связи с этим можно согласиться с мнением авторов, высказывающих в научной литературе аналогичную точку зрения [1, с. 48]. Что же касается интересующего нас понятия «территориальная целостность», то оно также закреплено в Основном законе не как принцип, а как право и обязанность Российской Федерации по ее обеспечению, реализуемые в рамках действия правила о распространении суверенитета России на всю ее территорию. Условия и порядок применения указанных положений регламентируются другими нормами Конституции, а также множеством других законодательных актов.

Важно отметить, что приведенный перечень принципов не является исчерпывающим. Данное обстоятельство объясняется тем, что сложная общественно-политическая обстановка, в которой принималась Конституция, позволила включить в ее текст только упомянутые нормы. На тот период это было результатом компромисса, который привел к стабилизации ситуации. Вместе с тем в совокупности все современное отечественное право в рассматриваемой сфере весьма эффективно обеспечивает устойчивое развитие Российской Федерации и сейчас. Очевидно, что на текущем этапе процесс формирования федеративных отношений характеризуется движением вперед. Однако это не гарантирует отсутствия проблем в будущем. В контексте проблематики можно предположить, что при изменении ситуации вероятность наступления кризиса сохранится. Отсюда следует вывод, что объема правового регули-

рования данного вопроса в действующем законодательстве недостаточно. Полагаем, что в рамках широкомасштабной дискуссии, которая уже ведется по отдельным направлениям [2, с. 92–132; 3, с. 41–46; 4, с. 106–112], должен быть проведен комплекс мероприятий, направленных на достижение следующих целей.

Необходимо включить в Конституцию Российской Федерации новые принципы федерализма. При этом подчеркнем, что мы будем вести речь только о тех из них, которые обеспечат дополнительные гарантии государственного суверенитета и территориальной целостности нашей страны. Иные изменения, связанные с объединением субъектов Федерации, в перспективе должны параллельно (последовательно) вноситься в законодательство в процессе выработки условий и порядка их укрупнения и выбора новой модели взаимоотношений между центром и регионами. Указанный аспект вопроса сам по себе является темой для отдельного разговора [5, с. 70–71; 6, с. 152–159].

Упомянутых принципов (формулировки которых могут быть предметом дискуссии), по нашему мнению, должно быть, как минимум, три:

1. *Запрет сецессии.* Данный принцип органично дополнит имеющиеся и исключит многие потенциальные проблемы в будущем. Именно его отсутствие в прежней Конституции в значительной степени спровоцировало конституционный кризис конца прошлого века, о котором говорилось выше.

2. *Федеральное вмешательство (прямое президентское правление)* (не отождествлять с режимами военного и чрезвычайного положения). Наличие его как в предыдущей, так и в действующей Конституции на момент ее принятия также сложно было себе представить в силу существовавших в то время пробелов в законодательстве, отсутствия целенаправленной системной политики в области федеративных отношений, игнорирования объективных процессов, происходивших в субъектах Федерации, отсутствия достаточных ресурсов влияния на региональные власти и политической воли изменить ситуацию к лучшему и еще ряда иных причин. Вместе с тем существование этого института, как показывает российская и зарубежная практика, является жизненно необходимым для сохранения территориальной целостности государства.

3. *Запрет на проведение референдумов с так называемыми сепаратистскими вопросами* в любой их формулировке (об объявлении суверенитета, об отделении от государства (части территории от субъекта Федерации), о присоединении к другому государству, об отказе от выполнения обязательств перед Федерацией и т. п.). Речь в данном случае идет именно о возведении до уровня принципа правила, которое,

на первый взгляд, может показаться второстепенным, допускающим возможность его регулирования другим образом. Однако и здесь отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что отсутствие такого принципа может представлять реальную угрозу единству страны.

Параллельно нужно провести ревизию некоторых положений Основного закона в целях осуществления их определенной корректировки, в первую очередь ст. 5, в которой в трех из четырех частей говорится о равноправии субъектов Федерации, однако в ч. 2 содержится норма с противоположным смыслом. Согласно ей республика, в отличие от остальных субъектов Федерации, является государством и имеет свою конституцию. Это негативное наследие прошлого сегодня не укладывается в логику единства государства и противоречит другим основам конституционного строя.

Также должно претерпеть изменение содержание ч. 3 ст. 11 Основного закона. Из нее необходимо исключить упоминание о федеративном договоре, так как, во-первых, он утратил свою актуальность, во-вторых, при определенном развитии событий он может быть отменен или заменен на другое соглашение. Кроме того, следует исключить (либо изменить его смысл) положение об иных договорах о разграничении предметов ведения и полномочий, поскольку контекст, в котором оно применялось в 90-е годы прошлого века (заключение двусторонних соглашений между Федерацией и субъектами Федерации), на текущий момент является неприемлемым.

Логичным и обязательным следствием указанных преобразований должны стать разработка и включение в Конституцию и законодательство соответствующих гарантий действия новых и уже имеющихся принципов, а также механизма их реализации. И это будет главным камнем преткновения договаривающихся сторон, поскольку спектр их интересов настолько широк, что полное удовлетворение потребностей всех субъектов будет крайне проблематичным. Вместе с тем принятие по данному комплексу вопросов компромиссного решения должно стать ключевой гарантией отсутствия негативных проявлений в будущем.

Для дополнительного обоснования предлагаемых изменений целесообразно обратиться к зарубежной практике, в частности, к упоминавшимся выше событиям, происходившим в Великобритании и в Испании в 2014 и 2017 гг. Не вдаваясь в исторические предпосылки, послужившие поводами для проявления сепаратистских настроений в перечисленных странах, отметим, что в обоих случаях центральные власти столкнулись с одной и той же проблемой — сохранением территориальной целостности государств. Однако конституционный кризис

в них развивался по-разному. Показательной при этом является ситуация, сложившаяся в Каталонии.

Осенью 2017 г. власти этого автономного сообщества вразрез с текущим законодательством назначили, организовали и провели референдум по вопросу об отделении от Испании, по результатам которого была принята декларация о государственном суверенитете Каталонии. Центральные власти пытались действовать в правовом поле и предотвратить голосование сначала мирными способами, а затем шагами, приведшими к беспорядкам и кровопролитию. Только после оглашения результатов референдума была введена в силу ст. 155 Конституции Королевства Испании, на основании которой парламент автономии был распущен, а управление территорией перешло к органам государственной власти королевства.

Давая оценку действиям испанских властей, обратим внимание, что ситуация могла бы развиваться по-другому. Полагаем, что главной проблемой, качественно изменившей положение дел, стали результаты голосования. Именно данный факт позволил каталонским властям, говоря от имени народа, предпринять определенные меры, направленные на обретение независимости. Вместе с тем, если бы власти Пиренейского государства ввели прямое правление до, а не после референдума, при всех негативных моментах такого шага они выбили бы почву из-под ног сепаратистов и в дальнейшем улаживали бы конфликт в другом русле. По этой причине главный вывод, который вытекает из испанского урока, заключается в том, в российском законодательстве необходимо предусмотреть механизм, исключающий саму *возможность проведения* референдумов с подобными вопросами и в случае обострения ситуации, допускающий *введение прямого президентского правления* в отдельных субъектах Федерации.

Упомянутый механизм тем более должен исключать действия федеральных властей, аналогичные тем, что предпринимались властями Великобритании в случае с референдумом в Шотландии. В отличие от Каталонии, положительный результат голосования по вопросу о выходе этого региона из состава королевства не был достигнут лишь благодаря незначительному перевесу голосов противников отделения и поэтому кризис разрешился сам собой. Однако совершенно неприемлемыми для Российской Федерации в будущем являются шаги британских органов государственной власти, сделанные до него. Напомним, что 15 октября 2012 г. премьер-министр Великобритании и первый министр правительства Шотландии подписали соглашение о порядке проведения референдума о независимости Шотландии, чему предшествовали многолетние переговоры всех заинтересованных сторон, т. е., по сути, центральные

власти сами легализовали потенциальную возможность распада государства.

Отметим, что при обсуждении содержания упомянутых выше гарантий и механизма их реализации должен быть учтен ряд принципиальных моментов. В частности, в основу формулирования соответствующих норм права должен быть положен обосновывающийся в юридической литературе тезис о том, что по аналогии с системой сдержек и противовесов, разработанной применительно к трем ветвям власти по горизонтали, в федеративном государстве система сдержек и противовесов должна действовать в отношении вертикальных уровней организации публичной власти, в связи с чем необходимо закрепление двух уровней ответственности. Первый — ответственность Федерации и ее субъектов. Второй — ответственность органов государственной власти федерального и регионального уровней по вертикали [1, с. 220–222]. Действие таких сдержек и противовесов должно основываться на принципах верховенства конституции, законности, взаимности, соблюдения баланса интересов, равноправия и информационной открытости.

Важным требованием к будущей нормативной базе должны стать и ее полнота, конкретика, систематизированность и согласованность. В новые и обновленные источники права следует включить четкие формулировки об основаниях введения в действие соответствующих правил, исчерпывающем перечне субъектов, вовлеченных в процесс их практического применения, и их полномочиях, санкциях, налагаемых за несоблюдение запретов или иные нарушения законодательства, процедуре реализации гарантий. В обязательном порядке они должны предусматри-

вать положения, возлагающие на стороны *обязанность* предпринимать все возможные политические, дипломатические, экономические, правовые, организационные, судебные, административные и иные меры, обеспечивающие территориальную целостность Российской Федерации, вести переговоры на всех стадиях конфликта, отказываться от насилия, использовать чрезвычайные меры только в крайних случаях. Сквозной же идеей новелл должны стать два требования, предъявляемые ко всем участникам потенциальных правоотношений: действие в рамках права (в том числе с учетом международных обязательств Российской Федерации) и использование имеющихся демократических институтов принятия решений.

В заключение подчеркнем, что предлагаемые нами реформы, безусловно, рассчитаны на будущее. Однако именно сейчас есть возможность в спокойной обстановке все взвешенно обсудить и принять компромиссное решение, с которым будут согласны все стороны. Идея о территориальном единстве не может отрицаться ни одним субъектом Российской Федерации, включая национальные. Также обратим внимание на то, что, закрепляя данные положения, мы будем застрахованы лишь от крайних ситуаций, которые в случае возникновения должны разрешаться в соответствии с действующим законодательством. Главной же целью государства, по нашему мнению, должно стать исключение самой потребности в сепаратизме, что может быть достигнуто только посредством наличия высокого уровня экономики, жизни граждан, культуры, эффективным решением национального вопроса, развитием политической системы.

Список литературы

1. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма : учеб.-практ. пособие. М., 1998.
2. Шахрай С. М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013.
3. Данько А. Правовые проблемы изменения состава субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 8.
4. Конституционное (государственное) право : курс лекций / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. В. Герасименко. Омск, 2011.
5. Жиляев А. В. Проблемные аспекты реализации федеративной реформы на современном этапе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3.
6. Жиляев А. В. Перспективы территориальной организации местного самоуправления в контексте процесса укрупнения субъектов Российской Федерации // Проблемы местного самоуправления в Российской Федерации : мат-лы VIII науч.-практ. конф. (Омск, 22 ноября 2012 г.). Омск, 2013.

Реформа налогообложения недвижимого имущества физических лиц: от ожиданий к первым результатам (часть I)

Е. А. Клоков, Омская академия МВД России. E-mail: klokov@bk.ru

Исследуются совокупные эффекты влияния законодательных изменений элементов структуры налога на имущество физических лиц на результаты проводимой налоговой реформы. На основе массива статистических данных сделана оценка реалистичности основных ожиданий от проводимых преобразований. Основные достижения реформы обусловлены ростом исчисленных сумм налога, сохранением основных социальных гарантий, снижением влияния налоговых льгот на поступления в бюджет. В то же время реформа в полной мере не обеспечивает реализации принципа справедливости налогообложения. Существуют проблемы, связанные с адекватностью определения кадастровой стоимости недвижимости, собираемостью налога, значительно усугубилась проблема недоимок по налогу.

Ключевые слова: налог на имущество физических лиц; элементы налога; налоговая реформа; справедливость налогообложения; налоговая нагрузка; собираемость налога; налоговые недоимки.

Tax Reform concerning Individual's Real Estate: from Expectations to the first Outcomes (Part I)

E. A. Klokov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: klokov@bk.ru

The article dwells on joint effects of influence legislative changes in the elements of individuals' real estate tax structure have on the current tax reform. The author examines a bulk of statistical data and estimates the practicability of the main expectations from the changes. The main benefit of the reform is determined by the increasing calculated tax sums, reserved main social guarantees, less influence of tax benefits on the proceeds to the budget. At the same time the reform does not provide realization of the principle of tax equity. There are problems related to adequacy of establishing property cadastral value, collectability of tax, the problem of tax arrears being also aggravated.

Keywords: individual's real estate tax; tax elements; tax reform; tax equity; tax load; tax collectability; tax arrears.

Реформа налогообложения имущества физических лиц — одно из самых затянувшихся по времени мероприятий совершенствования современной налоговой системы Российской Федерации. Экспериментальная апробация преобразования налога на имущество в налог на недвижимость начала проводиться почти двадцать лет назад. С 1997 по 2006 гг. в Великом Новгороде и Твери был организован эксперимент по налогообложению недвижимости, в рамках которого действовал единый налог на не-

движимость, заменявший три налога: на имущество организаций, на имущество физических лиц, земельный налог¹.

Общероссийская замена налога на имущество физических лиц (далее — НИФЛ) налогом на недвижимость, начиная с 2004 г., активно обсуждалась представителями органов власти и общественностью в связи с внесением соответствующего законопроекта в Государственную Думу Российской Федерации². Однако данный документ, да и сама реформа, были

¹ О проведении эксперимента по налогообложению недвижимости в городах Великом Новгороде и Твери : федеральный закон от 20 июля 1997 г. № 110-ФЗ // Рос. газета. 1997. 24 июля.

² Паспорт проекта Федерального закона №51763-4 «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц» (в части предложений по формированию рынка доступного жилья). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

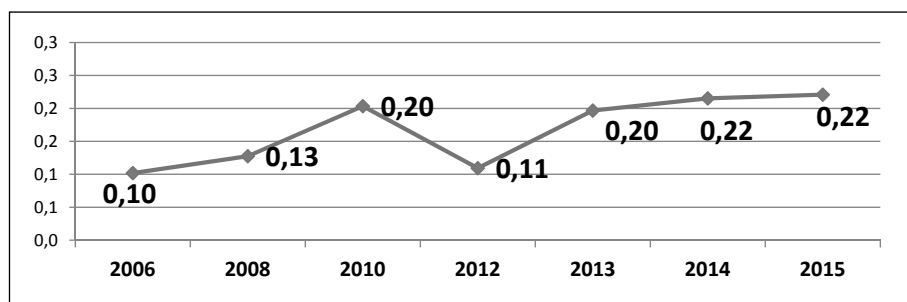

Рис. 1. Доля НИФЛ в налоговых поступлениях консолидированного бюджета РФ, % (по данным статистической отчетности ФНС России (форма 1-НМ))

отложены на целых десять лет. Лишь осенью 2014 г. возобновилась законодательная работа в данном направлении, и с 2015 г. на всей территории Российской Федерации начал действовать обновленный НИФЛ³, впервые получивший закрепление в отдельной главе НК РФ⁴.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что толчком для активизации работы по реформированию налогообложения недвижимости в России, как и во многих других странах, стал финансовый кризис. Именно он обусловил аналогичные реформы в Канаде, Греции, Италии, Великобритании, Ирландии и Армении [1, с. 86]. По мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) налог на недвижимость — хороший вариант увеличения доходов бюджетов, смягчающий дифференциацию доходов населения [2, с. 91].

Необходимость реформирования налогообложения имущества физических лиц в России была предопределена незначительной фискальной ролью данного налога [3, с. 9; 4, с. 13]. На протяжении последнего десятилетия доля НИФЛ в налоговых доходах консолидированного бюджета РФ не превышала 0,22% (рис. 1).

Для сравнения, в других странах доля аналогичного налога составляет от 1 до 3% от налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. Например, во Франции — 2,17%; в Дании — 1,85; Нидерландах и Италии — 1,8; Германии — 1,06; Швеции — 0,89; Великобритании — 10% государственного бюджета, США — 9%, Канаде — 8% [5, с. 69; 6, с. 602].

С появлением в НК РФ главы 32 «Налог на имущество физических лиц» вновь оживилась полемика среди представителей научной общественности и средств массовой информации. В большом количестве публикаций, специальных репортажей, посвященных налогу на имущество физических лиц,

подробно отражена вся суть проводимой реформы, ее последствий и для граждан, и для бюджетов муниципальных образований.

Заявленная государством цель проводимой реформы налогообложения — не увеличение налогового бремени на население, а переход к более справедливому налогообложению за счет мер социальной защиты населения [7, с. 22; 8, с. 160]. Уместно отметить, что идеи социальной справедливости, задачи снижения уровня разрыва между бедными и богатыми через налогообложение роскоши и сверхдоходов являются основой построения современных налоговых систем многих стран [9, с. 13; 10, с. 256].

Основные ожидания у общества и власти от налоговых преобразований в ближайшие несколько лет связаны с тремя основными результатами:

- 1) значительным увеличением налоговых доходов местных бюджетов;
- 2) ростом налоговой нагрузки на граждан — собственников недвижимого имущества [8, с. 165; 9, с. 13; 11, с. 136];
- 3) переходом к более справедливому налогообложению за счет переноса тяжести налогообложения на владельцев дорогостоящей недвижимости.

В данной статье дается оценка реалистичности подобных ожиданий, с оговоркой, что первые поступления от уплаты НИФЛ в обновленном формате начались только в 2016 г. и только в тех субъектах, которые завершили кадастровую оценку объектов недвижимости и перешли на новый порядок определения налоговой базы. Исследованию подвергнуты эффекты влияния законодательных изменений элементов структуры НИФЛ на первые результаты реформы.

Налогоплательщики

Согласно ст. 400 НК РФ налогоплательщиками признаются физические лица, обладающие правом

³ О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц»: федеральный закон от 4 октября 2014 г. № 284-ФЗ // Рос. газета. 2014. 8 окт.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

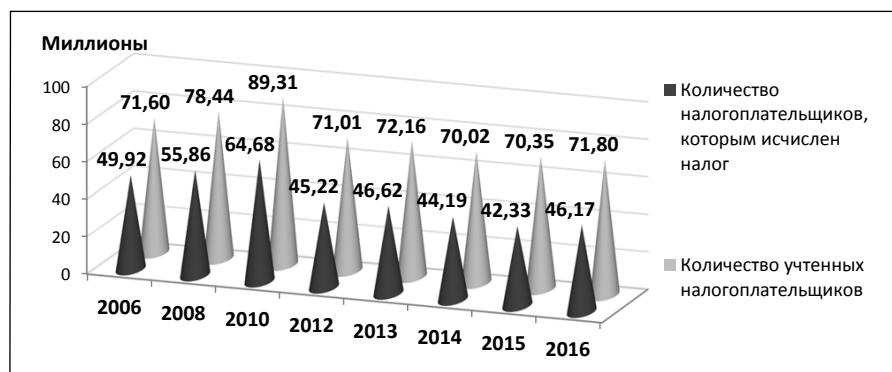

Рис. 2. Количество налогоплательщиков НИФЛ (по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН))

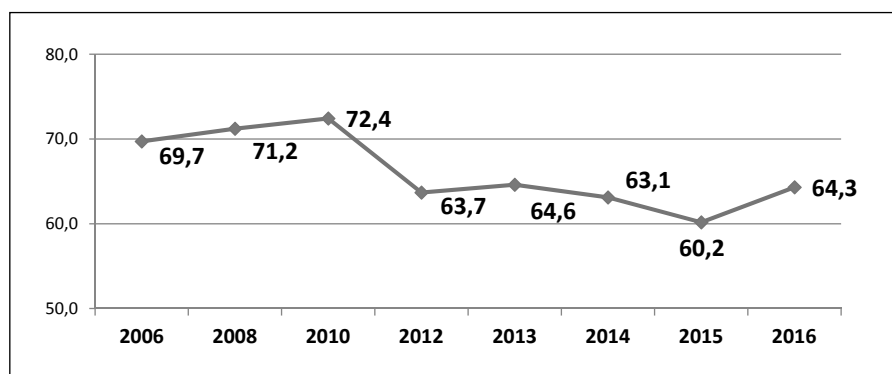

Рис. 3. Доля налогоплательщиков, которым исчислен налог, % (по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН))

собственности на имущество, признаваемое объектом налогообложения.

Данные, представленные на рис. 2, показывают, что в Российской Федерации до 2010 г. наблюдался стабильный рост количества плательщиков НИФЛ, поставленных на учет в налоговых органах. Пиковое значение — свыше 89 млн налогоплательщиков в 2010 г. — обусловлено изменениями в Законе РФ от 9 декабря 1991 г. № 2003-1 «О налогах на имущество физических лиц»⁵ в части объектов обложения, находящихся в долевой собственности. За последние пять лет ситуация значительно стабилизировалась, количество плательщиков НИФЛ, состоящих на учете, варьируется в районе 70 млн человек.

С фискальной точки зрения более важными представляются другие данные — количество лиц, которым исчислен НИФЛ для уплаты. В этой части картина выглядит неутешительно: после 2010 г. наблюдается ежегодное уменьшение «реальных» плательщиков налога. К 2017 г. их количество уменьшилось почти на треть (рис. 2) и составило 46 171 328 человек. При этом их доля, ежегодно снижающаяся,

начиная с 2013 г., в 2015 г. достигла минимального значения в 60,2% (рис. 3). Незначительный рост данного показателя по итогам 2016 г. позволяет надеяться, что позитивные изменения доли реальных налогоплательщиков будут сохраняться.

Незначительное воздействие на уменьшение доли «реальных» налогоплательщиков оказывают лица, освобожденные от уплаты НИФЛ в связи с применением специальных налоговых режимов. Несмотря на то что эта категория физических лиц составляет лишь около 0,1% от всех налогоплательщиков НИФЛ, в последние четыре года наблюдается значительное увеличение их количества (рис. 5), что для бюджетов фактически означает увеличение сумм, не поступивших в качестве дохода (рис. 4).

Всего за четыре года суммы налога, не поступившие в бюджеты в качестве дохода от физических лиц, применяющих специальные налоговые режимы (СНР), увеличились более чем в три раза, и достигли в 2015 г. значения в 3 млрд 157 млн рублей. Такой стремительный рост во многом обусловлен ежегодным увеличением количества освобожденных от

⁵ О налогах на имущество физических лиц: закон Российской Федерации от 9 декабря 1991 г. № 2003-1 (документ утратил силу с 1 января 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

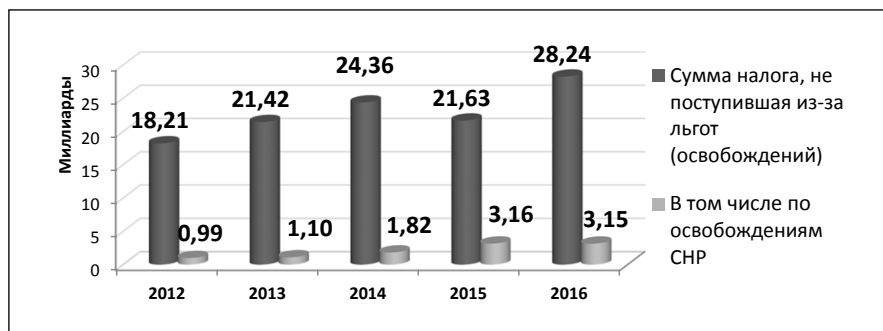

Рис. 4. Суммы налога, не поступившие в качестве дохода из-за льгот и освобождений (по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН)).

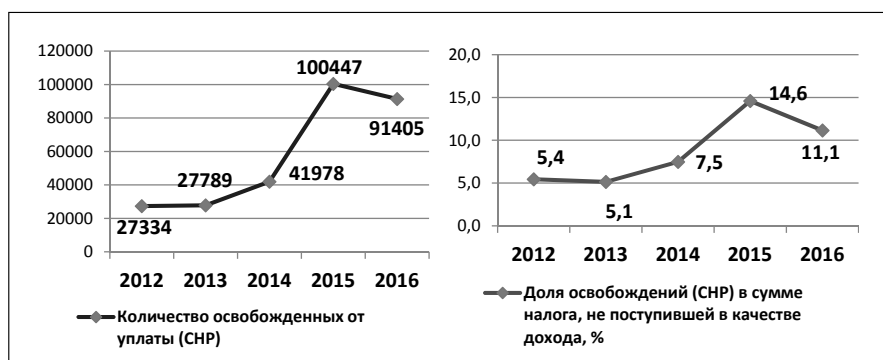

Рис. 5. Количество лиц, освобожденных от уплаты НИФЛ в связи с применением СНР, и доля недополученного налога (по данным статистической отчетности ФНС России 2012-2016 годы (форма 5-МН))

уплаты налога лиц, что привело к возрастанию их доли в общем объеме лиц, которым налог не исчисляется (рис. 5).

Из представленных данных видно, что в 2015 г. количество «режимников» выросло более чем в два раза, их доля увеличилась соответственно почти в два раза. Такой небывалый интерес индивидуальных предпринимателей к специальным налоговым режимам, на наш взгляд, во многом обусловлен именно вступлением в силу главы 32 НК РФ о налоге на имущество физических лиц в обновленном варианте, увеличивающем налоговую нагрузку на собственников имущества.

Обращает на себя внимание, что снижение доли «реальных» налогоплательщиков в 2015 г. и незначительное ее увеличение в 2016 г. происходит на фоне стабильного трехлетнего роста количества облагаемых объектов недвижимого имущества и уменьшения общего количества лиц, пользующихся льготами и освобожденных от уплаты НИФЛ в связи с применением СНР, в последние два года (рис. 6).

Казалось бы, для наполняемости местных бюджетов стабильное снижение доли «реальных» налогоплательщиков должно иметь только негативные последствия. Однако этого не происходит, динами-

ка поступлений НИФЛ в бюджеты ежегодно демонстрирует уверенный рост (рис. 7), что вызвано увеличением налоговой базы по налогу.

Объект налога

С 2015 г. система облагаемых НИФЛ объектов недвижимости не претерпела радикальных изменений по сравнению с предыдущей версией налога. Как и ранее, объектом обложения признаются жилой дом, квартира, комната, гараж, иные строения, помещения и сооружения. Из перечня облагаемого имущества исключили имущество, входящее в состав общего имущества многоквартирного дома. Изменены правила налогообложения дач и долей в праве общей собственности на облагаемое имущество. Дополнительно появились три новых объекта обложения: машино-место, единый недвижимый комплекс (ЕНК), объект незавершенного строительства.

Законодательные изменения объектов обложения с 2015 г., проведенные мероприятия по выявлению неучтенных объектов в целом оказали существенное влияние на количество объектов недвижимости, отраженных в базах данных налоговых органов (рис. 8). Только за 2015 и 2016 гг. (первые два года реформы) указанное значение увеличилось на 10 568 154 единицы, или на 16%.

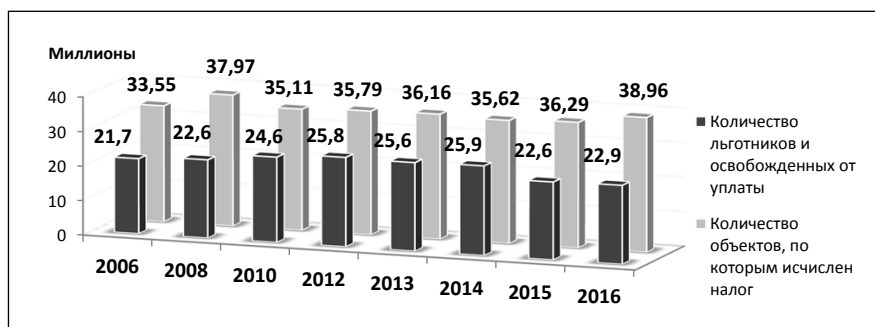

Рис. 6. Количество облагаемых объектов и количество лиц, пользующихся льготами и освобождениями (по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН))

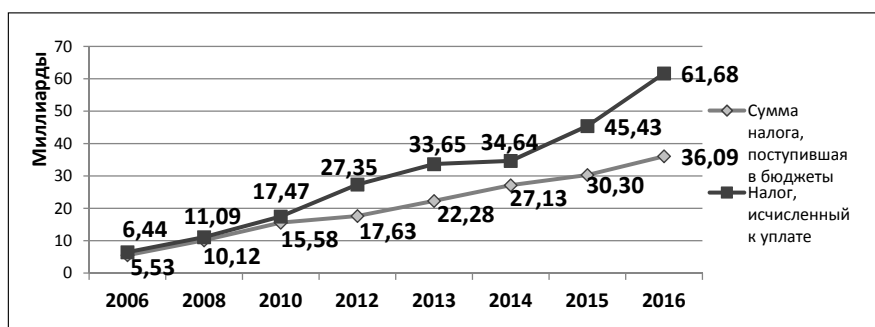

Рис. 7. Суммы НИФЛ, исчисленные и уплаченные (по данным статистической отчетности ФНС России (формы 1-НМ, 5-МН))

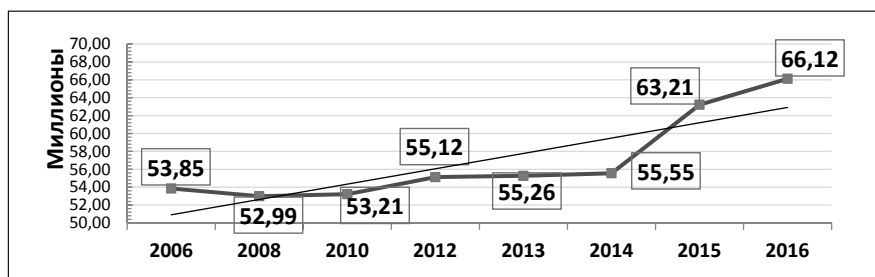

Рис. 8. Количество объектов, учтенных в базах данных налоговых органов (по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН))

По данным за 2016 г. самыми массовыми по количеству и самыми доходными для местных бюджетов являются две категории облагаемых объектов: 1) квартиры, комнаты; 2) жилые дома. В совокупности их доля среди всех объектов обложения составляет 89,15% (рис. 9), а совокупная доля исчисленного по ним НИФЛ — 69,86% (табл. 1).

Рассмотрим эффект влияния происшедших изменений на ожидаемые результаты реформирования.

1. Перевод дачных домиков в категорию жилых домов.

Дачи, под которыми ранее понимались «дачные домики», приравнены законом к категории жилых домов (согласно п. 2 ст. 401 НК РФ к таковым относятся дома и жилые строения, расположенные на участках, предоставленных для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального жилищного строительства).

Кроме того, Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ⁶ дома нежилого назначения, расположенные на садовых или дачных участках, в целях расчета налога на имущество физических лиц при-

⁶ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

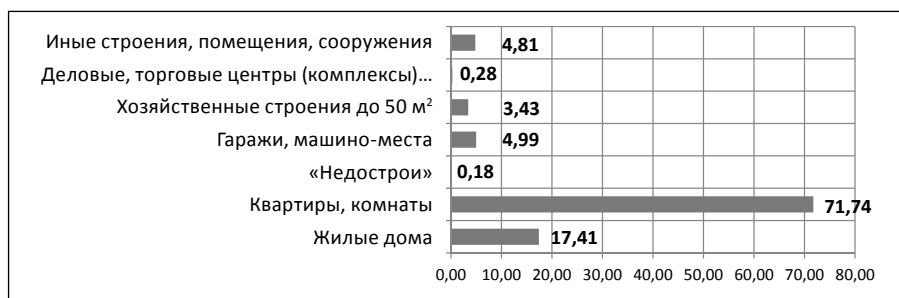

Рис. 9. Доли облагаемых объектов в 2016 г., %
(по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН))

Таблица 1. Данные по облагаемым объектам за 2015 и 2016 гг.
(по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН))

	Сумма исчисленного налога в 2016 г. (млн)	Доля, %	Сумма исчисленного налога в 2015 г. (млн)	Доля, %
Жилые дома	8886,86	14,41	7877,60	17,34
Квартиры, комнаты	34202,40	55,45	24363,66	53,63
«Недострой»	674,75	1,09	164,63	0,36
Гаражи, машино-места	665,12	1,08	557,33	1,23
Хозяйственные строения до 50 м ²	36,92	0,11	26,42	0,06
Деловые, торговые центры (комплексы), офисы и др. дорогостоящие объекты	6839,17	11,09	3286,47	7,23
Иные строения, помещения, сооружения	10373,18	16,82	9150,55	20,14
ЕНК	0,37	0	0	0

равнены к жилым домам. Это позитивное для налогоплательщиков изменение позволит собственникам применить к таким объектам налоговый вычет для жилых домов, пониженную налоговую ставку, освободить льготников от уплаты НИФЛ по одному из домов. Названному закону придана обратная сила, нововведение распространяется на расчет НИФЛ за 2015 г.

Можно предположить, что анализируемые реформы должны повлечь увеличение количества учтенных жилых домов и их доли среди других объектов недвижимости. К сожалению, в статистической отчетности ФНС России учет объектов по категориям появился только с 2015 г., и динамику изменения этого облагаемого объекта в связи с нововведением проследить невозможно. Более того, сравнение данных за 2015 и 2016 гг. позволило обнаружить обратный эффект: количество облагаемых жилых домов снизилось на 2% (с 6 922 562 до 6 781 611)⁷.

2. Трансформация самостоятельного объекта обложения — доли в праве общей собственности на облагаемое имущество — в особенность исчисления НИФЛ в отношении недвижимого имущества, находящегося в общей долевой или общей совместной

собственности (п. 3 ст. 408 НК РФ). Иными словами, если, например, ранее квартира находилась в общей долевой собственности трех собственников, то каждая доля была самостоятельно учитываемым объектом обложения. С 2015 г. в условиях того же примера ситуация выглядит иначе: один объект обложения, три налогоплательщика, каждый из которых уплачивает НИФЛ с налоговой базы пропорционально своей доле. Анализируемое изменение (рис. 8) не смогло привести к сокращению общего количества учтенных объектов.

3. Машино-место — новый объект обложения.

До недавнего времени ввиду отсутствия данного понятия в гражданском законодательстве НИФЛ в отношении таких объектов исчислялся как по «иным объектам» с заведомо завышенной налоговой ставкой. С 1 января 2017 г. ситуация в этой части изменилась⁸. Теперь под таковым понимается предназначенная исключительно для размещения транспортного средства индивидуально определенная часть здания или сооружения, которая не ограничена (либо частично ограничена) строительной или иной ограждающей конструкцией и границы которой описаны в установленном законодательством о госу-

⁷ По данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН).

⁸ Информация ФНС России от 8 декабря 2016 г. «О налогообложении принадлежащих физическим лицам машино-мест». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дарственном кадастровом учете порядке (ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации⁹).

Указанные новации уже повлияли на статистику машино-мест, а также иных строений, помещений, сооружений. По итогам 2016 г. количество первых увеличилось почти на 11% по сравнению с данными 2015 г., а число вторых снизилось на 4,8%¹⁰.

4. Новый облагаемый объект — единый недвижимый комплекс.

НК РФ не содержит определения понятия «единый недвижимый комплекс». Согласно же ст. 133.1 ГК РФ единым недвижимым комплексом признается совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь¹¹.

Следовательно, одним из ключевых условий признания совокупности объектов недвижимого имущества единым недвижимым комплексом является регистрация права собственности на такие объекты в целом как на единый объект.

Отметим, что появление в гражданском обороте новой разновидности имущества — ЕНК — привело к увеличению категорий объектов обложения НИФЛ, но пока незначительно сказалось на росте их количества. Так, по данным за 2015 г., в России на налоговом учете числилось всего 5 таких облагаемых объектов, по которым налог вообще не исчислялся. В 2016 г. их количество увеличилось до 26, сумма же исчисленного налога составила всего 374 000 рублей¹².

5. Включение в состав облагаемых объектов с 2015 г. объектов незавершенного строительства («недостроев»).

Согласно п. 10 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ объектом незавершенного строительства являются здание, строение, сооружение, объекты, строительство которых не завершено. Иными словами, это объекты, строительство которых продолжается, приостановлено, законсервировано или окончательно прекращено, а также объекты, находящиеся в эксплуатации, по которым акты приемки еще не оформлены в установленном порядке.

Поскольку юридической связью между налогоплательщиком НИФЛ и объектом обложения выступает право собственности, то обязанность по уплате налога возникает у физического лица только после регистрации в Росреестре этого права на объект незавершенного строительства.

Появление нового облагаемого объекта вызывает наибольшее возмущение налогоплательщиков, у которых в связи с этим увеличивается налоговая нагрузка. Обусловлено это тем, что указанная законодательная новелла призвана прекратить распространенную практику умышленного «никогда не завершающегося» строительства объектов недвижимости, которые, впрочем, успешно функционируют и используются собственниками (дачные домики, жилые дома, хозяйственные строения и т. д.).

В 2015 г. налоговыми органами был исчислен НИФЛ в отношении 55 086 объектов незавершенного строительства, которые, несмотря на их незначительную долю среди всех объектов (всего 0,15%), должны пополнить бюджеты муниципальных образований на сумму более 164 млн рублей. По итогам 2016 г. количество данных объектов увеличилось на 21,5%, а сумма налога к уплате — на 75,6%¹³. Столь значительный рост обоих показателей сказался на увеличении фискальной значимости «недостроев» (табл. 1).

Указанное количество объектов незавершенного строительства представляет собой лишь небольшую часть реально существующих в России недостроев. Во-первых, не учитываются и налогом не облагаются те объекты, право собственности на которые не зарегистрировано. При этом какой-либо специальной обязанности у граждан регистрировать право собственности на недостроенный объект в настоящее время нет. В результате государственная регистрация таких объектов, как правило, вынужденная мера, обусловленная индивидуальными причинами владельца. Во-вторых, среди зарегистрированных недостроев есть такие, по которым не может быть исчислен налог из-за отсутствия налоговой базы. Дело в том, что в тех субъектах РФ, где для исчисления НИФЛ еще пока используется инвентаризационная стоимость, объекты незавершенного строительства попросту не облагаются налогом. Вызвано это тем, что приказом Минстроя России от 4 апреля 1992 г. «Об утверждении Порядка оценки строений, помещений и сооружений, принадлежащих гражданам

⁹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ По данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН).

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² По данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН).

¹³ По данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН).

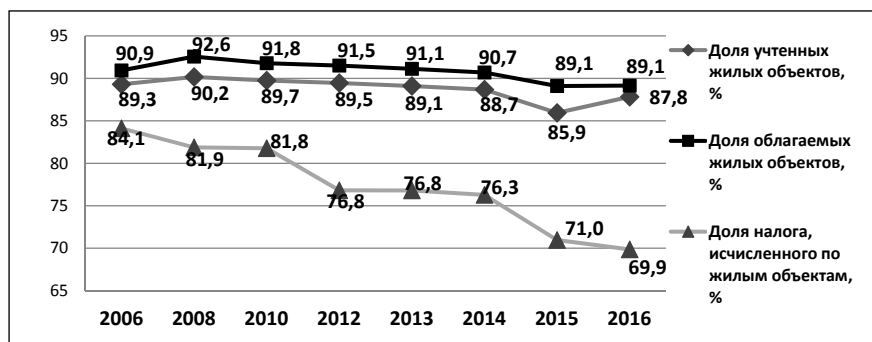

Рис. 10. Доля жилого фонда среди объектов обложения, % (по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН))

на праве собственности»¹⁴, определение инвентаризационной стоимости строящихся объектов не предусмотрено. Следовательно, пока на территории субъекта РФ не будут утверждены результаты кадастровой оценки всех объектов недвижимости, недострой фактически выпадают из налогообложения.

По нашему мнению, количество анализируемых объектов недвижимости будет ежегодно увеличиваться по мере перехода всех субъектов Федерации на исчисление НИФЛ по кадастровой стоимости.

Еще одним любопытным аспектом реформирования объектов обложения НИФЛ, на который бы хотелось обратить внимание, является справедливость налогообложения. По мнению представителей Минфина России, она заключается в перераспределении налоговой нагрузки на владельцев дорогостоящей недвижимости¹⁵. К таковой следует относить:

- определенную часть жилого фонда с высокой стоимостью;
- административно-деловые центры и торговые центры (комплексы) и помещения в них (подп. 1 п. 1 ст. 378.2 НК РФ);

— нежилые помещения, назначение, разрешенное использование или наименование которых предусматривает размещение офисов, торговых объектов, объектов общественного питания и бытового обслуживания либо которые фактически используются для этих целей (подп. 2 п. 1 ст. 378.2 НК РФ).

Анализ статистических данных показывает, что о справедливости налогообложения недвижимости в таком контексте говорить еще рано, так как основную массу облагаемых объектов на протяжении многих лет составляет жилой фонд. На рисунке 10 видно, что на протяжении десяти лет сохраняется тенденция незначительного уменьшения доли жилой недвижимости среди всей массы облагаемых объектов, и реформа НИФЛ в 2014 г. лишь немного усилила эффект снижения. Кроме того, по итогам 2016 г. доля налога, исчисленного по жилым домам, квартирам и комнатам, совокупно составила около 69,86%, в то время как дорогостоящие объекты недвижимости коммерческого назначения должны принести бюджетам всего 11,09% от начисленных сумм (табл. 1).

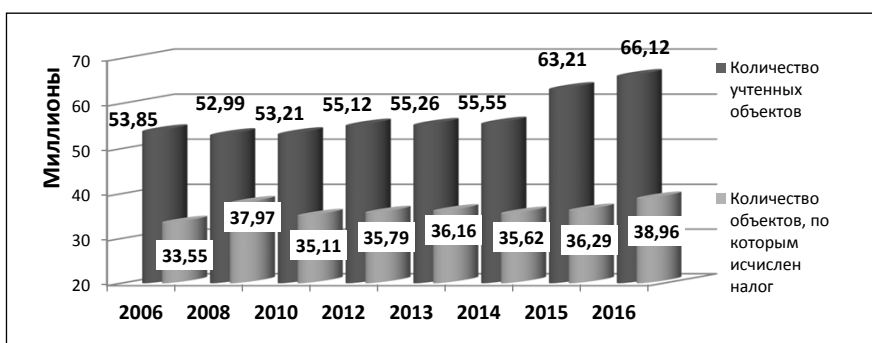

Рис. 11. Количество учтенных и фактически облагаемых объектов (по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН))

¹⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Письмо Минфина России от 14 октября 2014 г. № 03-05-0601/51651 «О введении налога на имущество физических лиц». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

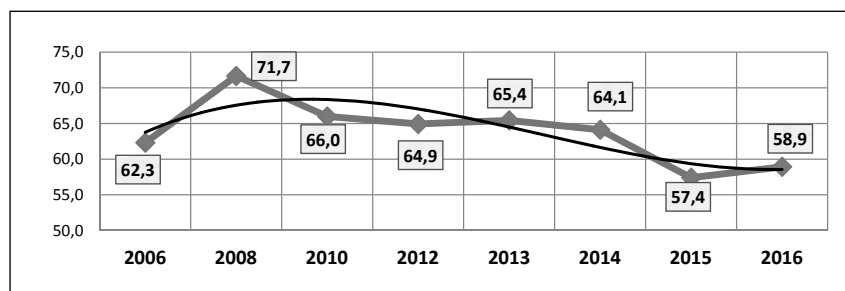

Рис. 12. Доля объектов, по которым исчислен налог, %
(по данным статистической отчетности ФНС России (форма 5-МН))

Анализируя изменения объектов обложения НИФЛ, следует отметить негативную тенденцию нарастания разрыва между учтенной и фактически облагаемой недвижимостью граждан. При положительной динамике количества объектов (рис. 11) в последние годы наблюдается значительное падение доли объектов, по которым исчислен налог. По итогам 2015 г. зафиксировано минимальное значение в 57,4% (рис. 12), т. е. НИФЛ облагается чуть больше половины зарегистрированных объектов недвижимости. Увеличение доли на 1,5% в 2016 г. позволяет надеяться, что к 2020 г.

(к завершению переходного периода) удастся достичь дореформенных значений данного показателя.

Помимо льгот и освобождений отрицательным образом на данный показатель влияет распространенная практика отсутствия у налоговых органов достаточной информации для исчисления налога по конкретному объекту недвижимости. Так или иначе, негативный тренд на снижение доли фактически облагаемых объектов недвижимости вызывает серьезные опасения с точки зрения фискальных интересов муниципальных образований.

Список литературы

1. Пинская М. Р., Алавердян О. А., Богачев С. В., Оганян Г. К. Методологические подходы к налогообложению недвижимости и их реализация в налоговых системах России и Армении // Финансовый журнал. 2017. № 4.
2. Grover R., Törhönen M. P., Munro-Faure P., Anand A. Achieving Successful Implementation of Value-based Property Tax Reforms in Emerging European Economies // Journal of European Real Estate Research. 2017. No. 10(1).
3. Липски С. А. Новый шаг в развитии законодательства о налогообложении недвижимости // Налоги. 2015. № 4.
4. Федорцова Р. П., Артемьева О. И. Налог на имущество физических лиц в формировании муниципальных бюджетов // Налоги. 2015. № 3.
5. Богачев С. В. Налог на недвижимость: зарубежный опыт // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 4(187).
6. Greenhalgh P. M., Muldoon-Smith K., Angus S. Commercial Property Tax in the UK: Business Rates and Rating Appeals // Journal of Property Investment & Finance. 2016. No. 34(6).
7. Беликов Е. Г. Налогообложение имущества физических лиц в свете введения в действие главы 32 НК РФ // Налоги. 2015. № 3.
8. Ворожбит О. Ю., Уксуменко А. А. Реализация принципа справедливого налогообложения в налоге на имущество физических лиц // Налоги и налогообложение. 2016. № 2(140).
9. Мезенцева Ю. Р., Гончаев Д. Х., Харченко К. Е., Шевченко Е. Е. Актуальные проблемы налогообложения физических лиц в РФ // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 6(100).
10. Шакирова Р. К. Концепция налога на роскошь: зарубежный опыт, отечественная практика и альтернативы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 1(33).
11. Пьянова М. В. Новый налог на имущество физических лиц: социальное измерение // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 3.

УДК 342.9 © Т. В. Голованова, С. В. Денисенко, 2018

Особенности охраны общественного порядка в мегаполисах

Т. В. Голованова, Омская академия МВД России. E-mail: tgolovanova2010@yandex.ru
С. В. Денисенко, Омская академия МВД России. E-mail: denisenko_s_v@mail.ru

Рассмотрены особенности работы полиции, обусловленные поведением жителей мегаполиса, такими как отчужденность, безразличность, враждебность. Возникающие в современных крупных городах угрозы — террористические акты, катастрофы, массовые беспорядки и т. д. — стали следствием большой скученности и одновременно разобщенности людей. В этих условиях работа полиции значительно затруднена. Помимо борьбы с правонарушениями добавляются функции по управлению, регулированию и разгрузке пассажирских, грузопассажирских потоков транспортного комплекса мегаполиса. Для эффективной работы необходимо использовать новейшие достижения науки и техники, позволяющие мгновенно получать информацию о правонарушении, фиксировать его факт, реагировать на него, устанавливать совершивших его лиц, предпринимать превентивные меры. В мегаполисах, относящихся к туристическим центрам, создается специальное подразделение — туристическая полиция, задачей которой является направление людей, кратковременно прибывающих в город к достопримечательностям.

Ключевые слова: мегаполис; задачи полиции; полицейский; горожанин; правила поведения; охрана общественного порядка; туристическая полиция; профилактика правонарушений; уличная преступность.

Specifics of Public Order Maintenance in Megalopolis

T. V. Golovanova, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: tgolovanova2010@yandex.ru
S. V. Denisenko, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: denisenko_s_v@mail.ru

The authors consider peculiarities of police work determined by megalopolis citizens' behaviour: alienation, indifference, hostility. Threats arising in megalopolises — terrorist acts, disasters, mass riots etc. — have been caused by overcrowding and at the same time by people's disconnection. These conditions make police work more complicated. In addition to combat with crimes police acquire such functions as managing, regulating and directing passenger, cargo-and-passenger traffic of the megalopolis. To work effectively it is necessary to employ up-to-date science and technology achievements enabling to immediately obtain information about a crime, register it, respond to it, identify the offenders, take preventive measures. In megalopolises — tourist centres — there is a special squad of tourist police whose aim is directing short-time visitors to the sights.

Keywords: megalopolis; police task; policeman; citizen; rules of conduct; public order maintenance; tourist police; crime prevention; street crimes.

Урбанистический стиль жизни охватывает все большую часть человечества. Мегаполис — город с многомиллионным населением, часто называемый сверхкрупным городом, становится самостоятельным феноменом культуры. Эта самая крупная форма расселения человека в мире имеет много преимуществ для социальной жизни, но в то же время создает большое количество проблем. Городская среда — искусственная среда обитания, в которой реализуются все социобиологические и психологические качества человека, человекоразмерность общества.

Понимание антропогенного ландшафта поясняет многое в поведении «человека городского» [1, с. 8]. Именно таким постепенно становится и усредненный россиянин, изменяя характер третьего тысячелетия на урбанизированный.

Рост числа мегаполисов наметился с начала XX в. В 1900 г. в мире насчитывалось 10 городов-миллионеров, спустя 90 лет — 276, а в 2017 г. количество городов, население которых исчисляется миллионами, составляет 362, т. е. в среднем за последние двадцать семь лет каждый год становится на 3 мега-

полиса больше¹. Из 146,5 млн россиян 108,6 млн — городские жители (74%). Прирост городского населения ежегодно составляет около 0,35%, в то время как на селе зафиксирована миграционная и естественная убыль². Пятнадцать мегаполисов России: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж, Волгоград — продолжают увеличиваться³.

В мегаполисы людей привлекает то, что города приветствуют в своих жителях неординарность, яркость, нестандартность мышления. Социум при этом активно меняется, приобретая новые черты. Положительной и одновременно отрицательной стороной жизни мегаполиса является то, что горожане не особенно внимательны: большинству окружающих безразлично, чем занимается человек, во что одет, какое имеет настроение. Отчужденность проявляется и в том, что горожанин самостоятельно борется за место под солнцем. Поддержание в таких условиях безопасности и правопорядка, справедливого распределения ресурсов в мегаполисе приобретает особые черты.

Такая важнейшая из черт городского образа жизни, как высокая плотность, вызывает у горожан рост агрессии, повышает накал межличностных контактов, увеличивает дистанцию с другими горожанами, показывает готовность к борьбе за свое пространство. Изначально именно в городах возникла необходимость создания специальной службы, полиции, взявшей на себя функции охраны общественного порядка (не случайно слово «полиция» произошло от древнегреч. «*polis*» — город). Позднее появилась и потребность компенсировать недостатки национальной и транснациональной борьбы с преступностью на фоне процессов глобализации [2, с. 43, 116].

В России должности генерал-полицеймейстера и обер-полицеймейстера были учреждены в XVIII в. в Санкт-Петербурге и Москве, что стало отправной точкой создания регулярной полиции по всей стране [3, с. 14]. Полицейские полномочия в первую очередь востребованы именно в городах, так как в сельской местности население длительное время брало правоохранительные функции на себя. В настоящее время полиция представлена в мегаполисах, обычных городах и сельских поселениях, однако организация работы полиции в среде, где проживают несколько миллионов человек, имеет особенности.

Взаимоотношения жителей мегаполиса несут в себе сущность урбанистической культуры, состоя-

щей из противоречий. В больших городах выше вероятность проявления глобальных проблем: массовые беспорядки, обострение межкультурных конфликтов, религиозных, расовых и национальных споров, террористические акты, техногенные катастрофы и т. д. [4, с. 99–112]. Усилия государственных органов, общественных организаций разрешают часть из них, но создаются новые, с ростом городов углубляются межличностные противоречия, вызванные стремлением к анонимности не только в толпе, но и в социальном окружении небольших групп людей. Возникла многообразная, насыщенная вещная среда, окружающая каждого, требующая защиты от посягательств. Полицейским все реже приходится полагаться на помощь очевидцев, окружающих людей, соседей, даже коллеги по работе часто ничего не могут рассказать о жизни человека, проработавшего рядом несколько лет, предоставить какую-либо значимую информацию о его привычках, предпочтениях, хобби. Причина неосведомленности лежит в отчужденности существования, защите от внешних угроз личности в узком семейном кругу.

В городе заметно повышается тревожность, показывающая уровень общей невротизации общества и готовность горожанина к встрече с опасностью. Последние десятилетия XX в. указали на проблемы мегаполисов, создавших новую социальную среду, где вместе с потерей социальных связей, отказом от общения, уходом из реального социума в социальные сети сверхкрупные города являются средоточием индивидуальной и социальной свободы [5, с. 37].

Вместе с тем ценность безопасности как базовой потребности увеличивается настолько, что традиционные методы деятельности полиции по охране правопорядка являются недостаточными, приходится разрабатывать новые технологии, реагирующие на реалии городской среды. В последние десятилетия меры предупреждения преступности в целом и ее отдельных видов в сверхкрупном городе становятся актуальной проблемой правоохранительной деятельности [6; 7]. Сегодня полиция в условиях мегаполиса наряду с традиционными задачами выполняет и коммуникативные функции: разъясняет маршруты движения, помогает сориентироваться на месте и т. д.

В качестве интересного опыта улучшения эффективности полицейской деятельности в мегаполисе следует привести Нью-Йорк. В городе с высоким уровнем уличной преступности вплоть до конца XX в. за 25 лет удалось изменить ситуацию и превра-

¹ URL: http://geo.koltyrin.ru/samye_bolshie_goroda_mira.php (дата обращения: 10.10.2017).

² Информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 27.07.2017).

³ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Города-миллионеры_России (дата обращения: 27.07.2017).

тить его в один из самых безопасных современных мегаполисов. Новые методы в охране общественного порядка потребовались властям Нью-Йорка, когда за год (в 1990 г.) от рук преступников погибло более двух тысяч человек. Кроме того, угрожающих размеров достигло количество разбойных нападений, грабежей, фактов торговли наркотиками в общественных местах. В целях стабилизации обстановки власти города приняли решение об использовании всевозможных ноу-хау в организации охраны правопорядка. В помощь полиции внедрили статистическую компьютерную систему CompStat (Computer Statistics), что было новейшим достижением техники того времени. Компьютерная статистика представляла собой большую единую карту Нью-Йорка с выведенными на нее подключенными к компьютеру лампочками, которые загорались в случае сообщения о правонарушении в том или ином районе города. Такая «тревожная карта» позволила полицейским ежеминутно видеть город целиком, выявлять особо криминогенные районы, улицы, дома. Кроме того, имея перед собой интерактивную общую картину, стало намного легче отслеживать преступления, регистрировать тревожные тенденции, незамедлительно выезжать на место, прогнозировать пути побега преступника с места преступления, локализовать злчные места, проводить профилактическую работу по недопущению правонарушений в будущем. В случае необходимости руководство принимало решение об увеличении количества сотрудников в конкретных местах города, при необходимости менялись маршруты патрулирования⁴.

Второе новшество в охране общественного порядка Нью-Йорка базировалось на теории социологов Джеймса Уилсона и Джорджа Келлинга, названной в последующем теорией разбитых окон. Данная теория рассматривает мелкие правонарушения как индикатор криминогенной обстановки и как активный фактор, влияющий на уровень преступности в целом. Уяснив корреляцию общей городской замусоренности и захламленности улиц с уровнем антиобщественного поведения, городские службы предприняли решительные меры по очищению от грязи станций метрополитена, остановок общественного транспорта, мест массового пребывания людей, задних дворов ресторанов, кинотеатров.

Цель проделанной колоссальной работы — приучить население жить в чистоте, нетерпимо относиться к грязи, мусору и беспорядку. Вагоны поездов

метро, станции метро и остановки общественного транспорта ежедневно отмывались от рисунков граффити, бранных слов до тех пор, пока жители перестали их пачкать. В то же время власти объявили «нулевую толерантность» в отношении любых мелких правонарушений — безбилетного проезда, распития спиртных напитков в общественных местах и т. д. Горожан стали массово привлекать к административной ответственности в виде штрафа, что многих останавливало от совершения повторных правонарушений. Важным моментом в процессе повышения безопасности на улицах стало увеличение количества патрульных полицейских в Нью-Йорке на 35%⁵.

Затем внедрили в практику тотальную профилактику уличной преступности, законодательно утвердив принцип «останови и обыщи» (stop and frisk). Новый закон значительно расширил понятие «веские основания» для личного досмотра и доставления в полицию лиц, вызывающих подозрения у полицейских. Такие полномочия были необходимы для борьбы с уличной торговлей наркотиками, которая приобрела угрожающие размеры.

Благодаря перечисленным мерам Нью-Йорк стал городом с низким уровнем преступности, который и сегодня продолжает снижаться. Резкое снижение числа мелких нарушений, проявления фактов неуважения к порядку, правилам общежития привело к уменьшению количества тяжких преступлений (в 1990 г. — 2245 убийств, в 2016 г. — 335 убийств). При этом следует учесть, что население за этот период возросло с 7,3 млн человек до 8,5 млн человек⁶.

Проанализировав организацию деятельности правоохранительных органов в российских сверхкрупных городах на примере Москвы, можно сказать, что сходные принципы охраны общественного порядка применяются и в России [7, с. 17]. Для эффективной охраны общественного порядка в мегаполисе необходимо достаточное количество патрульных полицейских, находящихся в общественных местах, взаимодействие городских служб и органов власти в поддержании чистоты и правопорядка, а также использование в работе полиции новейших достижений компьютерной техники, позволяющей удаленно следить за обстановкой на улицах города.

Все чаще современная полиция использует в своей работе камеры видеонаблюдений. Закон о полиции провозгласил в качестве принципа деятельности использование достижений науки и техники,

⁴ Сулькин О. Нью-Йоркский городской // Итоги. 2012. № 51 (862). URL: <http://www.itogi.ru/kriminal/2012/51/185158.html> (дата обращения: 10.10.2017).

⁵ Успешная А. По итогам 2016 г. в Нью-Йорке зафиксировано рекордное снижение уровня преступности. URL: <http://www.usa/one/2017/01-05.01.2017> (дата обращения: 10.10.2017).

⁶ Там же.

современных технологий и информационных систем. Камеры видеонаблюдения, нательные камеры стражей правопорядка, видеорегистраторы в настоящее время заменили «соседский присмотр», заинтересованность очевидцев и свидетелей правонарушений, совершенных в городской среде. Полицейский не может присутствовать на каждой улице, в доме и подъезде, однако камеры видеонаблюдения магазинов, банков, школ, больниц, подъездов жилых домов и т. д. выступают невольным свидетелем противоправных поступков, становятся сдерживающим фактором неправомерного поведения самого стража правопорядка [8, с. 94–97].

Министерство внутренних дел Российской Федерации выступило инициатором внедрения создания аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», цель которого — повышение общего уровня общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания за счет существенного улучшения координации деятельности сил и служб, ответственных за решение этих задач, путем внедрения на базе муниципальных образований комплексной информационной системы, обеспечивающей прогнозирование, мониторинг, предупреждение и ликвидацию возможных угроз, а также контроль устранения последствий чрезвычайных ситуаций и правонарушений с интеграцией под ее управлением действий информационно-управляющих подсистем дежурных, диспетчерских, муниципальных служб для их оперативного взаимодействия в интересах муниципального образования [7, с. 26–27].

Речь идет об аккумулировании информации, получаемой со всех камер видеонаблюдения, размещенных в населенном пункте, в единый информационный источник. Данные комплексы в первую очередь востребованы в мегаполисах, поэтому лидером по внедрению комплексной программы профилактики преступности «Безопасный город» выступает Москва. Всего в столице установлено 128 500 камер видеонаблюдения в местах массового пребывания граждан, что позволяет раскрывать более 1,5 тыс. преступлений в год. В Управлении уголовного розыска ГУМВД по г. Москве создан специализированный аналитический отдел по оперативному использованию информации с камер видеонаблюдения⁷. Другие российские мегаполисы только выстраивают такой аппаратно-программный комплекс⁸.

Возникает вопрос: привела ли урбанизация общества к наделению полицейского в мегаполисе дополнительными полномочиями, в том числе си-

ловыми? В настоящее время правовых основ, закрепляющих специальный статус полицейского в мегаполисах, не существует. Полицейские имеют право применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие строго на основаниях, предусмотренных законом, обладая равной совокупностью прав и обязанностей, вне зависимости от места службы. Исключением можно назвать Лондон, где патрульные за все время функционирования полиции традиционно не вооружались огнестрельным оружием, так как власти считали это излишним. Оружие находится в патрульных полицейских автомобилях, не демонстрируется населению. Однако летом 2016 г., в ответ на серию происшедших в Европе террористических актов, на патрулирование лондонских улиц было направлено дополнительно 600 вооруженных сотрудников. Глава полиции сообщил, что с их помощью безопасность усиливается в местах туристических достопримечательностей и большого скопления людей. Остальные лондонские полицейские по-прежнему патрулируют улицы без оружия.

На тактику организации охраны правопорядка мегаполиса влияют его характер, история, особенности, привлекательность для туристов. Выделяются два вида мегаполисов — «туристические» либо «гостевые», центры притяжения значительного количества людей на непродолжительный срок: туристов, командировочных, мигрантов, студентов и т. д. В мегаполисе без туристической специфики полицейским осуществлять правоохранительные функции несколько легче. Постоянно проживающие в городе граждане знают его особенности, ориентируются в криминологической ситуации, знают, куда обратиться за помощью в случае противоправного посягательства.

Охрана общественного порядка в «туристических» мегаполисах осложняется тем, что к общим функциям полицейских прибавляется контроль и управление большим потоком граждан, кратковременно присутствующих в городе, плохо в нем ориентирующихся. Постоянная концентрация больших масс людей меняет криминологическую ситуацию, порождает новые тенденции в деятельности полиции [6, с. 16–23]. Специально для контроля за туристами в таких странах, как Египет, Индия, Тайланд, Шри-Ланка, Турция, ОАЭ, Израиль созданы отряды туристической полиции, задействованные в управлении, регулировании и разгрузке пассажирских, грузопассажирских потоков транспортного комплекса мегаполисов.

⁷ Отчет начальника Главного управления МВД по г. Москве А. Якунина за 2015 г. в Московской городской Думе. URL: <http://77.мвд.рф> (дата обращения: 10.07.2017).

⁸ Кочегаров П., Раскин А. Система «Безопасный город» пока не стала полноценной защитой для россиян. URL: <http://www.life.ru> (дата обращения: 10.07.2017).

В России два ведущих «гостевых» центра — Москва и Санкт-Петербург. В 2016 г. суммарный туристический поток в Москве составил около 17,5 млн человек, а Санкт-Петербург посетило около 6,9 млн туристов, т. е. эти мегаполисы ежегодно принимают и размещают у себя гостей, число которых сопоставимо с постоянно проживающим населением, что не может не отразиться на работе правоохранительных органов. Через эти города транзитом проезжает большое количество людей, часть из которых становится объектом преступных посягательств [9, с. 45].

В Москве в качестве эксперимента создана туристическая полиция. Пока это один батальон, но в перспективе гидов-полицейских должно стать больше. К сотруднику туристической полиции предъявляются дополнительные квалификационные требования: знание английского языка, мест расположения исторических памятников, культурных центров, маршрутов следования к ним. Как показала практика, к таким полицейским на улице обращаются не только иностранцы, но и россияне, плохо знающие столицу⁹. Скорее всего, подобное подразделение в ближайшее время появится в Санкт-Петербурге. Кроме направления туристических потоков, в подобных городах органы охраны правопорядка озадачены поддержанием статуса города — административного и туристического центра, привлекательного для мировой общественности, а также сохранностью культурных ценностей. Заметим, что повышенная напряженность работы полицейского в крупных городах выше оплачивается по сравнению с полицейскими,

несущими службу по охране общественного порядка в других населенных пунктах.

Анализ особенностей охраны общественного порядка в мегаполисах позволяет выявить ее характерные черты.

1. Постоянный надзор за жизнедеятельностью людей в мегаполисе обеспечивается присутствием достаточного количества патрульных полицейских в совокупности с содержанием общественных мест, мест массового пребывания людей в чистоте и порядке.

2. Снижение уровня уличной преступности происходит благодаря разветвленной системе видеонаблюдения, созданной при тесном взаимодействии органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и граждан на улицах, незамедлительно реагирующих на противоправное поведение.

3. С учетом большого объема информации о жизни мегаполиса появляется потребность немедленного анализа и реагирования на совершенные противоправные действия, что приводит к созданию специальных подразделений полиции — отделов по аналитике и оперативному использованию информации.

4. Большие потоки временного гостевого и миграционного характера привели к созданию туристической полиции, которая помимо традиционных функций по охране общественного порядка способна направлять гостей мегаполиса по маршрутам следования к местам культурной значимости, историческим памятникам, административным объектам.

Список литературы

1. Горнова Г. В. Антиномии и конфликты городской жизни в типах горожан. Омск, 2011.
2. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007.
3. Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX в. — нач. XX в.). Н. Новгород, 1993.
4. Глобализация и девиантность / науч. ред. Я. Гишинский. СПб., 2006.
5. Горнова Г. В. Антиномии города. Омск, 2011.
6. Баранов Б. В. Предупреждение преступности в сверхкрупном городе с учетом ее территориальных различий (на материалах г. Москвы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
7. Бойченко О. А. Предупреждение преступлений, совершаемых незаконными мигрантами в условиях сверхкрупного города : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
8. Никитин А. В. Использование специальных технических средств в противодействии преступности // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXII междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017.
9. Гладких И. В. Преступность в сверхкрупном городе и ее предупреждение органами внутренних дел. М., 1996.

⁹ Мелешенко А. Патруль говорит по-английски // Рос. газета. 2015. 29 янв.

Административно-правовой статус самозанятых граждан: проблемы определения и возможные пути их решения

А. В. Попов, УФНС России по Омской области. E-mail: a_popov55@bk.ru

Анализ действующего законодательства, устанавливающего административно-правовой статус самозанятых лиц, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время, несмотря на изменения Гражданского и Налогового кодексов, остается много нерешенных вопросов, возникающих при определении и реализации данного статуса: отсутствие легального определения самозанятости и норм, позволяющих четко отграничить ее от незаконного предпринимательства; недостаточность видов деятельности, подпадающих под нормы Налогового кодекса РФ, регулирующие самозанятость; ограничение действия существующих законодательных норм, регулирующих рассматриваемый вопрос, во времени и др. Предлагаются конкретные пути решения перечисленных проблем.

Ключевые слова: административно-правовой статус; самозанятость; предпринимательство; предпринимательская деятельность; государственная регистрация предпринимательской деятельности; фриланс; административная ответственность; незаконное предпринимательство; налог на доходы физических лиц; налоговые каникулы.

Administrative Law Status of the Self-Employed: Problems of Definition and Possible Solutions

A. V. Popov, Russian Federal Tax Service in Omsk region. E-mail: a_popov55@bk.ru

The analysis of the current legislation on administrative law status of the self-employed enables the author to conclude that at present despite the changes in the Civil and Tax Codes there are still many unsolved questions related to the definition and enforcing of this status: no legal definition of self-employment and norms clearly distinguishing it from illegal business, lack of types of activities covered by norms of the Russian Tax Code regulating self-employment, restriction of current legislative norms regulating this issue in time etc. The author suggests certain solutions to the mentioned problems.

Keywords: administrative law status; self-employment; entrepreneurship; business; state registration of business; freelance; administrative responsibility; unlawful business; income tax; tax holiday.

В последнее время вопросам гражданско-административно-правового регулирования самозанятости граждан уделяется все больше внимания. Так, в течение ноября 2016 г. — августа 2017 г. в попытке установить административно-правовой статус самозанятых граждан в налоговое и гражданское законодательство был внесен ряд изменений, определяющих критерии отнесения лиц к категории самозанятых и особенности ведения их деятельности в качестве таковых. Несмотря на это, легального определения самозанятости в российском за-

конодательстве до сих пор нет. Отсутствие единого нормативно-правового понимания такого явления, как самозанятость, приводит к тому, что в открытых неофициальных источниках количество самозанятых оценивается от 15 млн¹ до более чем 27 млн² человек.

По данным Минэкономразвития России, в сентябре 2016 г. число самозанятых граждан составляло примерно 16 млн человек. «Это те люди, которые не работают по найму, не зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, не являются

¹ Число самозанятых граждан в Москве выросло в 2016 году. URL: <http://www.tass.ru/moskva/4259583> (дата обращения: 30.08.2017).

² Теневая занятость в России достигла рекорда. URL: <http://www.expert.ru/2017/04/18/trud/> (дата обращения: 30.08.2017).

безработными. И большая часть из них занимается приносящей доход деятельностью, но делает это в тени, государство их не видит»³. Трудно отрицать, что, исходя из информации даже официальных лиц, масштаб проблемы весьма значителен.

В юридической среде вопрос административно-правового регулирования самозанятости поднимается уже давно. Первые публикации на эту тему начали появляться еще в середине 90-х годов прошлого века [1; 2]. Весьма глубоко тема самозанятости была проанализирована М. С. Токсанбаевой, в исследовании которой распространение данного явления в России связывается с реформаторскими просчетами, допущенными в 90-х гг. XX в., и экономическим кризисом того времени, а правовое положение самозанятого гражданина рассматривалось исключительно с точки зрения административно-правового статуса предпринимателя [3, с. 32–45]. В современных исследованиях обращается внимание на изменение сферы деятельности самозанятых граждан. Сегодня «это не только лица так называемых „свободных“ профессий — репетиторы, няни... но и... предоставляющие услуги различным заказчикам в удаленном режиме через Интернет» [4, с. 12]. Что касается современной оценки административно-правового положения самозанятого гражданина, то большинство исследователей сходятся во мнении о недостаточной проработке этого вопроса на законодательном уровне.

Проанализировав теоретические положения, касающиеся самозанятости, сформулируем вывод о том, что данное понятие до 6 августа 2017 г. можно было рассматривать в нескольких аспектах. Во-первых, это легальная самозанятость: индивидуальные предприниматели, единственные учредители и руководители (в одном лице) юридических лиц, адвокаты, нотариусы, арбитражные управляющие, оценщики, медиаторы, патентные поверенные и иные лица, занимающиеся частной практикой, зарегистрированные в установленном порядке, но не привлекающие наемный труд. Правда, эту категорию самозанятости следует рассматривать с учетом статьи 7 Закона РФ «О занятости населения», которая все же разделяет понятия «предпринимательство» и «самозанятость»⁴. Во-вторых, это «теневая» самозанятость, т. е. это

лица, занимающиеся деятельностью, приносящей доход, но не зарегистрированные в установленном порядке (иными словами, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без государственной регистрации).

6 августа 2017 г. можно считать историческим днем для граждан, занимающихся на постоянной основе приносящей доход деятельностью, но не желающих регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей и подпадающих таким образом под действие законодательства об административных правонарушениях. Именно 6 августа 2017 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵ (далее — Федеральный закон № 199-ФЗ), содержащий два важнейших положения.

Первое вносит изменения в определение предпринимательской деятельности, которое оставалось неизменным более 22 лет. Правило, касающееся обязательной регистрации такой деятельности, было заменено следующей конструкцией: «Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

Вторым положением определено, что в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Начало указанным изменениям было положено Президентом РФ в сентябре 2016 г. на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, который заявил, что миллионы людей, работающих в разных сферах, «просто вынуждены оставаться в тени, чтобы не сталкиваться с бюрократией, поборами, постоянными проверками... следует исключить любые возможности признания деятельности самозанятых граждан незаконным предпринимательством»⁶. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. идея легализации самозанятых граждан прозвучала повторно: «Прошу в течение следующего года четко определить правовой статус самозанятых граждан,

³ Минэкономразвития собирается поддержать самозанятых предпринимателей. URL: <http://www.ria.ru/economy/20160908/1476419084.html> (дата обращения: 30.08.2017).

⁴ О занятости населения : закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17, ст. 1915.

⁵ О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31, ч. 1, ст. 4748.

⁶ Стенограмма заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 21 сентября 2016 г., Московская область, Ново-Огарево. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/52929> (дата обращения: 30.08.2017).

дать им возможность нормально, спокойно работать»⁷.

Примечательно, что первые изменения по данному поводу были внесены не в Гражданский кодекс РФ, как того требует здравый смысл, а в Налоговый кодекс РФ, как того требовали временные рамки, установленные Президентом РФ для исполнения поручения, и статья 5 НК РФ, регламентирующая действие актов законодательства о налогах и сборах во времени. Федеральным законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 401-ФЗ), вступившим в силу 30 ноября 2016 г. (за исключением отдельных положений), к доходам, не подлежащим налогообложению (освобождаемым от налогообложения) (ст. 217 НК РФ), были отнесены доходы в виде выплат (вознаграждений), полученных физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями, от физических лиц за оказание им следующих услуг для личных, домашних и (или) иных подобных нужд:

— по присмотру и уходу за детьми, больными лицами, лицами, достигшими возраста 80 лет, а также иными лицами, нуждающимися в постоянном постороннем уходе по заключению медицинской организации;

— по репетиторству;

— по уборке жилых помещений, ведению домашнего хозяйства⁸.

Кроме того, субъектам РФ было предоставлено право установить иные виды услуг для личных, домашних и (или) иных подобных нужд, доходы от оказания которых освобождаются от налогообложения.

При этом данные положения распространяются на налоговые периоды только 2017 и 2018 гг. при условии, что физическое лицо уведомило налоговый орган об оказании таких услуг и не привлекает наемных работников. В соответствии с п. 7.3 ст. 83 НК РФ, введенным Федеральным законом № 401-ФЗ, именно на налоговые органы возлагается функция по постановке на учет (и снятию с учета) таких физических лиц (за исключением лиц, указанных в ст. 227.1 НК РФ). Сама постановка на учет (снятие с учета) носит уведомительный характер, уведомление может быть представлено в любой налоговый орган по выбору лица.

Несмотря на то что указанные новеллы НК РФ вступили в силу с 1 января 2017 г., форма уведомления утверждена приказом ФНС России только 31 марта 2017 г.⁹, который зарегистрирован в Минюсте России 24 апреля 2017 г., а вступил в силу лишь 7 мая 2017 г.

Тем не менее по состоянию на сентябрь 2017 г. можно считать, что поручение Президента РФ было выполнено: внесены изменения в ГК РФ и НК РФ, согласно которым формально самозанятые граждане получили возможность заниматься деятельностью, приносящей доход, и при этом не быть привлеченными к административной ответственности за отсутствие государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Попробуем разобраться в том, какие реальные правовые последствия порождают эти изменения, и почему можно говорить лишь о формальном освобождении самозанятых граждан от административной ответственности за незаконное предпринимательство.

1. Все вышеуказанные изменения так и не вносят ясности относительно вопроса, что такое самозанятость. Без легального определения этого понятия сложно определить административно-правовой статус лиц, которые ею занимаются.

Действующая редакция п. 7.3 ст. 83 НК РФ определяет самозанятое лицо как физическое лицо (за исключением лиц, указанных в ст. 227.1 НК РФ), не являющееся индивидуальным предпринимателем и оказывающее без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд. Исходя из смысла п. 7.3 ст. 217 НК РФ, мы делаем вывод, что за оказание таких услуг может взиматься определенная плата. Однако раскрыть содержание административно-правового статуса самозанятых граждан с точки зрения налогового законодательства будет сложно по нескольким причинам.

Во-первых, не разрешен вопрос относительно возраста, при достижении которого физическое лицо может быть признано самозанятым. С одной стороны, статус самозанятого гражданина освобождает от уплаты налога на доходы физических лиц (далее — НДФЛ) и не устанавливает возрастного ценза для налогоплательщиков (гл. 23 НК РФ). С другой стороны, самозанятость подразумевает выполнение некоторой работы за установленную плату, т. е. возникновение

⁷ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. // Парламентская газета. 2016. № 45.

⁸ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49, ст. 6844.

⁹ Об утверждении формы и формата уведомления физического лица об осуществлении (о прекращении) деятельности по оказанию услуг физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд, а также порядка ее заполнения : приказ ФНС России от 31 марта 2017 г. № ММВ-7-14/270@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

определенных трудовых или гражданско-правовых отношений. Минимальный возраст вступления в трудовые отношения, определенный Трудовым кодексом РФ, составляет 14 лет (ст. 63) (за исключением случаев привлечения детей в качестве работников организаций кинематографии, театров, театральных и концертных организаций, цирков). Согласно же ГК РФ, по общему правилу, гражданская дееспособность приобретает физическим лицом в полном объеме только при достижении восемнадцатилетнего возраста (ст. 21).

Во-вторых, приведенное в НК РФ определение понятия самозанятости однозначно говорит о том, что взаимоотношения при такой организации труда могут выстраиваться только по схеме «физическое лицо — физическому лицу». Но как быть гражданам, которые оказывают определенные услуги организациям и индивидуальным предпринимателям? Ответа на этот вопрос пока нет. А ведь именно такие граждане, по нашему мнению, занимают значительную долю рынка «теневого» самозанятости. Во многих случаях организации выгоднее нанять внештатного сотрудника для реализации конкретного проекта, заплатив заранее обговоренную сумму только за результат, а не заключать официальный трудовой договор, который влечет необходимость изменения штата сотрудников со всеми вытекающими последствиями в виде оплаты труда за проведенное на рабочем месте время, уплаты налогов, страховых взносов и т. д.

Выше было отмечено, что все больше самозанятых граждан ищут заказы через Интернет, занимаясь так называемым фрилансом. Например, согласно данным некоторых исследователей, «только на одном портале freelance.ru сейчас зарегистрировано более 1,5 млн подрядчиков-фрилансеров. Стоит учитывать и пользователей других порталов, а также „свободных художников“, которые самостоятельно, без посредников, находят себе заказы» [5, с. 84]. Встречаются и более смелые оценки, согласно которым в России в 2016 г. насчитывалось около 8 млн фрилансеров [6, с. 63]. Вполне очевидно, что большинство заказов фрилансеры получают от организаций, а не от физических лиц.

Таким образом, вопрос целесообразности внесения в НК РФ проанализированных нами изменений в том виде, в котором они были приняты, остается открытым.

2. Согласно новой редакции п. 1 ст. 23 ГК РФ условия осуществления гражданами предпринимательской деятельности без государственной ре-

гистрации в качестве индивидуального предпринимателя могут быть предусмотрены в отношении отдельных видов деятельности, установленных законом. Стоит обратить внимание, что отдельного закона, принятого в целях конкретизации данной нормы ГК РФ, в настоящее время нет.

Выше мы отмечали, что изменения, внесенные в НК РФ, ограничиваются регламентацией лишь трех видов деятельности, при получении дохода от которой гражданин имеет право не регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. Также определенные полномочия по этому вопросу делегированы субъектам РФ. Несмотря на это, вопрос о видах деятельности, подпадающих под действие обозначенной нормы ГК РФ, остается открытым по нескольким причинам.

Во-первых, согласно опросу, проведенному Национальным агентством финансовых исследований в мае 2016 г., суммарная доля граждан, оказывающих услуги нянь, сиделок, репетиторов, а также осуществляющих уборку и оказывающих помощь по хозяйству, составляет всего около 10% из числа опрошенных респондентов, относящих себя к самозанятым¹⁰. Как видно, большая доля рынка самозанятых, в том числе фриланс-работников, о численности которых мы говорили ранее, остается в стороне. При этом отметим, что, по данным 2011 г., в качестве индивидуальных предпринимателей было зарегистрировано около 18% фрилансеров [4, с. 12], а по результатам вышеуказанного опроса доля самозанятых, имеющих статус индивидуального предпринимателя, составляет лишь 6%.

В связи с этим следует принять во внимание мнение общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», согласно которому поправки, внесенные в НК РФ, могут легализовать менее 5% самозанятых¹¹.

Во-вторых, по состоянию на сентябрь 2017 г. отсутствует какая-либо информация о том, что хотя бы один из субъектов РФ расширил данный перечень на региональном уровне. На наш взгляд, в дальнейшем данное полномочие не будет пользоваться особой популярностью среди регионов РФ, так как согласно Бюджетному кодексу РФ 85% НДФЛ, от уплаты которого освобождает официальный статус самозанятого, зачисляется в бюджет субъекта РФ (ст. 56), а оставшаяся часть делится между местными бюджетами (ст. ст. 61, 61.1). Сомнительно, что кто-либо добровольно согласится лишить себя даже теоретических шансов пополнения бюджета, хотя возмож-

¹⁰ В России 10% самозанятых. URL: <http://www.nafi.ru/analytics/v-rossii-10samozanyatykh/> (дата обращения: 14.09.2017).

¹¹ Самозанятых выманивают из тени. Легализоваться смогут только няни, репетиторы и домработницы. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3136873> (дата обращения: 06.09.2017).

ность возникновения таких случаев в будущем нами не отрицается.

3. В пояснительной записке к законопроекту № 87981-7, ставшему Федеральным законом № 199-ФЗ, отмечалось следующее: «в Гражданский кодекс Российской Федерации вносятся изменения, позволяющие в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом определить условия, при которых граждане могут осуществлять такую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей»¹². Несмотря на заявленную цель принятия законопроекта, условия, при которых граждане могут не регистрировать предпринимательскую деятельность в полном объеме, так и остались неопределенными.

Отсутствуют внятные законодательные ответы на принципиальные вопросы, определяющие административно-правовой статус самозанятых лиц: какая сумма дохода должна быть получена самозанятым гражданином и за какой период, чтобы оставаться в этом статусе? Каким образом полученная сумма дохода должна подтверждаться? С какой систематичностью самозанятый гражданин может оказывать услуги за вознаграждение, чтобы не перейти в разряд предпринимателей? В каком статусе (предпринимателя или физического лица) самозанятый гражданин несет ответственность перед потребителем своих услуг?

Ответы на эти вопросы позволили бы провести четкую границу между самозанятостью и предпринимательской деятельностью. Считать конкретный вид деятельности, указанный в НК РФ или ином законе, без учета этих параметров, не относящимся к сфере предпринимательства нельзя хотя бы потому, что в этом случае открывается широкий простор для ухода от налогообложения и легализации денежных средств, полученных незаконным путем.

4. Мы уже обращали внимание на то, что согласно поправкам, внесенным в НК РФ, статус самозанятого освобождает лицо от уплаты НДФЛ. Также отметим, что на лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, не возлагается обязанность по уплате обязательных страховых взносов. Таким образом, гражданин, зарегистрированный в качестве самозанятого, не платит НДФЛ и обязательные страховые взносы. Очевидно, что самозанятый гражданин, находящийся в «тени», имеет аналогичные «привилегии». На этом фоне возникают разумные вопросы: в чем смысл регистрации для са-

мозанятого гражданина? Что за собой повлечет отсутствие такой регистрации?

В части возможной ответственности Ж. Г. Попова делает вывод о том, что теоретически могла бы быть применена ст. 116 НК РФ «Нарушение порядка постановки на учет в налоговом органе». Однако здесь возникают следующие проблемы. В соответствии с п. 1 указанной статьи наказуемо нарушение налогоплательщиком установленного НК РФ срока подачи заявления о постановке на учет в налоговом органе по основаниям, предусмотренным указанным кодексом. Срока исполнения обязанности по постановке на учет в соответствии с п. 7.3 ст. 83 НК РФ не установлено. Как следует из п. 2 ст. 116 НК РФ, наказуемо ведение деятельности организацией или индивидуальным предпринимателем без постановки на учет в налоговом органе по основаниям, предусмотренным названным кодексом. Рассматриваемая категория физических лиц не относится ни к индивидуальным предпринимателям, ни к организациям, признаки которых регламентированы п. 2 ст. 11 НК РФ. Соответственно, штраф за неисполнение указанной обязанности по постановке на учет самозанятых лиц в НК РФ не предусмотрен [7].

Иначе говоря, по действующему законодательству самозанятый гражданин, находящийся в «теневом» поле, не рискует ничем, как и не получает абсолютно никакой выгоды, выходя из этого поля.

5. Согласно п. 13 ст. 13 Федерального закона № 401-ФЗ, которым внесены изменения в ст. 217 НК РФ, самозанятые граждане освобождаются от уплаты НДФЛ в отношении доходов в виде выплат (вознаграждений), полученных от соответствующей деятельности в налоговых периодах 2017 и 2018 гг. Возникает закономерный вопрос, что будет потом. Полагаем, здесь возможно несколько вариантов развития событий.

В первом случае после окончания 2018 г. самозанятые граждане, вышедшие из «тени», будут обязаны уплачивать НДФЛ (или иные налоги) по доходам, полученным от оказания своих услуг, а согласно мнению бизнес-омбудсмена Б. Титова, у них также возникнет обязанность уплачивать и страховые взносы¹³. Таким образом, фактически их административно-правовой статус будет соответствовать статусу индивидуального предпринимателя. В то же время таким гражданам ничего не мешает опять уйти из поля зрения государства, так как официальное прекращение деятельности в качестве

¹² *Пояснительная записка к законопроекту № 87981-7*. URL: <http://www.sozd.parlament.gov.ru/bill/87981-7> (дата обращения: 06.09.2017).

¹³ *Самозанятых выманивают из тени. Легализоваться смогут только няни, репетиторы и домработницы*. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3136873> (дата обращения: 06.09.2017).

самозанятого лица носит простой уведомительный характер. Получается замкнутый круг.

Во втором случае после оценки результатов первых лет работы нововведенных норм, признания этих результатов неудовлетворительными, а также осознания рисков обратного ухода самозанятых в «тень» в Федеральный закон № 401-ФЗ будут внесены изменения в части увеличения количества налоговых периодов, на которые распространяется амнистия по НДФЛ.

Механизм отражения полученных доходов для самозанятых граждан в настоящее время не предусмотрен. Принимая во внимание этот факт в совокупности с остальными пробелами законодательства, отмеченными в настоящей статье, мы предполагаем, что развитие событий пойдет именно по второму варианту. Проблемы уточнения административно-правового статуса самозанятых граждан, к сожалению, останутся нерешенными еще долгое время.

6. Возвращаясь к вопросу о возможной юридической ответственности самозанятых граждан, отметим следующее. По своей сути самозанятость является предпринимательской деятельностью с той лишь оговоркой, что занятие ею не влечет за собой обязанности государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Однако, внося изменения в НК РФ и ГК РФ, законодатель оставил без внимания КоАП РФ, ч. 1 ст. 14.1 которого однозначно признает отсутствие государственной регистрации предпринимательской деятельности административным правонарушением и не устанавливает каких-либо исключений (хотя именно об этом говорилось в поручениях Президента РФ).

Таким образом, возникает правовая коллизия между положениями ГК РФ и КоАП РФ, для устранения которой в указанную норму КоАП РФ необходимо внести изменения, учитывающие существующие особенности гражданского законодательства, предусматривающего возможность осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации.

Таким образом, на сегодняшний день задача определения административно-правового статуса самозанятых граждан не решена. Стоит согласиться с мнением Ж. Г. Попковой о том, что работа, проведенная в этом направлении, носит популистский характер и направлена лишь на отработку устных поручений Президента РФ [7].

Не вызывает удивления, что за первый квартал 2017 г., по данным ФНС России, озвученным бизнес-омбудсменом Б. Титовым, во всей России вышли из «тени» лишь 40 самозанятых граждан¹⁴. Как видно уже по первым результатам работы в данном на-

правлении, идея легализации самозанятых граждан начинает терпеть крах.

Для устранения вопросов, возникающих при анализе действующих правовых норм, устанавливающих административно-правовой статус самозанятых граждан, и реальной ликвидации хотя бы части «теневой» самозанятости, по нашему мнению, необходима реализация следующих мероприятий:

— четкое законодательное закрепление понятия самозанятости. Представляется приемлемой следующая формулировка: *самозанятость — предпринимательская деятельность физического лица, не привлекающего наемный труд, регистрация которой носит обязательный характер и осуществляется в соответствии с положениями Налогового кодекса Российской Федерации в установленных им случаях, но не влечет за собой приобретения таким физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя.*

Учитывая, что правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения, в том числе государственные гарантии реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы, определяются Законом РФ «О занятости населения в Российской Федерации», считаем возможным закрепить указанное выше определение именно в этом законе;

— расширение в НК РФ перечня видов деятельности, занятие которыми не влечет за собой возникновение статуса индивидуального предпринимателя при регистрации. В данный перечень должны быть включены виды деятельности, характеризующиеся максимальным предложением в сфере предоставления услуг по принципу фриланса, а также ремесленники, мастера, лица, оказывающие мелкие бытовые услуги, и т. д.;

— установление в НК РФ четких границ, позволяющих отделить предпринимательскую деятельность от самозанятости. Начать разрешение этого вопроса мы предлагаем с регламентации для самозанятых граждан максимального размера дохода, полученного за определенный период (по примеру п. 2 ст. 346.12 НК РФ, устанавливающего размер максимального дохода для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения). При этом следует помнить о необходимости реализации механизма учета этих доходов, которым, например, может служить использование книг учета доходов и расходов, а также бланков строгой отчетности.

Наряду с этим считаем возможным получать данные о доходах самозанятых граждан от их контрагентов. Для этого необходимо освободить нало-

¹⁴ В России выявлено 40 самозанятых. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3299994> (дата обращения: 06.09.2017).

говых агентов от обязанности удержания и уплаты НДФЛ в части выплат, осуществляемых в адрес самозанятых граждан, что позволит им без каких-либо последствий и дополнительных затрат отражать данные расходы в своей отчетности, в том числе представляемой в налоговые органы;

— введение в КоАП РФ состава правонарушения, предусматривающего административное наказание за отсутствие регистрации в качестве самозанятого гражданина;

— установление института самозанятых граждан на постоянной основе, без каких-либо временных ограничений;

— устранение противоречий между гражданским законодательством и законодательством об административных правонарушениях, достигаемое дополнением диспозиции ч. 1 ст. 14.1. КоАП РФ фор-

мулировкой: «за исключением случаев, предусмотренных законом».

Президент РФ обоснованно обратил внимание на проблему вывода из «тени» самозанятых граждан, поскольку это значительный ресурс для дальнейшего развития предпринимательской деятельности, которая «является одной из важнейших сил, движущих экономику страны вперед» [8, с. 101]. Однако трудно не согласиться с Б. Титовым, который еще на этапе обсуждения проанализированных нами поправок в НК РФ говорил о том, что тема легализации самозанятых граждан «выброшена в пропасть»¹⁵. В то же время, учитывая, что с точки зрения правового регулирования институт самозанятости находится в самом начале своего развития, можно надеяться, что все ошибки, допущенные на современном этапе, обязательно будут учтены и устранены в дальнейшем.

Список литературы

1. *Удальцова М. В., Плюснина Л. К., Воловская Н. М.* Самозанятость: проблемы и перспективы // *Человек и труд*. 1996. № 3.
2. *Абакумова Н. Н., Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В.* Безработица и самозанятость : монография / отв. ред. М. В. Удальцова. Новосибирск, 1997.
3. *Токсанбаева М. С.* Самозанятость и ее противоречия // *Экономическая наука современной России*. 1998. № 3.
4. *Кириенко А. П., Климова М. О.* Самозанятость населения и теневой рынок труда в России // *Проблемы экономики* (Харьков). 2012. № 3.
5. *Тюхтяева К. Г.* Нестандартная занятость в современном обществе // *Успехи современной науки и образования*. 2017. № 4.
6. *Дереглазова Д. А., Юркова И. Г.* Фриланс как способ организации трудовой деятельности // *Роль и значение современной науки и техники для развития общества : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф.* (28 апреля 2017 г., Екатеринбург) : в 3 ч. Уфа, 2017. Ч. 1.
7. *Попкова Ж. Г.* Новая категория самозанятых лиц: проблемы правового статуса. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. *Попов А. В.* Административно-правовое регулирование предпринимательства в годы перестройки и его итоги // *Вестник Омской юридической академии*. 2017. № 3.

¹⁵ Самозанятых выманивают из тени. Легализоваться смогут только няни, репетиторы и домработницы. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3136873> (дата обращения: 06.09.2017).

ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL TOOLKIT

УДК 130.122 © Е. О. Гаврилов, 2018

Эвристический потенциал категорий социального пространства и социального порядка

Е. О. Гаврилов, Кузбасский институт ФСИН России (Новокузнецк). E-mail: gavrilich@yandex.ru

Использование категорий социального пространства и социального порядка создает возможности для описания как стабильного, так и динамического аспектов общества. Такие возможности в большей степени могут быть реализованы в рамках мезоподхода, использующего эти категории для обозначения некоторых состояний комплекса социальных практик в единстве их субъективных и объективных характеристик, что позволяет проследить корреляцию разных по масштабам социальных явлений, вскрыть сложный, неоднородный и внутренне противоречивый характер любой социальной целостности. Содержание социального пространства составляют несколько социальных порядков. Социальный порядок представляет собой относительно устойчивую иерархию отношений доминантных и периферийных социальных практик, находящихся в состоянии конкуренции или кооперации ментальных, символических и деятельностных форм.

Ключевые слова: социальное пространство; социальный порядок; общество; мезоподход; социальные практики; социальное развитие; доминирование.

Heuristic Potential of Categories of Social Space and Social Order

E. O. Gavrilov, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia (Novokuznetsk). E-mail: gavrilich@yandex.ru

Using categories of social space and social order creates the opportunities for describing both stable and dynamic aspects of society. Such opportunities to a larger extent can be realized within the mesolevel approach employing these categories to define some states of the set of social practices in unity of their subjective and objective characteristics, which makes it possible to track down the correlation of social phenomena of different scope, reveal a complicated, heterogeneous and internally contradictory character of any social integrity. The content of social space is composed of several special orders. Social order is a relatively stable hierarchy of relations between dominant and periphery social practices which are in the state of competition or cooperation of mental, symbolic and activity forms.

Keywords: social space; social order; society; mesolevel approach; social practices; social development; dominance.

В эпоху стремительно разворачивающихся общественных трансформаций социальная философия и гуманитарные науки испытывают потребность в описании общества как совокупности устойчивых оснований и структур. Наряду с этим не менее востребована выработка подходов, позволяющих фиксировать динамику социальных явлений, учитывать

их способность к переконпоновке и взаимовлиянию. Очевидно, что эти две задачи в определенной степени противоположны друг другу и предполагают различные модели общества. Несовпадение средств описания социальной статистики и динамики следует преодолеть, потому что адекватное отображение общества в необходимой полноте его характеристик

требует учета или совмещения обоих ракурсов. В социальных исследованиях для осуществления этого сочетания активно используются категории социального пространства и социального порядка.

Проблема состоит в том, что диапазон коннотации этих понятий затрудняет их соотнесение, создает возможность неоправданных аналогий и противопоставлений. Задачей данного исследования является определение концептуальных возможностей совмещения познавательного потенциала наиболее распространенных подходов к интерпретации категорий социального пространства и социального порядка. Полученные результаты могут способствовать прояснению необходимых концептуальных оснований формирования продуктивных теорий социального.

Понятие общества сопоставимо с такими категориями, как реальность, мир, бытие, универсум, и является одной из наиболее масштабных абстракций. Принимая его, исследователь допускает факт более или менее целостного существования значительного количества явлений, которые связаны друг с другом, образуют структуры и уровни. В этом случае общество приобретает статус субстанциального начала, чьи сущностные характеристики порождают различные социальные формы, образуют из внешне разрозненных явлений нечто единое. Но среди специалистов немало и тех, кто отрицает наличие этой структурности и связности, отказывает обществу в фактической данности и рассматривает это понятие как более или менее удобную фикцию, необходимую лишь для обобщения и интерпретации эмпирических данных. Представители этих во многом противоположных взглядов в равной степени используют концепты пространства и порядка для обозначения содержания общества и, в зависимости от подхода, фиксируют определенную меру соотношения стабильности и изменчивости социальной жизни.

Разработчиками концепта *социального пространства* считают Г. Зиммеля, П. А. Сорокина, П. Бурдьё, Э. Гидденса, А. Лефевра, З. Баумана, А. Ф. Филиппова. Диапазон значений этого концепта весьма широк и не может быть сведен к единой общепринятой интерпретации. В рамках подхода, который можно обозначить как релятивистский, социальное пространство предстает как хаос недетерминированных социальных взаимодействий [1]. Противоположная трактовка, которая может быть названа детерминистской, описывает социальное пространство как состояние строгой предзаданности позиций субъектов социальных отношений, продиктованное логикой социально-исторического развития или

единой системой принципов и норм [2, с. 156–220]. Если первая версия пространства представляется в виде модели, лишенной четких стабильных очертаний, то вторая явно тяготеет к субстанциализации социальных явлений, по аналогии с метафизическим ньютоновским пространством.

Преодоление метафизичности в трактовке социального пространства, не соответствующей реалиям социальной практики, стало одной из задач исследований Г. Зиммеля. Он отталкивается от идеи И. Канта, согласно которой пространство является априорной формой чувственности [3, с. 90], и утверждает, что «пространство не есть нечто реальное вне наших ощущений, как, например, форма, посредством которой древесина становится шкафом, не обладает особым существованием вне этого материала» [4, с. 52]. Обращаясь к этой трактовке, А. Ф. Филиппов замечает, что Г. Зиммель отвергает другой кантовский тезис — об однородности априорного пространства. Социальное пространство у Г. Зиммеля — «феномен, который может восприниматься по-разному в разных модусах» [5, с. 106]. Принимая эту мысль, А. Ф. Филиппов формулирует такое понимание категории социального пространства, в котором оно «есть смысловая схема порядка сосуществования тел, позиций, мест» [5, с. 261].

В аспекте *позиций* пространство может быть рассмотрено как координация или связь между субъектами социальных практик. При этом оно может пониматься локально, как связь субъектов (Г. Зиммель¹), или глобально, как система горизонтальных и вертикальных связей субъектов и групп (П. А. Сорокин²).

В аспекте *места* социальное пространство акцентирует внимание на социальной и географической локализации субъектов социальных практик. В результате в трактовку пространства привносятся связность социального и физического миров. Так, исследуя проблему социальной мобильности, П. Сорокин отмечает различие трехмерного евклидова и многомерного социального пространства, демонстрируя, что географическая близость не порождает близости социальной в силу разницы социального статуса, принадлежности к различным группам и иных факторов [7, с. 297–299]. Напротив, П. Бурдьё и Э. Гидденс находят сходства физического и социального миров. В трактовке Э. Гидденса социальные практики обладают пространственно-временной протяженностью [8, с. 405]. П. Бурдьё представляет физическое пространство как объективацию социального пространства, его образ или оттиск. Физические объекты тем самым становятся элементами социальной активности, выступают объектом экспансии индивидов

¹ Г. Зиммель по этому поводу замечает: «Сознание того, что он образует общество, правда, не присуще inabstracto отдельному человеку, но во всяком случае, каждый знает, что другой связан с ним» [6, с. 512].

² П. А. Сорокин, сравнивая социальное пространство со Вселенной, указывает, что положение в ней субъекта определяется совокупностью его горизонтальных и вертикальных связей с членами различных групп, которым он принадлежит [7, с. 299–300].

[9, с. 51]. Для А. Лефевра (как, впрочем, и для представителей социологии вещей) физическое пространство, включая объекты, создаваемые человеком, и их комплексы (такие, например, как город), творит социальное пространство [10; 11, с. 33–36].

Что касается аспекта *тел*, его можно считать производным от аспекта мест, поскольку, по мнению А. Ф. Филиппова, тело есть «смысловой комплекс, означающий способность пребывать в пространстве, занимать место» [5, с. 261]. Если отвлечься от этой характеристики, то тело как презентация социального пространства раскрывается в совокупности своих психологических и коммуникативных качеств, реализуемых с помощью физических возможностей тела, что стало предметом изучения представителей разных подходов (Г. Зиммель, И. Гофман, П. Бурдьё, Ж. Бодриар, М. Мосс и др.).

Как бы ни была широка амплитуда интерпретаций пространственных характеристик общества, специально отметим позицию П. Бурдьё, выступающего против идеи субстанциальной целостности и однородности социального пространства и вместе с тем избегающего трактовок, утверждающих пространственную флуктуативность, представляющих общество как спонтанное сложение активности автономных индивидов. Он рассматривает пространственные характеристики в качестве «свойств, способных придавать... силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов определяются... по их относительным позициям в этом пространстве» [12, с. 15]. Беря за основу отношения власти, автор представляет пространство как «совокупность объективных отношений сил, которые... несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям» [12, с. 15]. Заметно, что его модель пространства отношений сил носит субъективно-объективный характер. Исходя из этой концепции, социальное пространство может быть истолковано не только как отношение позиций, но и как процесс взаимодействия сил, делающий пространственные очертания многомерными, но в то же время размытыми и лишенными четких внутренних и внешних границ.

Многомерность социального пространства открывает возможность соотнесения микро- и макросоциальных объектов, изучения их в состоянии взаимовлияния, а значит в их динамике. Кроме того, подход П. Бурдьё формирует позицию, согласно которой отсутствует фиксированный набор атрибутов социального пространства. Их определение и конкретизация зависят от научных интересов исследователя [13, с. 556–557], что позволяет приблизить смысл категории социального пространства к изучаемым социальным явлениям, а не подгонять их под очередную претендующую на универсализм теоретическую конструкцию.

Итак, анализ трактовок социального пространства показал, что это понятие лишено строго определенного и однозначного содержания, а предлагает только приблизительное представление о возможных формах, структурах и содержании того явления, которое им обозначается. Исследователь, используя категорию социального пространства, в соответствии со своими задачами самостоятельно определяет условия для последующей реконструкции отношений и взаимодействий социальных явлений.

Не менее активно в социальных исследованиях используется категория *социального порядка*. Чаще всего она встречается в концепциях представителей макроподхода (Э. Дюркгейм, К. Маркс, Т. Парсонс). Так, Т. Парсонс подчеркивает такие его черты, как системность, стабильность и интегративность [14]. К. Маркс заостряет внимание на иерархичном строении социального порядка, указывая на его роль в закреплении властной вертикали и воспроизводстве культурных форм, обслуживающих эту вертикаль [15]. Для Э. Дюркгейма социальная упорядоченность означает такой уровень сплоченности и кооперации, при котором каждая отдельная личность выступает как часть единого социального целого [16, с. 261–262]. В этих идеях представителей макроподхода просматривается метафизичность, угадывается акцент на статике, так как порядок здесь тождествен структурной и функциональной детерминированности социального универсума. Он представляется как целостность, предшествующая любой индивидуальной активности, и более того, определяющая эту активность.

Идея социального порядка востребована также представителями микроподхода. Так, в теориях символического интеракционизма он понимается как сочетание спонтанных взаимодействий субъектов [17]. При такой интерпретации порядок приобретает выраженный флуктуативный и релятивный характер, превращается в условность, необходимую для описания произвольно выбранной совокупности социальных явлений. Смысловое противопоставление пространства и порядка в этом случае является относительным. Сходный эффект можно заметить у представителей макроподхода, создающих объективистские модели социального пространства. Пространственные характеристики у них приобретают вид жестко упорядоченных структур, что точно так же нивелирует оппозицию пространства и порядка. Очевидно, что продуктивные основания для соотнесения пространства и порядка в процессе изучения общества создаются в рамках теорий, сочетающих субъективистское и объективистское понимание социальных явлений.

Основой для установления отношений между рассматриваемыми категориями могут стать их значения, присутствующие в повседневном словоупотреблении. В этом контексте «порядок» обозначает некоторую

последовательность или взаиморасположение социальных явлений, не исключая их случайного или субъективно-произвольного характера. В свою очередь, бытовое значение пространства, содержа коннотацию взаиморасположения социальных явлений, указывает наряду с этим на пределы их распространения. Авторские трактовки, подвергающие концептуализации эти коннотации, могут усиливать аспект детерминированного постоянства или флуктуативной изменчивости этих категорий, но в условиях смыслового подобия намеренно или невольно допускают при описании общества отождествление категорий пространства и порядка. В результате в рамках одной теории можно увидеть различные вариации объединения пространственных и порядковых значений.

Так, А. Ф. Филиппов рассматривает порядок как внутреннюю характеристику пространства, координацию всех его элементов в единую схему [5, с. 261]. Точно так же П. Бурдьё, вводя категорию пространства, активно использует понятие социального порядка, рассматривая его как один из аспектов социального пространства [12, с. 27]. При этом смысл слова «порядок» в его теории многозначен. Во-первых, оно используется для описания координации символов, т. е. «символического порядка» [12, с. 27]. Во-вторых, применяется для описания иерархии воплощений содержания ментальных структур и позиций акторов в физическом пространстве [9, с. 51]. В-третьих, трактуется как «ансамбль упорядоченных отношений, конституирующих мир» [18, с. 97]. Заметная тавтологичность, а также наличие коннотаций, характерных для макроподхода, компенсируется авторским уточнением, что социальный порядок или, иначе, социальный мир, вписан как в объективные (механизм воспроизводства и распределения капиталов), так и в субъективные (диспозиции агентов относительно воспроизводства) структуры, что обеспечивает внутренний динамизм и возобновление этого порядка [18, с. 97]. При таком описании социального порядка решается задача выделения стабильных константных характеристик общества, не сводимых к жестко детерминированным субстанциональным основаниям. Несмотря на продуктивность рассмотренных вариантов интерпретаций этих понятий, обращает на себя внимание то, что авторы используют категории пространства и порядка в неразрывной связке. А это означает, что адекватная модель общества не может быть сформулирована только как пространство или только как порядок. Однако специалисты, используя оба эти понятия, не проводят четкого и последовательного их разграничения и допускают тем самым их частичное отождествление. В связи с этим целесообразно рассмотреть пространство и порядок не как смысловые антагонисты и не как синонимы, но как взаимодополняющие характеристики социальных явлений.

Отношения социального пространства и социального порядка могут быть рассмотрены как взаимодополняющие обозначения различных сторон социальной среды, а точнее, таких условий, в рамках которых зарождаются и воспроизводятся социальные практики, осуществляют свою активность индивиды и функционируют социальные институты. Но необходимое сочетание стабильности и изменчивости в трактовке пространства и порядка достигается не на основе макро- и микроподхода, а в рамках мезоподхода, учитывающего как субъективные, так и объективные характеристики социальных явлений. Релевантными для его обозначения могут быть категории коммуникаций, фреймов, практик и т. д. В частности, в практиках мы можем обнаружить единство ментального, символического и деятельностного компонентов [19, с. 33]. В такой трактовке практики содержат черты субъективно-объективного характера, что позволяет рассматривать их в качестве средства описания единства статических и динамических состояний общества, установить взаимосвязь между различными по масштабу социальными явлениями [19, с. 33, 109–117].

Отношения между практиками образуют социальное пространство и социальный порядок, содержанием которых становятся различные формы взаимосвязи установок сознания, символических форм, способов организации деятельности. Так, если пространство представляет пределы их взаимодействий, является выражением расстановки социальных сил, то порядок характеризует структурные и процедурные аспекты связей социальных практик в пространстве.

Например, социальное пространство, рассматриваемое в аспекте *места*, включает в себя преобладание определенных практик в пространстве регионов и населенных пунктов. В аспекте *позиций* оно включает в себя социальные практики, характерные для общества в целом либо преобладающие в отдельных его сегментах (полях [20], областях, сферах), например, в экономике или в политике, а также практики, распространенные среди различных групп субъектов в пределах одного социального сегмента, и, наконец, практики, преобладающие у отдельных индивидов. Последние выступают в качестве содержания социального пространства *тел*.

Социальный порядок может рассматриваться, впрочем, во многом так же, как и пространство, как сочетание различных способов функционирования и взаимодействия практик социальных сегментов экономики, политики, права и т. д., определяющее специфику конкретного государства. В рамках отдельного сегмента может выделяться правопорядок, а уже в нем может фиксироваться порядок организации предвыборной компании или порядок заключения договора. В каждом из приведенных случаев

порядок, в отличие от пространства, будет указывать не столько на диапазон распространения, сколько на способ связи социальных практик. Следует заметить, что параметры пространства и порядка не ограничены приведенными коннотациями.

Взаимодействие социальных практик формирует в вертикальном и горизонтальном измерениях разнообразные комбинации их позиций относительно друг друга — на уровне общества в целом, институтов и локальных сообществ, малых групп, деятельности индивида. Практики не образуют жестких, одномерных, постоянных конструкций, а пространство и порядок, чьим содержанием являются практики, лишены абсолютных значений и единого масштаба. Этот угол зрения позволяет при необходимости представить социальное пространство, включающее несколько порядков или порядок, содержащий несколько пространств. Следовательно, становится возможным построение моделей сильно структурированного пространства и слабо структурированного порядка. Эти модели могут быть пригодны для описания, во-первых, многоуровневых социальных явлений, во-вторых, таких социальных процессов, которые демонстрируют рассогласованность различных по масштабу, но взаимосвязанных социальных явлений.

Рассмотрим механизм перехода от одного социального порядка к другому в рамках единого пространства. Социальное пространство, в масштабе ли общества в целом или в масштабе его отдельных сегментов, представлено конкуренцией практик, нацеленных на обладание более высоким статусом и, как следствие, на доминирование. Это соперничество различных стандартов, образов жизни, стилей поведения, интерпретаций, представлений. Практики могут находиться в состоянии согласованности и рассогласованности. Социальный порядок формируется из таких практик, которые образуют определенное относительно устойчивое отношение, которое может включать помимо конкуренции различные формы кооперации и разделения сфер влияния. Такое отношение может быть представлено в качестве единого ансамбля взаимосвязей. В нем присутствуют одна или несколько доминантных практик, формируя отношения власти или закрепляя преимущественное владение дефицитным материальным или нематериальным ресурсом (в терминологии П. Бурдьё — «капитала») [12, с. 15–17]. Так, это может быть прерогатива устанавливать нормативные предписания, проводить по определенной форме социальные процедуры, осуществлять трактовку событий, выполнять значимые социальные функции и т. п.

При подобном описании социальный порядок выражает состояние структурированности (организованности) социального пространства или его отдельных компонентов, наличие в них доминант

и иерархий. Причем критерий доминантности может применяться к феноменам как внутреннего, так и внешнего характера. В первом случае речь идет о доминировании определенных практик в рамках одного социального порядка, а во втором — о доминантном положении конкретного социального порядка по отношению к другим порядкам, внешним по отношению к нему.

Однако структурность социального порядка не следует отождествлять с его завершенностью. Называемое социальным порядком есть определенное состояние разворачивающихся процессов в конкретный, иногда очень краткий момент времени. При таком подходе социальный порядок трактуется скорее как некий акцент в рекурсивной сети практик. В своих проявлениях социальный порядок лишен однозначных, раз и навсегда данных очертаний, будь то область отношений между классами, группами или стратами либо между такими сферами общества, как экономика, институты власти и пр. Он не является однородно упорядоченной, всеохватывающей структурой. Ему не присущи значения абсолютной детерминанты или онтологически надперсонального образования. Напротив, социальный порядок может быть изображен как сочетание параллельно происходящих процессов социальной интеграции и дезинтеграции, нормирования и аномии, конструирования и деструкции. Иными словами, социальный порядок не является завершенным, окончательно оформленным, лишенным внутренних противоречий состоянием общества.

При таком подходе социальный порядок не утрачивает внутренней согласованности, относительной целостности и устойчивости, но приобретает вид отношения между процессами и состояниями стабильности и изменчивости, определенности и становления и т. п. Экспликацией этого отношения является оппозиция доминирования и периферийности социальных практик. Повторим, что эта оппозиция имеет как внутренний, так и внешний по отношению к отдельному социальному порядку характер. Хотя, справедливости ради, заметим, что нередко практически невозможно провести черту, разделяющую то, что для социального порядка является внутренним, и то, что оказывается внешним.

Добавим, что граница между доминантными и недоминантными (периферийными) практиками внутри одного порядка и внешними по отношению друг к другу порядками не является абсолютной и постоянной. При определенных условиях происходит перемена их мест: на смену одному социальному порядку приходит другой, или меняются компоненты одного социального порядка.

В конечном счете доминантность положения некоторой совокупности социальных практик в рамках

единого социального порядка не исключает наличия в его содержании тех явлений, которые, оставаясь на периферии в качестве фактора конкурентной борьбы, создают предпосылки социальной динамики либо, наоборот, выполняют стабилизирующую функцию. Это могут быть группы политического лоббирования различных экономических интересов в рамках одной властной структуры или религиозные группировки в пределах одной конфессии. Разнообразные социальные практики, находящиеся вне границ социального порядка, также часто выражают претензию на изменение своего статуса и эволюцию в направлении доминирования.

Подводя итог, отметим, что одновременное использование понятий социального пространства и социального порядка создает возможности для описания как стабильного, так и динамического аспектов общества. Эти возможности в большей степени могут быть реализованы в рамках мезоподхода, предполагающего сочетание субъективных и объективных характеристик социальной активности. Он позволяет описывать общество как на макро-, так и на микро-

уровне и показывает корреляцию разных по масштабам социальных явлений. Применение категорий пространства и порядка для обозначений различных состояний комплекса социальных практик вскрывает сложный, неоднородный и внутренне противоречивый характер любой социальной целостности.

Социальное пространство, рассматриваемое в рамках мезоподхода, может быть условно представлено в виде множества отношений социальных практик. Оно лишено тотальной определенности, а скорее образуется расположением содержательных элементов, формирующих один или несколько порядков. В свою очередь, социальный порядок представляет собой относительно устойчивую иерархию, которая образуется отношением доминантных и периферийных социальных практик, находящихся в состоянии конкуренции или кооперации ментальных, символических и деятельностных форм. Характер отношений между социальными практиками позволяет делать выводы о расстановке сил на разных уровнях социального пространства и о значимости одного элемента каждого уровня по отношению к другим.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.
2. Сорокин П. А. Структурная социология // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
3. Кант И. Критика чистого разума. М., 1999.
4. Зиммель Г. // Избранное : в 2 т. М., 1996. Т. 1: Философия культуры.
5. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб., 2008.
6. Зиммель Г. // Избранное : в 2 т. М., 1996. Т. 2: Созерцание жизни.
7. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
8. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М., 2005.
9. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. М.-СПб., 2007.
10. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2(70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html> (дата обращения: 11.01.2018).
11. Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3.
12. Бурдьё П. Социальное пространство и «генезис классов» // Социология социального пространства. М.-СПб., 2007.
13. Шматко Н. А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё // Социальное пространство: поля и практики. М.-СПб., 2005.
14. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html> (дата обращения: 11.01.2018).
16. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.
17. Mead G. H. Mind, self and society. Chicago-London, 1934.
18. Бурдьё П. Стратегии воспроизводства и способы господства // Социология социального пространства. М.-СПб., 2007.
19. Гаврилов Е. О. Современная религиозность как репрезентант и фактор социального развития : монография. Новокузнецк, 2015.
20. Шишова И. Основные понятия концепции П. Бурдьё. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_632.htm#_Toc40420599 (дата обращения: 15.01.2018).

УДК 340.114.5 © Е. С. Зайцева, Ю. И. Контимилова, 2018

Реализация нормативистского и естественно-правового подходов к пониманию права в различных видах правовой деятельности

Е. С. Зайцева, Омская академия МВД России. E-mail: zay_tseva@mail.ru
Ю. И. Контимилова, Омская академия МВД России. E-mail: kontimirova@icloud.com

В теории государства и права продолжается поиск идеального подхода к пониманию права. При этом как существующие, так и вновь появляющиеся подходы не всегда коррелируют с правовой действительностью. В статье анализируется воплощение в жизнь в правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности нормативистского и естественно-правового подходов к пониманию права. Рассматриваются особенности их соотношения и возникающие сложности в процессе реализации. Делается вывод, что на каждом уровне правовой деятельности возможно возникновение противоречий между указанными подходами, обусловленных как несоответствием принятых норм права, решений высших судебных инстанций, правоприменительных решений принципам права, отражающим естественно-правовые ценности, так и различным пониманием указанных ценностей.

Ключевые слова: нормативистский подход; естественно-правовой подход; правопонимание; правотворчество; толкование; правоприменение.

Implementation of Normativist and Natural Law Approaches to Law Understanding in different types of Law Activities

E. S. Zaitseva, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: zay_tseva@mail.ru
Yu. I. Kontimirova, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: kontimirova@icloud.com

In state and law theory they are still seeking for an ideal approach to law understanding. The current and newly-formed approaches do not always correlate with legal reality. The article focuses on introducing of normativist and natural law approaches into lawmaking, interpreting and law enforcement activity. The peculiarities of their correlation and difficulties arising in the course of their implementation are under study. The authors conclude that at each level of law activity there can be contradictions between the approaches mentioned determined by both legal norms, highest court decisions, law enforcement decisions which do not conform to legal principles embodying natural law values and different understanding of the values stated.

Keywords: normativist approach; natural law approach; law understanding; lawmaking; interpretation; law enforcement.

Проблема правопонимания традиционно относится к числу наиболее значимых, поскольку именно тип правопонимания определяет парадигму (смысловую модель) юридического познания права и государства, собственно научно-правовое содержание, предмет и метод соответствующей концепции юриспруденции [1, с. 27].

Современная юридическая наука базируется на принципе плюрализма, что обуславливает наличие множества подходов к понятию права. Это позволяет оценить право с разных сторон. В то же время из-за многообразия подходов к правопониманию, отсутствия единого, целенаправленного процесса познания этого сложного явления возможны трудности

в процессе его практического использования. В частности, решая спор о праве, суд нередко сталкивается с ситуацией, когда стороны этого правового спора исходят из разных представлений не только о том, что есть право в данном конкретном случае, но и о том, что понимается под правом вообще [2, с. 6].

Теоретические представления о праве, формулирование новых и развитие уже существующих подходов к правопониманию осуществляются в определенном отрыве от практической деятельности. Не случайно отмечается, что «многие положения современной теории государства и права носят сугубо абстрактный характер, оторваны от правовой реальности и никак не связаны ни с отраслевым правом, ни

с юридической практикой правотворческой и право-реализационной деятельности» [3, с. 102]. В связи с этим актуальность приобретает вопрос о возможности воплощения подходов к правопониманию в различных видах правовой деятельности.

На наш взгляд, среди всего многообразия подходов к пониманию права в правовой деятельности в Российской Федерации наиболее ярко реализованы два подхода: нормативистский и естественно-правовой. Концепция нормативизма прочно закрепились в советское время, и после распада СССР правовая действительность продолжает развиваться в русле данного подхода [4, с. 6]. Тот факт, что нормативистский подход находит свое воплощение на разных уровнях правовой деятельности (правотворческой, интерпретационной, правоприменительной), вряд ли может быть оспорен. Основой системы современного российского права являются общеобязательные формально-определенные правила поведения, установленные или санкционированные государством и обеспеченные его принудительной силой, что, безусловно, демонстрирует прямое воплощение нормативистского подхода в жизнь на уровне правотворческой деятельности. В свою очередь деятельность субъектов, осуществляющих интерпретационную работу, направлена на разъяснение существующих норм права, а деятельность субъектов, осуществляющих правоприменение, — на их реализацию.

С принятием Конституции РФ, закрепляющей общечеловеческие ценности, которые являются основой естественно-правового подхода, можно констатировать, что положения этого подхода также находят свое отражение в современной правовой действительности. На уровне правотворческой деятельности это проявляется в наличии общеправовых принципов, закрепленных законодательно и выступающих основой системы российского права. К таковым можно отнести идеи равенства и справедливости, расположенные в преамбуле Конституции РФ, а также идеи гуманизма (ч. 1 ст. 2), в соответствии с которыми человек выступает высшей ценностью. Все выделенные общечеловеческие ценности находят отражение в современном российском законодательстве. Например, принцип справедливости находит свое отражение в преамбуле к Конституции РФ и в ч. 1 ст. 50, согласно которой «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Также он имеет прямое закрепление в ст. 6 УК РФ и ст. 6 ГК РФ в качестве норм-принципов и конкретизируется в иных положениях указанных законов.

В частности, по ч. 1 ст. 60 УК РФ, при назначении наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части и с учетом положений Общей части УК РФ.

Таким образом, на уровне правотворчества естественно-правовые ценности находят как прямое воплощение на уровне норм-принципов, так и косвенное воплощение в различных статьях, отражающих содержание этих идей. Но даже на уровне закрепления естественно-правовых ценностей возможно возникновение определенных противоречий, обусловленных их абстрактностью и, как следствие, различным пониманием содержания. Например, п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, согласно которому обстоятельством, отягчающим наказание, является совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. Указанное дополнение в УК РФ повлекло за собой весьма активное обсуждение как в научной среде, так и среди правоприменителей. Основное внимание обращалось на то, что признание законодателем в качестве обстоятельства, отягчающего уголовное наказание, совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, влечет за собой признание неравенства в правовом статусе различных должностных лиц в Российской Федерации, что приводит к появлению сомнений относительно соблюдения со стороны законодателя принципа равенства как конституционного принципа, имеющего универсальный характер.

В связи с этим последовал запрос в Конституционный Суд РФ, который в своем определении от 8 декабря 2011 г. № 1623-О не усмотрел противоречий конституционному принципу, закрепленному ст. 19 Конституции РФ — равенства всех перед законом, в обозначенном в запросе аспекте¹. При этом Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что федеральный законодатель, внося дополнение в УК РФ, действовал на основании ст. 71 Конституции РФ, и повышенная степень общественной опасности умышленных преступлений, совершенных сотрудниками внутренних дел, обусловлена в первую очередь такими аспектами, как наделение их действующим законодательством широким спектром прав в части применения мер государственного принуждения в отношении граждан.

Преступления, совершаемые сотрудниками ОВД, имеют особый характер и степень общественной опасности, но с учетом подobia правовых статусов сотрудников полиции статусу иных должностных лиц, которых традиционно относят к пра-

¹ По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

воохранительным органам, данная норма нарушает принцип равенства перед законом отдельных категорий должностных лиц.

В интерпретационной деятельности высших судебных инстанций также можно говорить о реализации как нормативистского, так и естественно-правового подходов. Деятельность субъектов, осуществляющих интерпретационную деятельность, направлена на разъяснение уже существующих норм права, созданных в процессе правотворческой деятельности. В то же время практически в каждом постановлении в мотивировочной части при обосновании принятого решения Конституционный Суд РФ апеллирует к идеям справедливости, равенства и свободы. Данный вывод подтверждается анализом всех постановлений Конституционного Суда РФ за 2015–2016 гг., согласно которому в 2015 г. в 98% постановлений отражены идеи справедливости, равенства и гуманизма; в 2016 г. указанная тенденция наблюдается в 100% случаев.

Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 16 П² норма п. 1 ч. 5 ст. 217 и п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, в соответствии с которой лицо имеет право на рассмотрение уголовного дела судом присяжных заседателей при совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, лишь при наличии возможности назначения обвиняемому наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, которые в силу ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ не могут быть назначены лицу женского пола, была признана неконституционной, как нарушающая принцип равенства.

Факт воплощения естественно-правовых ценностей в деятельности Конституционного Суда РФ не вызывает сомнения. В то же время и на уровне интерпретационной деятельности возможно различное понимание указанных ценностей. Это подтверждается наличием института особого мнения судьи, демонстрирующим несовпадение позиций Конституционного Суда РФ и его отдельных представителей. В итоге результатом деятельности Конституционного Суда РФ неоднократно становились решения, которые отдельными судьями рассматривались как противоречащие принципам права. Одно из наиболее дискуссионных решений, вызывавшее как различную оценку судей (три особых мнения), так и общественный резонанс, — это постановление от 28 июня 2007 г. № 8-П³, в соответствии с которым тела указанных лиц

не выдаются родственникам и о месте их захоронения не сообщается, что мотивируется необходимостью охраны общественной безопасности и общественного порядка. По мнению судьи А. Кононова, это решение не только противоречит, а фактически отрицает уважение достоинства личности как базисный принцип в сфере личных прав и свобод, а оспариваемые нормы противоречат принципу справедливости. Стоит отметить, что данная ситуация неединична. С 1992 по 2016 гг. всего было выражено 345 особых мнений. Это говорит о том, что даже на уровне Конституционного Суда РФ, в какой-то степени образца единства и законности, присутствуют противоречия, порождаемые различным отношением к базовым ценностям.

В отличие от Конституционного Суда РФ для Верховного Суда РФ в меньшей степени свойственно выходить за рамки буквального понимания закона. Примером не просто буквального, а фактически ограничительного толкования может выступать п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в соответствии с которым «под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации, осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами». Это означает, что экспертные организации, созданные в иных организационно-правовых формах, не могут выступать в качестве таковых в уголовном судопроизводстве. Представляется, что законодатель, допуская возможность вовлечения в уголовное судопроизводство негосударственных организаций, не имел в виду необходимость их создания в определенной организационно-правовой форме. Если исходить из общего вектора деятельности Конституционного Суда РФ, направленного на развитие состязательности, в том числе на досудебных стадиях, обеспечение прав личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство, нестрогость использования терминологии в законе не должны влечь наложение ограничений на возможность проведения альтернативных исследований [5, с. 77].

Несмотря на то что Верховный Суд РФ в большей степени ориентирован на буквальное понимание закона, в его решениях также отражаются естественно-правовые ценности. Так, за 2015 г. среди постановлений Пленума Верховного Суда, отражающих интерпретационную деятельность, в 56,8% Верховный Суд РФ для обоснования своих решений обращается

² По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь : постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности статьи 141 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармовой : постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

к естественно-правовым ценностям. В связи с тем, что анализируемые нами ценности закреплены в решениях обоих судов, их доля существенно различается, что проявляется в том числе посредством различий в решениях Верховного и Конституционного Судов. Одним из таких примеров является различное отношение высших судебных инстанций к проблеме соблюдения прав участников уголовного судопроизводства. Так, ч. 3 ст. 195 УПК РФ предусматривает обязанность органов предварительного расследования ознакомить заинтересованных участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы, а ст. 198 УПК РФ закрепляет корреспондирующие права соответствующих участников при ознакомлении с данным постановлением.

Конституционный Суд РФ, анализируя данное положение, приходит к выводу об обязанности ознакомления с данным постановлением, в противном случае участники процесса лишаются возможности реализовать права, связанные с данной обязанностью и вытекающие из принципов состязательности и равноправия сторон. При этом суд отмечает, что такое требование обязательно для исполнения органами предварительного расследования во всех случаях⁴. Таким образом, неознакомление участников с соответствующим постановлением является существенным нарушением закона, так как нарушает принципы справедливости и равноправия. Верховный Суд РФ в ряде своих определений приходит к выводу о том, что в случае, если заинтересованные участники процесса не заявили о желании реализовать свои права после ознакомления с результатами экспертизы, то данную ситуацию нельзя признать существенным нарушением закона⁵.

Как видим, одно и то же нарушение прав Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ трактуют по-разному. Первый, действуя в рамках естественно-правовой парадигмы, при невыполнении органами предварительного расследования рассмотренной выше обязанности говорит не только о существенном нарушении норм уголовно-процессуального закона, но и о противоречии Конституции РФ. Верховный Суд РФ при наличии определенных обстоятельств считает данное положение дел несущественным.

В правоприменительной деятельности основой для принятия решения являются действующие нормы права, что демонстрирует воплощение нормативист-

ского подхода в жизнь. В то же время и здесь существует возможность воплощения естественно-правового подхода, прежде всего через аналогию права, когда в случае отсутствия норм права основой для принятия решений становятся принципы права, многие из которых и воплощают естественно-правовые ценности.

При аналогии права в основу решения могут быть положены как общеправовые принципы, в том числе и такие, как справедливость, гуманизм, равенство всех перед законом [6, с. 77], так и отраслевые. Общеправовые принципы определяют содержание всего процесса правового регулирования. Отраслевые принципы преломляют общеправовые через призму предмета и метода правового регулирования отдельной отрасли, что позволяет общеправовым принципам права входить в правоприменительную деятельность. При этом отмечается, что реальное применение аналогии права в судебной практике является крайне редким, исключительным случаем [7, с. 96]. Соглашаясь с тем, что аналогия права не имеет широкого распространения, отметим, что ее использование вряд ли можно назвать исключительным случаем. В частности, использование аналогии права нередко встречается в практике деятельности арбитражных судов⁶.

Также естественно-правовой подход находит свое отражение и в самих судебных решениях, которые не должны противоречить не только действующим нормам права, но и отвечать требованиям справедливости, равенства и гуманизма. Несмотря на это, фактически встречаются случаи несоответствия вынесенных решений указанным принципам. Примером может служить громкое дело «Оборонсервиса», по которому главного обвиняемого А. Сердюкова за кражу 4 млрд рублей так и не привлекли к уголовной ответственности, а Е. Васильева в связи с назначенной ей мерой пресечения в виде домашнего ареста отбыла половину назначенного судом наказания и была условно-досрочно освобождена. Безусловно, данное решение нарушает принципы равенства и справедливости.

На уровне иных субъектов правоприменения (следователей, дознавателей) использование аналогии права и реализация естественно-правового подхода минимальны. Правоприменитель склонен действовать исключительно в рамках писаного текста закона, толкуя его буквально [8, с. 138]. В качестве одной из существенных причин, способствующих этому, является «противопоставление государствен-

⁴ По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2012 г. № 67-О11-103. URL: <http://zakoniros.ru/> (дата обращения: 15.07.2017).

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 июля 2015 г. № Ф09-3207/15. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 15.07.2017) ; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 ноября 2015 г. № Ф03-4196/2015 // Там же (дата обращения: 15.07.2017) ; Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А41-19330/2015 от 14 марта 2016 г. // Там же (дата обращения: 15.07.2017).

ных («классических, больших») университетов и ведомственных вузов, для которых первоочередной задачей является подготовка практических сотрудников (полиции, прокуратуры, системы исполнения наказаний и др.) и лишь во вторую очередь — юристов, обладающих наукоемкими знаниями о праве» [3, с. 102]. Не менее значимую причину представляет отсутствие четких критериев при оценке принятого решения с использованием аналогии права, возможность оценки применения аналогии права как противоправного поведения в случае несовпадения оценки следователей, их непосредственных руководителей, прокурора и суда. Даже несовпадение в допустимых границах усмотрения (с учетом возможности различного понимания принципов права) может повлечь привлечение исполнителя к дисциплинарной ответственности.

Для проверки данной гипотезы в 2016 г. было проведено социологическое исследование, направленное на выявление фактов использования аналогии права в практических подразделениях органов внутренних дел. Исследование проводилось в ОРБ и ДОПС, ОРОПДСЭ СЧ по РОПД СУ УМВД России по Омской области. Вопросы в проведенном опросе условно делились на две группы: первые были направлены на определение частоты использования аналогии права в практической деятельности, вторые — на выявление уровня профессиональных знаний относительно понятия «аналогия права». Проведенное исследование показало, что использование аналогии права, а следовательно, возможность прямого воплощения естественно-правовых ценностей, в подразделениях органов внутренних дел сведены к минимуму.

Таким образом, в различных видах правовой деятельности (правотворческой, интерпретационной и правоприменительной) находят воплощение как нормативистский, так и естественно-правовой подход. В каждом из указанных видов правовой деятельности их соотношение и сочетание будет иметь свою специфику. Так, на уровне правотворчества это нахо-

дит выражение в позитивации естественно-правовых ценностей, выраженных в общих принципах права. В целом как Конституция РФ, так и отраслевое законодательство отражают и закрепляют основные естественно-правовые ценности, обеспечивая их воплощение возможностью государственного принуждения. Но возможны и исключения, обусловленные различным пониманием указанных ценностей субъектами. В интерпретационной деятельности высших судебных инстанций основой для осуществления их деятельности являются нормы позитивного права. В то же время Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ учитывают и естественно-правовые ценности, воплощенные в общеправовых принципах права. При этом Конституционный Суд РФ в своей деятельности при обосновании решений гораздо чаще обращается к естественно-правовым ценностям, а Верховный Суд РФ в большей степени ориентирован на буквальное понимание нормы закона, что в определенных ситуациях приводит к двойственности и несовпадению вектора развития двух судебных инстанций. Противоречивость, возникающая на основе различного понимания естественно-правовых ценностей, наблюдается в деятельности Конституционного Суда РФ, что подтверждается наличием института особого мнения. Для правоприменителя определяющим будет выступать нормативистский подход. Реализация естественно-правовых ценностей, отраженных в принципах права, возможна посредством использования аналогии права, но не имеет широкого распространения в силу сложности применения указанной процедуры и боязни ответственности правоприменителя за неверно принятое решение. Следует отметить, что на каждом уровне возможно возникновение противоречий между указанными подходами, обусловленных как реальным несоответствием принятых норм права, решений высших судебных инстанций, правоприменительных решений принципам права, отражающим естественно-правовые ценности, так и различным пониманием указанных ценностей.

Список литературы

1. *Нерсесянц В. С.* Проблемы общей теории права и государства. М., 2006.
2. *Зорькин В. Д.* Конституционный Суд и развитие гражданского права // Российский судья. 2012. № 3.
3. *Ромашов Р. А., Пеньковский Е. В.* Философия права и преступления. СПб., 2015.
4. *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012.
5. *Зайцева Е. С., Козловский П. В.* Реализация подходов к пониманию права в деятельности высших судебных инстанций в рамках уголовного судопроизводства // Современное право. 2014. № 8.
6. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права. М., 2007.
7. *Гражданское право : учебник : в 4 т. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Е. А. Суханова.* М., 2007. Т. 1: Общая часть.
8. *Победкин А. В.* Уголовный процесс: состояние вне права : монография. М., 2013.

УДК 111-141.2-130.2

© К. М. Товбин, Р. Ю. Аторин, К. Я. Кожурин, 2017

Старообрядоведение в русле патриотической парадигмы¹

К. М. Товбин, Сахалинский государственный университет. E-mail: kimito@yandex.ru

Р. Ю. Аторин, Российский государственный аграрный университет им. К. А. Тимирязева. E-mail: atorin85@yandex.ru

К. Я. Кожурин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. E-mail: kozhurin@list.ru

В статье описывается актуальность создания научной антологии, посвященной русскому старообрядчеству в его истории и современности, культуре и ментальности. Русское старообрядчество является одним из важнейших духовных, социальных, экономических и культурных феноменов в истории России, и обращение к его интеллектуальному наследию востребовано для современного научного сообщества для прояснения уникального курса развития России в мировом сообществе цивилизаций. Старообрядчество, выработав за столетия своего параллельного сосуществования с Российской империей собственные противодействия западническому курсу, в наши дни представляет арсенал духовных, интеллектуальных и культурных методов сопротивления вестернизации, информационному капитализму и одномерной глобализации. В старообрядчестве выработаны ментальные механизмы, актуальные в наши дни для разработки стратегий устойчивого развития в условиях многополярной глобализации, построения социального государства на основе суверенной демократии и прочих современных социально-политических реалий. Для полноты изучения старообрядческого феномена в антологию должны быть включены как основные старообрядческие тексты, так и знаковые исследовательские и философские работы, посвященные староверию. Подбор старообрядческих текстов должен иллюстрировать различные течения старообрядческой мысли в разные эпохи, представляющие древлеправославие как идеологию, как мировоззрение, как ментальность, как образ жизни. Подбор текстов о старообрядчестве может дать объективную картину места древлеправославия в истории и современности России. Редакторская работа должна строиться на предварительно выработанной методологии, препятствующей восприятию староверия в этнографическом или историко-музейном формате. Староверие должно быть представлено читателю в свете своих нынешних культуротворческих возможностей.

Ключевые слова: старообрядчество; староверие; древлеправославие; антология; старообрядоведение; «параллельная Россия»; российская цивилизация; русская культура.

Old Believer Studies in Patriotic Paradigm²

K. M. Tovbin, Sakhalin State University. E-mail: kimito@yandex.ru

R. Yu. Atorin, Russian Timiryazev Agricultural Academy. E-mail: atorin85@yandex.ru

K. Ya. Kozhurin, Herzen State Pedagogical University of Russia. E-mail: kozhurin@list.ru

The article reveals the necessity of creating a scientific anthology devoted to the Russian Old Believer faith in its past and presence, culture and mindset. Russian Old Believer faith is one of the most important spiritual, social, economic and cultural phenomena in the Russian history. Addressing to its intellectual heritage is necessary for a modern scientific community to clarify a Russian unique development in the world civilizations community. For centuries the Old Belief has coexisted with the Russian empire and developed its own means of counteraction against pro-western course, and is a storage of spiritual, intellectual and cultural methods of counteracting westernization, informational capitalism and one-dimensional globalization. The Old Belief has elaborated mental mechanisms relevant for today's generating of sustainable development strategies in the context of multi-polar globalization, creation of a social state on the basis of sovereign democracy and other modern socio-political realities. For more comprehensive study of the Old Belief as a phenomenon the anthology should include both main Old Believer texts and key research and philosophical works devoted to it. Selection of Old Believer texts must illustrate diverse versions of the Old Believer idea in different times representing it as ideology, worldview, mentality and life style. Selection of the Old Believer texts can show an objective position of the Old Belief in the Russian past and present. The editor's work must be based on the previously developed methodology hindering perception of the Old Belief in ethnography or historical and museum format. The Old Belief must be presented to the reader with regard to its modern cultural potential.

Keywords: the Old Belief; anthology; Old Believer studies; «parallel Russia»; Russian civilization; Russian culture.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00010-а «Православное старообрядчество как один из ликов российской цивилизации».

² The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No 17-03-00010-a «Orthodox Old Believers as one of the faces of the Russian civilization».

По всей видимости, поиск идеологических оснований для новой России, бывший в 1990-е годы большим местом любой дискуссии, а в 2000-е — основной темой гуманитарных исследований, сегодня подошел к завершению. И российское общество, и властные круги остановили свой ментальный и интеллектуальный поиск на идеологиях динамического консерватизма, социальной солидарности и субсидиарности, традиционных ценностях и демократическом патернализме. Поиск современного исследователя теперь направлен к интеллектуальным, социальным и духовным примерам в истории России, способным вдохновить сочленение курсов на эффективное управление, суверенную демократию, социальное благополучие, этноконфессиональную стабильность, экономическую самостоятельность и духовную независимость. Учитывая специфику всей политической истории России, таковых прецедентов весьма немного, но одним из ярких примеров соединения всех упомянутых курсов, несомненно, является русское старообрядчество.

За последние годы число российских исследований староверия неуклонно возросло. Ученые-старообрядоведы все чаще стали выходить за пределы историко-описательного, археографического, этнографического форматов в области семиотики [1; 2] и аналитической культурологии [3–6], исследований старообрядческой ментальности [7–10] и повседневности [11], смелых биографических [12–14], историософских [15–23], кросс-культурных [24; 25], социально-философских [26–28] и геополитических [29; 30; 31, с. 263–270; 32–34] обобщений.

Не только политикам и исследователям интересно старообрядчество — его вес в российском обществе неуклонно возрастал в 1990–2000-е годы, свидетельством чему является и рост числа приходов старообрядческих согласий, и учащение участия старообрядческих деятелей в общественно-политической деятельности [35, с. 192–208], и популярность самих тем древлеправославия и Раскола в современном медийном дискурсе [36, с. 135].

Русское православное старообрядчество являлось и является одним из наиболее ярких образов «параллельной России». Посредством ненасильственного сопротивления западническому и во многом ненародному курсу властей и аристократической верхушки, старообрядцы планомерно создавали свое социально-экономическое чудо [37, с. 82–85], всячески содействуя внутренней колонизации отечественных просторов [38–41], российской научно-технической и экономической модернизации [42, с. 61; 43, с. 112], просвещению и демократизации общества [44, с. 45], вдохновляли русскую творческую интеллигенцию [45, с. 45; 46, с. 89–90].

Старообрядцы преуспели в созидании и балансировке социума, всецело завязанного на традиционных ценностях [47, с. 196], но в то же время необычайно гибко реагирующего на изменения внешней среды — вплоть до создания своих «островков Святой Руси» на инокультурной чужбине [48–51; 52, с. 40–41; 53]. В отличие от иных примеров «параллельной России» — хлыстов, скопцов или субботников — староверы были чужды сковывающего интеллектуального догматизма и сектантского отношения к окружающему миру [54, с. 16–17]. Несомненно, отгородительная тенденция была спутницей древлеправославия все время его существования [55, с. 115], но она всегда с лихвой перекрывалась тенденциями конструктивности, толерантности, диалога и сотрудничества [56, с. 70, 72].

Древлеправославие — духовный, ментальный и культурный феномен русской истории. Оно включает в себя все роды консервативного мышления в их противостоянии и взаимодействии, неизменную рефлексию над историческим опытом и условиями своего бытия и саморефлексию как правило жизни [57, с. 21–26]. Старообрядчество во всем цвете своих согласий и толков всегда было внимательно к самим цивилизационным основаниям России, во многом сохранение этих оснований является заслугой староверов, берегших древние книги и летописи, продолжавших основные традиции древнего народного творчества, материального и духовного [58, с. 30–31]. С XIX в. старообрядческие династии были основными покровителями большого числа деятелей «Русского модерна» во всех его направлениях, от традиционалистского до авангардистского [59, с. 44].

Интеллектуальный авангард старообрядческих сословий — богословы и проповедники, философы и писатели, сказители и певцы, иконописцы и книгопечатники, коллекционеры и меценаты — всегда вдумчиво изучали западнический дискурс, сторонясь его, но в то же время признавая мощь его позиций в российской цивилизации. Они выпестовывали оригинальные мировоззренческие программы «ненасильственного сопротивления» неприемлемому для православных традиционалистов миропорядку [60, с. 239; 61, с. 81], основной упор делая на социальное строительство и хозяйственную деятельность, меценатство и благотворительность [62, с. 88–89]. Материализация старообрядческой идеи в виде самодостаточных общин — условие, воспрепятствовавшее переходу староверия в область фантастического дискурса или архетипа [63, с. 55–56].

Безусловно, носители эскапистского и сектантского сознания также имели место в старообрядчестве за его трехсотлетнюю историю [64, с. 71], но, во-первых, со стороны основной части староверов различные сопротивления и самосожженцы встре-

чали не меньшую отповедь, чем со стороны силовых структур Российского государства и миссионеров официальной церкви. Во-вторых, носители соответствующего типа сознания всегда консолидировались в обособленные группы, сторонясь либерализма своих вчерашних собратьев по вере, поэтому сектантское сознание не рассеивалось по основной массе староверов, становясь уделом осуждаемых маргиналов [65, с. 79–80]. Вместе с тем староверы-эскаписты оставили ряд высокохудожественных памятников письменности, интересных и для читателя, и для исследователей-психологов и культурологов. Эти тексты замечательно иллюстрируют парадигматические и ментальные сдвиги сознания, застрявшего между традиционным и современным форматами. Старообрядчество в целом является примером такого сознания, почему и интересно для современных исследователей модернизации и секуляризации. Но проповедники самосожжений и тому подобных способов «ухода» являют нам ментальную травматичность в наибольшей ясности. Поэтому, несомненно, эти тексты будут представлены в антологии, равно как и их «обличения», порожденные средой умеренного старообрядческого большинства.

Русское старообрядчество является замечательным примером суверенной национальной демократии. Начала соборности (как автохтонной русской формы демократического сознания) в староверии не только сохранились, но и повлияли на управление самодостаточным хозяйственными общинами: Выговским общежитием, Керженскими монастырями, Покровской и Рогожской слободами и пр. Не приемля волюнтаризма и диктатуры, староверы в то же время не рассматривали собственную самобытную демократию как этос вседозволенности и нигилизма [10, с. 74–75]. Различение соборности и демократии в старообрядчестве также проводилось, и это особо интересно для современного политолога и культуролога: соборностью здесь мы имеем традиционную русско-православную форму общественного сознания, а демократией называем условия социального бытия, порожденные в старообрядческой среде экономическими и техническими реалиями модерна (например, капитализм, урбанизация, фабричное производство и его механизация, средства связи, книгопечатание и т. д.). Старообрядцы осознавали различие и связанность этих «двух демократий» и старались проговорить и выработать собственные уникальные социально-экономические механизмы, чрезвычайно интересные для исследователя современных процессов в развивающихся странах.

Старообрядческая деятельность была деятельностью свободных и активных людей, легко созда-

вавших коммуникации и сообщества, но на основе традиционных православных ценностей. Вопросы мультикультурализма и аккультурации, толерантности и терпимости, сексизма и ювенальной юстиции, будоражащие сегодняшних гуманитариев, видящих для себя необходимость сопротивляться западному культурному коду, давно были проговорены и разнообразно разрешены в старообрядческих соглашениях [66, с. 112–113].

История старообрядческой мысли и письменности — кладезь знаний для выработки стратегий устойчивого развития и неконфликтного, самодостаточного существования России в условиях многополярной глобализации. К такой максиме, начиная с Д. С. Лихачева [67, с. 288] и А. И. Солженицына [68, с. 295], в 2000-е годы пришли многие деятели русской культуры, писатели, мыслители [69]. Однако имеются весьма серьезные методологические проблемы изучения древлеправославия, на одном полюсе которых — музейное представление о староверии, на другом — фантастическое, не подтвержденное жизнью и историей. Поэтому создание антологии старообрядческой письменности — ответственное и беспрецедентно сложное дело.

Антология должна содержать как собственно старообрядческие тексты, так и тексты о старообрядчестве. Но прежде этого читатель должен увидеть ситуацию Раскола XVII в.: его причины, ход, последствия — все эти нюансы должны быть «перекинуты» через тьму веков в наше время, для осознания актуальности и вневременности многих ментальных процессов, создавших и выпестовавших старообрядчество как культурный и духовный феномен [70]. Для этого состав антологии должен быть лишен ставшего обычным историко-описательного, археографического подхода (с одной стороны) и его этнографическо-описательной альтернативы (как мнимо актуальной противоположности). Старообрядчество должно быть представлено современному читателю в его зарождении, развитии, саморефлексии, взаимоотношении с окружающими духовными, интеллектуальными, ментальными, культурными, политическими и социальными реалиями. Староверие должно предстать на страницах антологии не как музейный экспонат или сомнительный в своей востребованности артефакт, не как почва для микроскопических этнографических изысканий, но как мощный культуротворческий арсенал: многообразный и противоречивый, сложный и цельный, изменчивый и консервативный, традиционалистический и традиционный.

Наиболее привлекательные для нас детали древлеправославия — культ образованности и книжности [71, с. 52–54], логоцентризм и сохранность языка [72, с. 100], соборность и здравый национализм

[73, с. 11], самоорганизация и сетевые коммуникации [74, с. 245], патриархальность уклада и традиционность ценностных оснований [75, с. 23] — не являлись изначально продуктами некоей старообрядческой идеологии [76, с. 237]. Эти ментальные и мировоззренческие особенности формировались в старообрядчестве на протяжении столетий, проходя конкурентную борьбу своих версий, обкатываясь в специфичном быте, самозамкнутой культуре и общинном хозяйствовании, расцветая в географической изоляции и борьбе с инокультурными влияниями. Посему эти детали старообрядческого менталитета актуальны в современной России, смело обозначающей свое присутствие в пространстве и времени в эру грандиозных геополитических перемен [77, с. 17; 78, с. 120].

Сегодняшняя Россия (равно как и соседние дружественные государства) проходит те пути, которые старообрядчество одолело, став миниатюрной моделью вполне современных социально-экономических, социально-политических, культурных и ментальных процессов. Поэтому история и интеллектуальное наследие староверов необходимо для современного изучения и рефлексии — чтобы быть готовыми к тем проблемам, с которыми столкнулись старообрядцы (и здесь опыт их ошибок и заблуждений более важен, нежели субъективные «достижения»). Современные культурологи, социологи, политологи, психологи все чаще обращаются к старообрядчеству именно как к опередившей время модели развития России, актуальной своими примерами и ошибками. Наша задача — разработать и предложить современным ученым комплекс материалов для изучения и осмысления.

Антология должна показать зарождение, развитие, диалог различных старообрядческих интеллектуальных и духовных течений, по-своему осмысливающих изменение политического курса официальной России и новейшие экономические и социальные реалии. Первая часть сборника должна содержать:

- работы основоположников старообрядчества как типа мировоззрения;
- письменные примеры поляризации основных старообрядческих ментальных установок, приведших к образованию различных согласий во всем их цвете;
- труды деятелей старообрядческой идеологии, формировавшейся в результате диспутов и диалогов, ментальных сближений и разделений;
- наиболее яркие примеры старообрядчества позднего, зрелого, «светского».

Во вторую часть антологии следует включать все виды внешней реакции на феномен старообрядчества:

- работы официальных клерикальных миссионеров, «обличающих» и «разоблачающих» «раскольников»;
- труды консервативных историков, рассматривавших староверие в антигосударственном формате;
- исследования либеральных историков, перекрывших староверие и пласт древнерусской культуры, на котором староверие выросло;
- светские «отзывы» на старообрядческую духовность, культуру, письменность со стороны светских мыслителей и писателей конца XIX — начала XX вв. — времени слома прежней цивилизационной парадигмы в России [79, с. 277–278; 80, с. 74; 81, с. 28–29; 82, с. 82].

Третья часть должна содержать советские и современные исторические, культурологические, семиотические, социологические, этнографические, экономические исследования старообрядчества.

Приведенный перечень не является планом антологии; конкретная структура и список включенных текстов и отрывков требуют предварительной разработки специальной методологии, которой будет посвящен отдельный очерк.

Отличительной чертой нашего сборника должна стать особенная редакторская работа, препятствующая историко-этнографической дискурсивности: обширные биографические, историографические, культурологические и религиоведческие справки должны перенести древлеправославие из музейного в культуротворческий формат в глазах читателя.

Особо важна антиидеологическая редакторская работа: указание всех мест расхождения оценок и плюрализма интерпретаций составителей и редакторов антологии. Составители — известные исследователи разных сторон старообрядчества — в ряде вопросов находятся на разных позициях; этот факт должен быть явлен читателю — в этом состоит уникальная диалогическая направленность нашей работы, вовлекающей читателя в осмысление актуальных данностей староверия.

Таким образом, антология актуальна не для ознакомления со старообрядчеством, а для изучения возможностей цивилизационной стойкости и культурного цветения в неравновесной геополитической ситуации, поэтому методология составления и редакторской обработки особо важна для такого сборника, но это, как было отмечено ранее, тема иной статьи.

Список литературы

1. Кожурин К. Я. Богослужение как основа миросозерцания и культурной деятельности старообрядцев // Вестник ЛенГУ им А. С. Пушкина. 2012. № 4.
2. Расков Д. Е. Эсхатология и активность в миру староверов // Христианское чтение. 2012. № 6.
3. Баев В. Г., Давыденкова А. Г. Категория «духовность» в контексте старообрядческой культуры // Вестник ЛенГУ им А. С. Пушкина. 2012. № 1.
4. Мурашова Н. С. Персонасфера старообрядческого духовного стиха // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45.
5. Потехина Е. А. Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца // Russian Peasant Studies. 2017. Vol. 2. № 1.
6. Пулькин М. В. Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений // Культурно-историческая психология. 2012. № 2.
7. Урушев Д. А. Художественное воплощение образа в ранней старообрядческой литературе // Ценности и смыслы. 2010. № 4.
8. Аторин Р. Ю. Религиозное мировоззрение протопопа Аввакума и влияние его деятельности на развитие эkkлесиологии старообрядчества : дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2009.
9. Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2001.
10. Чистяков Г. С. Старообрядческая соборность как форма консервативной демократии // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья: Труды ВНК к 40-летию полевых археографических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова. Ч. 2. История, книжность и культура русского старообрядчества. Ярославль, 2008.
11. Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М., 2014.
12. Кожурин К. Я. Духовные учителя сокровенной Руси. СПб., 2007.
13. Кожурин К. Я. Боярыня Морозова. М., 2012.
14. Кожурин К. Я. Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. М., 2013.
15. Бобков А. И. Русский Раскол как философское противостояние соборности и квазирелигиозности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 19.
16. Глинчикова А. Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? М., 2008.
17. Керов В. В. Между традиционализмом и модернизацией. Статья 1. Кризис русской духовной культуры XVII века и идея оцерковления жизни // Общественные науки и современность. 2010. № 5.
18. Кожурин К. Я. Теории южно-западнорусских богословов как источник старообрядческой историософии // Известия СПбГАУ. 2015. Спецвыпуск к 111-летию СПбГАУ.
19. Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М., 2016.
20. Расков Д. Е. Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012.
21. Товбин К. М. Церковный раскол XVII века как столкновение ментальных проектов // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 1.
22. Урушев Д. А. Тайна Святой Руси: История старообрядчества в событиях и лицах. М., 2013.
23. Хирьянова Л. В. Мировоззренческие предпосылки церковного раскола XVII века как отражение тенденций современной старообрядческой культуры // Общество и этнополитика : мат-лы III науч.-практ. конф. СибАГС / ред. Л. В. Савинов. Новосибирск, 2010.
24. Агеева Е. А. Старообрядцы в мусульманском окружении: опыт взаимодействия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2015.
25. Бубнов Н. Ю. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство: погоня за призраком // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 4(56).
26. Баев В. Г., Воронова-Оренбургская С. О. Социальная философия старообрядчества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2011. Вып. 22. № 30.
27. Муравьев А. В. Социальная альтернатива русского старообрядчества. Ч. 2 // Социальная реальность. 2010. № 10.
28. Романова Е. В. Массовые сожжения в старообрядчестве в России в XVII–XIX веках. СПб., 2012.
29. Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку. Владивосток, 2013.
30. Дутчак Е. Е. Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии // Общественные науки и современность. 2010. № 3.

31. *Коровин В. М.* Главная военная тайна США. Сетевые войны. М., 2009.
32. *Урушев Д. А.* Начало русской драмы // История в подробностях. 2013. № 7(37).
33. *Хисамутдинов А. А.* Русская Аляска и православие. Владивосток, 2015.
34. *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь : в 2 т. М., 2002.
35. *Верняев И. И.* Старообрядчество и власть в постсоветской России // Новейшая история России. 2017. № 2(19).
36. *Глинчикова А. Г., Синеокая Ю. В., Степаняц М. Т.* Архаизация: поворот вспять или мобилизация к будущему? // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3.
37. *Носырев И.* Стяжательство или неизбежность? // Родина. 2013. № 7.
38. *Нимаев Д. Д., Имixelов А. В.* Этнокультурные и этнодемографические процессы в Сибири (XVII — начало XX в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2.
39. *Пермиловская А. Б.* Русский Север — специфический код культурной памяти // Культура и искусство. 2016. № 2(32).
40. *Фаткуллина Р. Р., Попова О. В.* Географический аспект трансформации природопользования старообрядцев в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 6(181).
41. *Чуркин М. К.* Сценарии и опыт модернизации Империи в условиях освоения окраин // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 1.
42. *Карнышев А. Д.* Взаимодействие религиозных и психолого-экономических установок в традициях и инновациях старообрядчества // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 4.
43. *Расков Д. Е.* Старообрядческая традиция и постмодерн // Философия хозяйства. 2004. № 2.
44. *Маджаров А. С.* Развитие концепции религиозного раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С. М. Соловьев, А. П. Щапов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 19.
45. *Бытко С. С.* Новые сведения о восприятии старообрядцев творческой общественностью во второй половине XIX века // Никоновские чтения : в 2-х т. Т. 1. Актуальные вопросы культурологии и искусствоведения / ред. М. С. Уколова, А. С. Никитина. Чебоксары, 2016.
46. *Жукоцкий В. Д.* Русская интеллигенция и религия: опыт историософской реконструкции смысла // Философия и общество. 2001. № 1(22).
47. *Матющенко В. С.* Проблема религиозной идентичности в контексте понимания особенностей старообрядчества // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 14.
48. *Аргудяева Ю. В.* Эмиграция русских старообрядцев-дальневосточников в Китай и Северную Америку // Религиоведение. 2012. № 2.
49. *Аргудяева Ю. В.* Русские старообрядцы в Южной Америке // Религиоведение. 2014. № 1. С. 76–93.
50. *Моррис Р. А., Моррис (Юмсунова) Т. Б.* Русские староверы на Аляске // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10.
51. *Попова О. В.* Трансформация этнокультурных систем старообрядческих общин в зарубежных странах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 7(182).
52. *Расков Д. Е.* Бегство от мира и земной успех: экономическая культура зарубежных староверов // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 4(30).
53. *Товбин К. М., Семичаевский А. В., Соколов В. В.* Старообрядцы Русской Америки как пример современного традиционализма // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 156. № 22(4).
54. *Мудрик А. В.* Социализация у старообрядцев: подход к проблеме // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 2.
55. *Романова А. П., Канатъева Н. С., Топчиев М. С.* Конфессиональный Чужой: вестиментарные маркеры старообрядчества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 3(48).
56. *Знатнов А. В.* Противление злу ненасилием, или Культура мира в старообрядческой книжности // Румянцевские чтения : мат-лы науч.-практ. конф. «Книга и культура мира в России» (20–21 апреля 2000 г.). М., 2000.
57. *Товбин К. М.* Концепция «Москва — третий Рим» в русском православном старообрядчестве / изд. 2-е, испр. СПб., 2014.
58. *Куропаткина О. В.* Роль религии в нациестроительстве современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 1(33).

59. *Лазаревич М. А.* Традиции меценатства в древлеправославии // Актуальные вопросы интеллектуальной истории и гуманитарного знания в XXI веке : мат-лы междунар. науч.-практ. конф / ред. С. В. Демидов. Рязань, 2016.
60. *Арефьев М. А., Давыденкова А. Г.* Религия и религиозные организации в правовом поле Российского государства // *Lex Russica*. 2016. № 12(121).
61. *Столбов В. П.* К вопросу о симфонии государства и религии (историософский аспект) // Известия вузов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2017. № 3(33).
62. *Заплетина С. Н.* Социально-психологические аспекты благотворительности в России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 1.
63. *Товбин К. М.* «Параллельная Россия»: старообрядческие локусы как возрождение Святой Руси в эпоху Модерна // Вестник российской нации. 2013. № 3–4.
64. *Ассонов Н. В.* Формирование представлений о власти в политических доктринах старообрядчества // Власть. 2008. № 7.
65. *Пругавин А. С.* Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в Расколе // Русская мысль. 1885. № 1.
66. *Товбин К. М.* Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве. М., 2014.
67. *Лихачёв Д. С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси // Лихачёв Д. С. Избранные работы : в 3 т. Л., 1987. Т. 2.
68. *Солженицын А. И.* Письмо из Америки // Солженицын А. И. Публицистика : в 3-х т. Т. 2.: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, 1996.
69. *Антонов А. В.* Царский путь // Родина. 1998. № 1. С. 18.
70. *Новиков А. Г.* Роль церковного Раскола XVII века в формировании российской цивилизации // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2. № 1.
71. *Кузнецова Н. Ю., Ружинская И. Н.* Старообрядческая традиция наставничества как пример непрерывной образовательной традиции // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 4(16).
72. *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы в этнолингвистическом аспекте // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42.
73. *Быконя Г. Ф.* О влиянии политической воли на развитие этнонациональной русской идентичности в XV–XVII вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21.
74. *Миняева С. Б.* Старообрядцы-странники как первая организация сетевого типа в России // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : мат-лы VI всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. / ред. В. Я. Баркалов, А. В. Иванов. Барнаул, 2012. Т. 1.
75. *Ковригина И. А.* Старообрядческая педагогика как пример межпоколенной трансмиссии традиционных ценностей // Образование и культурный капитал : сб. науч. статей II всерос. науч.-практ. конф. / ред. С. В. Пишун. Владивосток, 2016.
76. *Бакулов В. Д.* Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов н/Д, 2003.
77. *Иоаниди А. Ф., Шелпаков Ю. Ф.* Религиозный фактор и военная безопасность Российской Федерации // Наука и военная безопасность. 2016. № 2(5).
78. *Осипов И. В., Падалкина В. В., Сажина В. А.* Российское старообрядчество в системе государственно-конфессиональных отношений // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63.
79. *Кожурин А. Я., Кожурин К. Я.* Старообрядчество в работах русских консерваторов второй половины XIX — начала XX веков // Известия СПбГАУ. 2014. № 36.
80. *Маслова Ю. В.* Типология взглядов русских мыслителей на старообрядчество // Культура и цивилизация. 2016. № 3.
81. *Перекрестов Р. И.* Из истории взаимоотношений старообрядцев с кружком А. И. Герцена // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 14 / ред. В. И. Осипов. М., 2012.
82. *Урушев Д. А.* Иван Сергеевич Тургенев и русское старообрядчество // Спасский вестник. 2012. № 20.

Труды по современной криминалистике (2012–2016): тематический анализ

К. В. Бугаев, Омский государственный университет путей сообщения. E-mail: kbugaev@yandex.ru

Продемонстрирована тематическая картина современной криминалистики за период 2012–2016 гг. посредством изучения публикационного массива работ из базы данных eLIBRARY. В частности, выявлены корреляции названий работ, что интересно с точки зрения взаимосвязи тем исследований. Показан научный интерес к вопросам судебной экспертизы. Определены некоторые индикаторы широты предметной области; темы, обладающие наибольшей новизной и наибольшей степенью актуальности; темы, вызывающие стабильный интерес научной популяции. Результаты исследования могут использоваться специалистами в области криминалистики, науковедения и студентами юридических вузов.

Ключевые слова: криминалистика; наукометрия; библиометрия; науковедение; дескрипторы; научные темы; научная информация.

Works on Modern Criminalistics (2012–2016): Subject Analysis

K. V. Bugaev, Omsk State Transport University. E-mail: kbugaev@yandex.ru

The article estimates the situation with the subjects in the modern criminalistics from 2012 to 2016 by studying great volumes of publications from eLIBRARY database. The author reveals correlations between the works' titles, which is of interest in regard with interrelation of research subjects. The scientific interest in forensic examination is demonstrated. The paper identifies some indicators of the scope of applying the subject field, the most relevant and modern subjects, subjects of constant interest to the scientific community. The results of the research can be employed by forensic scientists, specialists in sociology of science and law students.

Keywords: criminalistics; scientometrics; bibliography; sociology of science; descriptors; subjects of scientific research; scientific information.

Исследования предметной области науки нередко направлены на познание ее собственной специфики, особенностей, характеристик. Данные процессы в последние десятилетия приобретают все более распространенный характер. «Важным параметром развития современной науки является заметный рост ее саморефлексивности», — отмечает В. А. Бажанов [1, с. 73]. Одним из наиболее применяемых средств изучения научной деятельности выступают наукометрические методы. Результаты наукометрического анализа открывают новые возможности для исследований и помогают ученым на основе тематического анализа массива научных статей обнаружить актуальные направления научных исследований; определить, в каких журналах публикуются наиболее интересные и ценные результаты; выявить потенциальных соавторов и организовать совместную научную работу [2, с. 56].

В юридической науке также имеются попытки применить данные методы [3–5]. Конечно, «любые наукометрические показатели — это лишь показатели, сигнализирующие об определенных результатах» [6, с. 36], но как справедливо отмечает К. Н. Семисорова: «Несмотря на то, что методология юридической наукометрии только начала зарождаться и пока не столь широко используется для оценки развития юридической науки в России, по сравнению с другими областями знаний... следует признать ее важное значение для развития юридической науки в целом и необходимости дальнейшего ее развития» [7, с. 2645].

Мы продолжаем изучение публикаций по криминалистике наукометрическими методами [8; 9] и выбрали для этой цели массив публикаций из базы eLIBRARY за период 2012–2016 гг. (для некоторых исследований включены также данные с января по июнь 2017 г.). Был определен такой критерий поис-

Таблица 1. Общие параметры массива публикаций по криминалистике

Виды произведений	ВСЕГО, ед.	2012, ед.	2013, ед.	2014, ед.	2015, ед.	2016, ед.	2017, ед.
Всего работ	3003	671	462	474	639	626	131
Из них:							
учебное пособие	98	29	4	6	22	33	4
учебник	197	22	21	31	72	49	2
практическое пособие	25	9	4	2	7	2	1
монография	68	37	11	3	7	7	3
в сборнике	441	30	44	62	135	136	34
курс лекций	12	5	1	3	1	2	0
диссертация	168	114	47	6	1	0	0
автореферат	222	143	60	19	0	0	0
учебно-методическое пособие	15	4	1	6	2	1	1
прочих работ (в том числе статей в журналах)	1757	278	269	336	392	396	86

ка, чтобы в названии публикации, в аннотации либо в ключевых словах встречался термин «криминалистика». Важно подчеркнуть данное ограничение, поскольку работы, не соответствующие этому параметру поиска, пусть даже и освещающие вопросы криминалистики, в выборку не попали. При этом в выборке находятся авторы, сферой научных интересов которых выступает не только криминалистика, но и уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, криминология и т. п. Кроме того, учтена специфика компьютерной обработки информации, например, термины «курс лекций» и «лекция» не являются в данном случае синонимами. Нами получены следующие данные (табл. 1).

Проанализируем массив названий указанных работ методом анализа дескрипторов — лексических единиц (слов, словосочетаний), служащих для выражения основного смыслового содержания текста и характеризующихся смысловым весом (смысловый вес дескриптора принимает значение от 1 до 100 и показывает, насколько важную роль играет понятие для смысла всего текста — как много информации в тексте касается данного понятия. Максимальное значение, равное 100, говорит о том, что понятие является ключевым и представляет важнейшую тему текста. Близкое к единице значение показывает, что соответствующая тема лишь вскользь упомянута в тексте и в нем мало информации, относящейся к данному понятию). Напомним, что дескриптор — это единица языка, соответствующая определенному ключевому или базовому понятию, включенному в тезаурус. Это термин со строго фиксированным значением, без синонимов. Можно сказать, что дескриптор — это базовый элемент смысла, одна из основ тематического анализа науки.

Нами произведено следующее:

1. Выделены дескрипторы — их общее количество составило 820 (использовалась компьютерная программа TextAnalyst v. 2.01).

2. Осуществлена лемматизация (процесс приведения словоформы к лемме — ее нормальной (словарной) форме) полученных дескрипторов (указанное выполнено для дальнейшего единообразного представления полученных слов-дескрипторов).

3. С полученными данными осуществлялись дальнейшие исследования.

В частности, проведен соответствующий корреляционный анализ связей между дескрипторами (получена матрица из более чем 335 тыс. значений). В качестве примера приведем часть этих данных (табл. 2).

Таблица 2. Корреляции названий работ по применяемым в них дескрипторам (первые 5 из 820 терминов по алфавиту)

Дескриптор	Актуальный	Анализ	Аналогия	Арбитражный	Аспект
Актуальный	1	0,72	-0,16	1	0,53
Анализ		1	-0,18	0,73	0,23
Аналогия			1	-0,25	0,72
Арбитражный				1	0,45
Аспект					1

Полученные данные интересны с точки зрения взаимосвязи дескрипторов и выяснения их смысловых сегментов, отражающих тематику в науке. Например, нас интересует исследование освещенности в изучаемых трудах вопросов судебной экспертизы. Из списка дескрипторов выбираем соответствующий: «Экспертиза» (заметим, что всего выявлено еще 11 дескрипторов, описывающих данную тематику: «Эксперт», «Экспертиза/криминалистический», «Экспертиза/метод/криминалистический», «Экспертиза/судебный», «Экспертиза/судебный/криминалистика», «Экспертиза/судебный/проблема/диссертация», «Экспертиза/судебный/психоло-

Таблица 3. Корреляции терминов, связанных с темой «Экспертиза»

Термин	Корреляция	Термин	Корреляция	Термин	Корреляция
Перспектива (4)	1	Значение (7)	0,91	Процесс (4)	0,75
Криминалистика (15)	0,99	Изучение (6)	0,89	Исследование (12)	0,74
Противодействие (5)	0,99	Характеристика преступление криминалистический (9)	0,89	Развитие криминалистика (4)	0,74
Судебный медицина (3)	0,99	След (4)	0,86	Тенденция (3)	0,74
Метод (13)	0,97	Моделирование (4)	0,85	Теория (8)	0,74
Развитие (10)	0,97	Методика криминалистический (6)	0,83	Анализ (5)	0,72
Часть (3)	0,96	Техник криминалистический (4)	0,81	По криминалистика (3)	0,71
Научный (13)	0,93	Влияние (3)	0,79	Знание (6)	0,7
Экспертиза судебный (9)	0,93	Методика (8)	0,78	Инновационный (2)	0,7
Экспертиза судебный проблема по диссертация (5)	0,93	Формирование (7)	0,77	Расследование противодействие (2)	0,69
Криминалистический (33)	0,92	Личность (6)	0,76	Технология информационный (3)	0,69
Характеристика криминалистический (9)	0,92	Криминалистика как (6)	0,74		

Примечание. После термина в скобках указано количество его упоминаний в массиве названий работ.

Таблица 4. Распределение по годам данных относительно термина «Экспертиза»

	2012	2013	2014	2015	2016
Сумма весов дескрипторов термина «Экспертиза»	0	14	102	106	112
% весов дескрипторов термина «Экспертиза» от общей суммы весов всех дескрипторов	0,00	0,13	0,63	0,97	0,91
Число упоминаний термина «Экспертиза», ед.	0	2	3	3	3
% упоминаний термина «Экспертиза» от всех терминов	0,00	0,69	0,69	0,82	0,83
Средняя плотность веса на 1 упоминание	0	7,00	34,00	35,33	37,33

гический», «Экспертиза/установление/реквизит/относительный/криминалистический/документ/давность/выполнение», «Экспертный», «Экспертный/исследование», «Экспертный/подразделение/криминалистический» — напомним, что это лемматизированный вариант). Построим списки терминов, коррелирующих с данным дескриптором (в целях экономии места покажем лишь заметные корреляционные связи, т. е. от 0,7; таких дескрипторов выявлено 35) (табл. 3).

Выяснение вопроса о взаимосвязи дескрипторов имеет важное науковедческое значение: используя данную информацию, можно анализировать предметную область, ее тенденции, устанавливать преимущественную тематику исследований, проводить историографические исследования, изучать персоналии науки. Можно исследовать психологию ученых, специфику их взглядов, технологию научного творчества. В частности, в массиве названий работ мы изучили тематику «Экспертиза», и, несмотря на временами внешнюю неожиданность корреляций,

полагаем, эти данные необходимо изучать в целях выявления неочевидных взаимосвязей в тематиках предметной области, что также может натолкнуть на новые направления исследований. В частности, покажем некоторые данные относительно термина «Экспертиза» (табл. 4).

Представим часть данных табл. 4 графически (рис. 1).

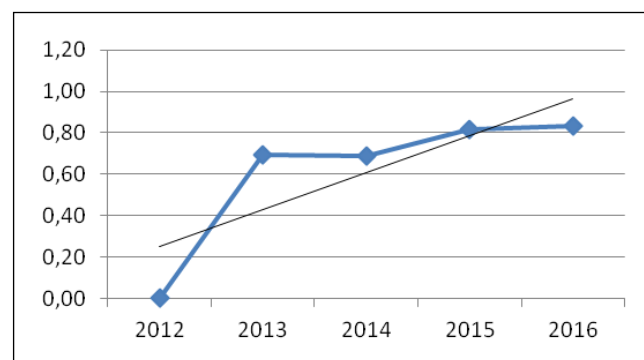

Рис. 1. Количество упоминаний термина «Экспертиза», %
Примечание. Прямая линия — тренд

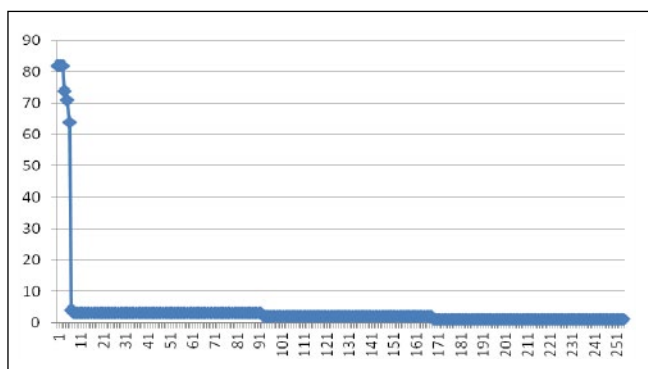

Рис. 2. Распределение количества встречаемости отрицательной корреляции «-1» по дескрипторам

Как видим, в научном дискурсе за изучаемый период наблюдается заметная тенденция увеличения научного интереса к вопросам судебной экспертизы.

Обратим внимание и на максимальное значение отрицательной корреляции, которое составило величину «-1» в 952 ед. случаев (254 дескриптора) — это 0,28% от всей корреляционной матрицы (это, например, такие пары дескрипторов, как: «актуальный — информация», «арбитражный — сфера», «борьба — расследование при»). Наиболее выделяющиеся в данном плане дескрипторы, несущие смысловую нагрузку, например: «расследование при» (встречаемость — 82 ед.), «сфера» (74 ед.), «информация» (встречаемость — 71 ед.). Распределение встречаемости отрицательной корреляции «-1» по 254 дескрипторам (рис. 2).

Наблюдается резко выраженная группа наиболее часто отрицательно коррелирующих дескрипторов — видимо, это также определенная характеристика изолированности указанных тематик. Качественная и количественная интерпретации этих данных — вопрос отдельного изучения, однако, думается, что в некоторых случаях в этом можно увидеть новые направления исследований.

Вызывает также интерес вопрос о том, какие именно дескрипторы более связаны с иными. Показателем здесь, на первый взгляд, является сумма кор-

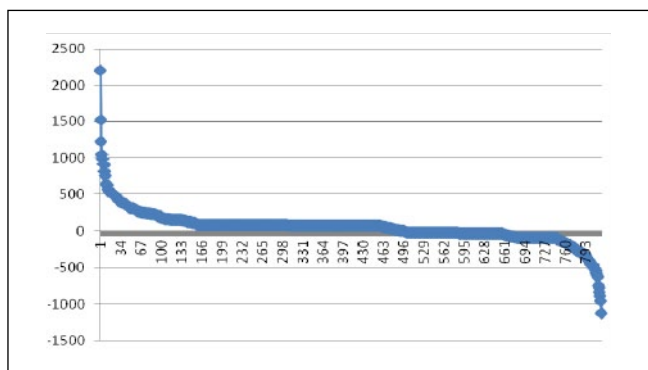

Рис. 3. Значения взаимосвязи дескрипторов с иными терминами

Таблица 5. Значения взаимосвязи дескрипторов с иными терминами

Дескриптор	Показатель степени связанности
Уголовный	7,62
Преступление	7,76
Правовой	10,09
Уголовный судопроизводство	12,94
Уголовный процесс	12,22
Средство	11,30
Лицо	14,16
Вопрос	6,78
Российский	21,06
Розыскной оперативно деятельность	13,14

реляций конкретного термина. Но важно учитывать и частоту встречаемости термина во всем их массиве, поэтому введем соответствующий коэффициент, который определим как произведение частоты встречаемости дескриптора на сумму его корреляций (полагаем, связь термина с иными лучше прослеживается именно так).

На основе коэффициента встречаемости покажем первые 10 из 820 дескрипторов с наибольшими значениями взаимосвязи (табл. 5).

График распределения величин взаимосвязей всех 820 дескрипторов (рис. 3).

Исходя из данного графического представления (рис. 3) наблюдается группа из почти 130 наиболее взаимосвязанных с иными терминами, что также может в некоторой степени характеризовать широту данной науки. При этом наименее связанные с иными терминами (на графике — отрицательные значения по оси ординат) — это такие, например, как: «обеспечение криминалистический», «использование», «криминалистический», «предмет» — видимо, это указывает на определенную тематическую их обособленность.

Установление степени взаимной связи структурных элементов произведения весьма интересно характеризует рассматриваемую предметную область. Так, вполне адекватно установить преимущественную тематику дисциплины либо можно установить степень взаимосвязи разных предметных областей и пр.

Попытаемся также выяснить вопрос об информационной плотности (насыщенности) текста — насколько велика плотность ключевых понятий по исследуемым периодам. Покажем полученные данные в табл. 6 и на рис. 4.

Мы наблюдаем, что плотность весов дескрипторов в названиях работ из разных временных периодов неравномерна и в целом снижается, видимо, это указывает на тенденцию большего обращения внимания ученых к менее обсуждаемым вопросам.

Таблица 6. Средняя плотность весов дескрипторов на 1 работу

2012	2013	2014	2015	2016
24,97	22,88	34,19	17,10	19,63

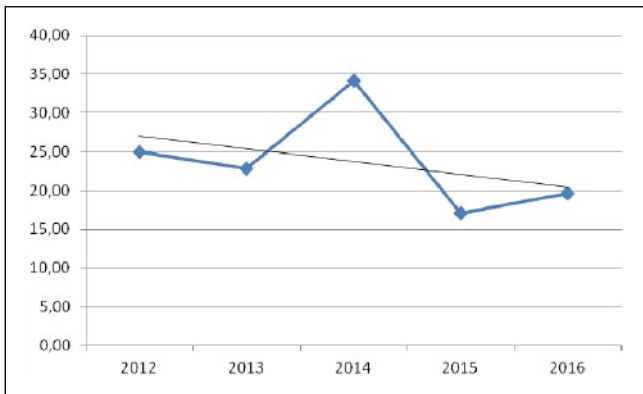

Рис. 4. Средняя плотность весов дескрипторов на 1 работу
Примечание. Прямая линия на графике — тренд

Интересным представляется исследование вопроса о том, насколько в ряду дескрипторов каждого временного периода последние смещены в сторону больших их значений, иными словами, где авторская мысль более конкретизирована на основных темах, а где смыслы достаточно ровно распределены по всему массиву работ. Для этого изучим статистику рядов весов дескрипторов для каждого года с применением метода наименьших квадратов (линейное приближение — прямая линия, которая наилучшим образом аппроксимирует имеющиеся данные и затем возвращает массив, который описывает полученную прямую). Итак, нами получены следующие данные (табл. 7 и рис. 5).

В целом изучаемый тренд (плотность авторской мысли) достаточно стабилен. Тем не менее при исследовании данного параметра выявлены максималь-

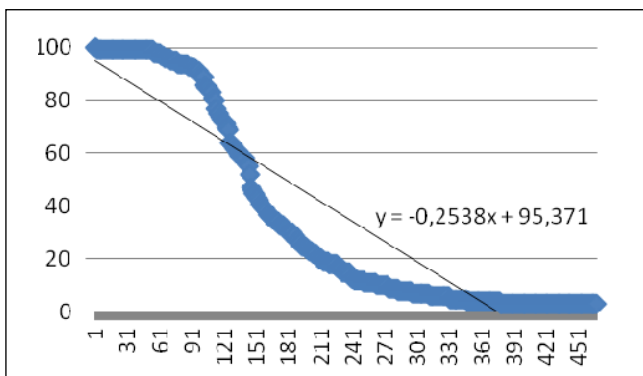

Рис. 6. Линейное приближение весов дескрипторов для 2012 г.

Примечание. По оси ординат отложен вес дескриптора; по оси абсцисс — номер дескриптора по порядку. Прямая линия и уравнение на графике — линейное приближение (тренд)

Таблица 7. Линейное приближение

2012	2013	2014	2015	2016
-0,2538	-0,4336	-0,2865	-0,2937	-0,3268

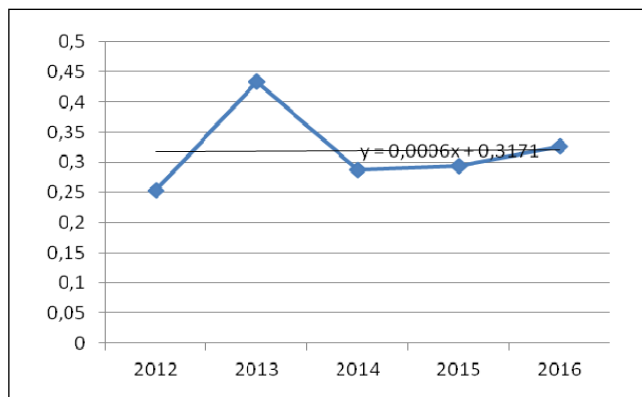

Рис. 5. Линейное приближение весов дескрипторов
Примечание. Прямая линия и уравнение на графике — линейное приближение (тренд)

ное значение (-0,2538 — для 2012 г.), т. е. авторская мысль носит более распределенный характер (совокупность главных проблем меньше), и минимальное значение (-0,4336 — для 2013 г.), т. е. авторская мысль более концентрирована на главных проблемах. Покажем это графически (рис. 6 и 7).

Вызывает также интерес вопрос о том, насколько специфичны в смысловом отношении работы, насколько они отличны от других. Попытаемся выяснить это, выявив дескрипторы, которые в названиях иных трудов не встречаются, т. е. уникальные дескрипторы (встречающиеся только 1 раз). Нами обнаружено 492 таковых (60% от всех дескрипторов), эти распределения см. в табл. 8 и на рис. 8.

Как видим, разница в долях уникальных дескрипторов значительна — есть периоды с очень малым количеством уникальных смыслов. При этом

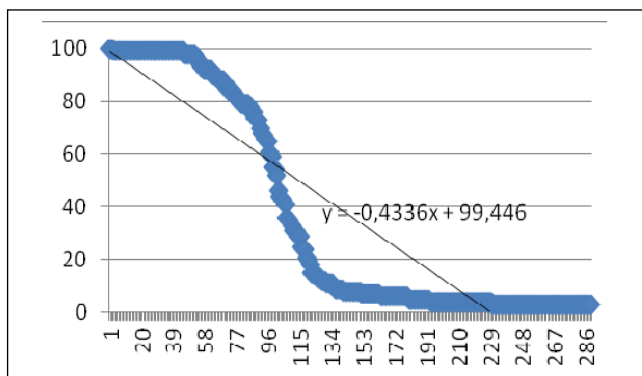

Рис. 7. Линейное приближение весов дескрипторов для 2013 г.

Таблица 8. Количество уникальных дескрипторов, % от всех за год

2012	2013	2014	2015	2016
38,38	40,48	30,11	17,44	0,00

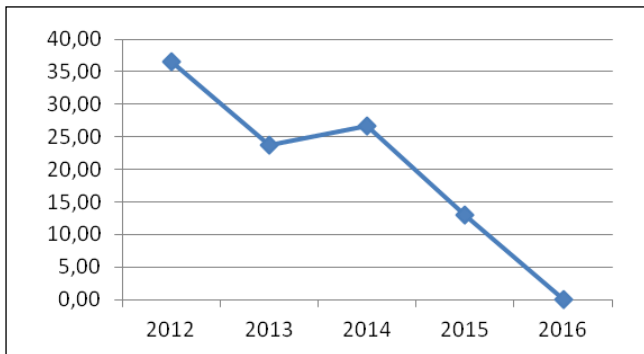

Рис. 8. Количество уникальных дескрипторов, % от всех за год

относительное количество уникальных дескрипторов падает: можно предположить, таким образом, что количество новых проблем предметной области уменьшается.

Нами обнаружено также, что корреляция плотностей весов уникальных дескрипторов по периодам и весов всех дескрипторов — умеренная (значение 0,44). Это показывает, что плотность уникальных дескрипторов не слишком сильно зависит от плотности дескрипторов вообще — текст названий может быть в этом плане достаточно уникальным и при его относительной невысокой информационной плотности.

Покажем также некоторые уникальные дескрипторы с наибольшими удельными весами (табл. 9).

Полагаем, данные об уникальных дескрипторах интересны, в частности, в целях планирования научных исследований в предметной области — «уники» с большими удельными весами показывают, видимо, важные и «неисписанные» темы. Кроме того, исследование уникальности дескрипторов полезно при

Таблица 9. Уникальные дескрипторы с наибольшими удельными весами

Дескриптор	Вес дескриптора	Дескриптор	Вес дескриптора
Преступление	100	Деятельность	99
Аспект	99	Использование	99
Вещество	99	Криминалистический	99
Средство наркотическое	99	Методика	99
Дело	99		

проведении междисциплинарных сравнительных исследований.

Далее попытаемся методом анализа дескрипторов названий работ изучаемого массива по методике, изложенной в [10], выявить новые и актуальные направления исследований.

С определенными ограничениями возможно утверждать, что высокие показатели смыслового веса дескриптора указывают на высокую актуальность проблемы, данными дескрипторами описываемой, мы назвали ее библиометрической актуальностью. При этом показатели актуальности и новизны находятся (применительно к рассматриваемому нами методу) в обратном отношении — высокие показатели суммарного веса дескрипторов, описывающих проблему, указывают чаще всего на ее актуальность, но сам факт весомого отражения проблемы в дискурсе снижает новизну. При этом, чем меньше будет общая сумма весов дескрипторов, описывающих проблему (тему, направление исследования), и чем за меньший интервал времени от точки настоящего она обсуждается, тем новизна у данной проблемы выше. Кроме того, новизна также снижается по экспоненциальному закону — в условно настоящем ее значение максимально, а за определенный период времени назад она снижается до несущественных значений.

Таблица 10. Удельные веса дескрипторов с учетом коэффициента убывания новизны

Дескриптор	Сумма весов	Дескриптор	Сумма весов
1. Криминалистический	799,90	811. Период	0,05
2. Расследование	456,11	812. Подозревать обвинять и допрос	0,05
3. Криминалистика	452,71	813. Поисковый деятельность	0,05
4. Использование	399,05	814. Практический научно конференция	0,05
5. Расследование преступлений	354,10	815. Представление	0,05
6. Преступление	320,27	816. Расследование организация	0,05
7. Уголовный	310,72	817. Расследование преступление должностной	0,05
8. Методика	265,20	818. Состояние современный развитие перспектива и	0,05
9. Характеристика криминалистическая	261,86	819. Теория общий криминалистика	0,00
10. Вопрос	260,97	820. Частный методика криминалистический	0,00

Таблица 11. Дескрипторы, вызывающие стабильный интерес научной популяции

Дескриптор	Веса дескрипторов					Сумма весов
	2012	2013	2014	2015	2016	
Криминалистический	228	266	380	484	553	1911
Расследование	311	272	220	302	296	1401
Использование	165	296	288	202	268	1219
Криминалистика	78	127	298	298	295	1096
Расследование преступлений	245	207	124	295	214	1085
Преступление	303	109	199	213	204	1028
Уголовный	297	18	288	118	222	943
Судебный	183	123	102	151	162	721
Методика	99	99	113	188	174	673
Вопрос	132	30	151	105	198	616

Покажем результаты расчета веса дескрипторов с учетом убывания новизны. Дескрипторы лемматизированы и показаны по убыванию их веса и, соответственно, по возрастанию новизны (чем меньше суммарный вес дескрипторов, описывающих тему, тем выше новизна) — в целях экономии места показаны по 10 дескрипторов из верхней и нижней частей этого списка (табл. 10).

Согласно предложенному методу новизной обладают темы, находящиеся внизу списка. Наибольшую степень библиометрической актуальности имеют темы в верхней части списка. В связи с этим для целей выбора оптимального направления исследований по соотношению «актуальность темы — новизна темы» ученому в начале его научного поиска можно предложить обратить больше внимание на темы, находящиеся в средней части списка. Приведем часть их: обзор, криминалист, основа, экстремистский характер террористический преступление направленность, метод криминалистика, объектовый криминалистика, преступление предупреждение, профессиональный, способ, технология криминалистика, часть, система криминалистика, расследование преступление обеспечение криминалистический, досудебный, предмет криминалистика, год, уголовный процессуальный обзор комментарий изменение законодательство, сеть, совершенствование, производство досудебный.

Разумеется, темы, описываемые дескрипторами из верхней части списка, вполне возможно исследовать в качестве новых, если применить к ним иные «процедуры», исследовать с других сторон.

Кроме того, анализируя встречаемость дескрипторов по годам, возможно установить те из них, которые встречаются в работах из каждого года, т. е. это фактически темы, вызывающие стабильный интерес научной популяции, что также характеризует ядро основных тем предметной области. Таковых дескрипторов выявлено 73 (8,9% от всех). Покажем некоторые из них (10 с максимальной суммой весов) (табл. 11).

Таким образом, результаты наших исследований таковы.

1. Выявлены корреляции названий работ по применяемым в них дескрипторам, что интересно с точки зрения взаимосвязи дескрипторов и выяснения их смысловых сегментов, отражающих тематику в науке.

2. За изучаемый период наблюдается заметная тенденция увеличения научного интереса к вопросам судебной экспертизы.

3. Обнаружена резко выраженная группа часто отрицательно коррелирующих дескрипторов, видимо, это также определенная характеристика изолированности данных тематик.

4. Выявлены наиболее взаимосвязанные с иными терминами, что может характеризовать широту предметной области.

5. Обнаружены наименее связанные с иными терминами, что указывает на определенную тематическую их обособленность.

6. Плотность весов дескрипторов в названиях работ из разных временных периодов неравномерна и в целом снижается. Это указывает на тенденцию большего обращения внимания ученых к менее обсуждаемым вопросам.

7. Установлено, что авторская мысль носит более распределенный характер (совокупность главных проблем меньше) в 2012 г., и авторская мысль более концентрирована на главных проблемах в 2013 г. Тем не менее в целом изучаемый тренд (плотность авторской мысли) по всем годам (2012–2016 гг.) достаточно стабилен.

8. Обнаружены уникальные (встречающиеся только 1 раз) дескрипторы, и при этом относительное их количество падает — количество новых проблем предметной области уменьшается.

9. Выявлены дескрипторы, обладающие наибольшей новизной и наибольшей степенью библиометрической актуальности.

10. Предложены дескрипторы, описывающие темы, оптимальные по соотношению «актуаль-

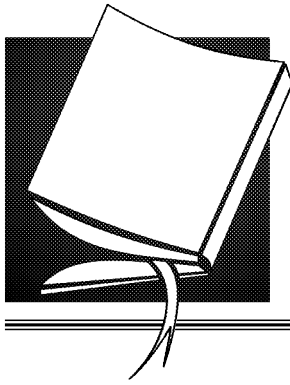
ность — новизна», что важно для выбора направления научных исследований.

11. Найдены дескрипторы, вызывающие стабильный интерес научной популяции, что характеризует ядро основных тем предметной области.

Таким образом, нами продемонстрированы некоторые аспекты современной тематики научного криминалистического дискурса, что интересно как в криминалистическом, так и в науковедческом планах.

Список литературы

1. Бажанов В. А. Рефлексия в современном науковедении // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2.
2. Парфенова С. Л., Гришакина Е. Г., Золотарев Д. В., Богатов В. В. Публикационный ландшафт российской науки // Наука. Инновации. Образование. 2017. № 1(23).
3. Берлявский Л. Г., Власов А. И. Методы наукометрии в юридическом образовании и науке // Юридическое образование и наука. 2015. № 3.
4. Мацкевич И. М. Наукометрические показатели в юриспруденции // Юридическое образование и наука. 2017. № 9.
5. Шумилов А. Ю. О рейтинге цитирования трудов докторов юридических наук, представляющих уголовное, уголовно-исполнительное право и криминологию (наукометрические заметки) // Уголовное право. 2013. № 3.
6. Валеев Д. Х. Научная статья и наукометрические показатели // Методологические проблемы цивилистических исследований. Ежегодник : сб. науч. ст. / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М., 2017.
7. Семисорова К. Н. Юридическая наукометрия: эффективное управление юридической наукой // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11.
8. Бугаев К. В. Методология диссертаций по криминалистике: общая ситуация // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2(65).
9. Бугаев К. В. Тенденции применения отдельных методов при подготовке диссертаций по криминалистике // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2015. № 4(16).
10. Бугаев К. В. Возможности определения новизны и актуальности научных тем методами наукометрии (на примере криминалистики) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3(54).

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

DISSERTATION PROCESS

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию А. В. Воробьева «Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления»*

В. Н. Борков, Омская академия МВД России. E-mail: borkovv@mail.ru

Official Opponent's Review of A. V. Vorobyev Dissertation «Means of Criminal Law used in Fighting Corruption-related Crimes against Interests of Service in Local Government»

V. N. Borkov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. E-mail: borkovv@mail.ru

Юристы постоянно находятся в поиске эффективных средств борьбы с коррупцией. Коррупционные отношения вытесняют нормальное социальное взаимодействие в сфере функционирования государства и органов местного самоуправления. Сформированная в середине прошлого века система норм, предусматривающих ответственность за совершение должностных преступлений, не соответствует изменившемуся характеру функционирования Российского государства. Переход от распределительной экономики к рыночной модели обусловил развитие новых отношений органов государственной и муниципальной власти с субъектами предпринимательской деятельности. Наряду с ранее доминировавшими методами убеждения и принуждения при осуществлении государственно-властных полномочий получил распространение и активно используется метод договорного регулирования. Его реализация не обеспечена эффективной уголовно-правовой охраной, о чем свидетельствует регистрируемое ежегодное снижение количества лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности, на фоне роста незаконных бюджетных затрат и сумм похищенных общена-

родных средств. Следует критически оценивать даже частичную реабилитацию коррупции как «смазки» для бизнеса, явления, имманентно присущего договорной природе рынка. Как писал И. Кант, «настоящий разум не черпает закономерности из природы априори, а предписывает их ей». Государство обязано подавлять коррупцию.

Коррупция дезавуирует анонсируемые преимущества рыночной модели экономики, извращает отношения между государством и предпринимателями, блокирует экономическое развитие России. Низкий антикоррупционный иммунитет органов и должностных лиц местного самоуправления А. В. Воробьев обоснованно связывает с допущенным в ходе реформ ослаблением системы государственного контроля муниципальной сферы, несовершенством правовой базы и отсутствием сильной государственной политики в области муниципального управления (с. 4–5). Автором выявлен ряд проблем реализации требований антикоррупционного законодательства на муниципальном уровне. Например, далеко не все муниципальные образования и их должностные лица исполняют требования законода-

* Воробьев А. В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Калининград, 2016. 282 с.

тельства о проведении торгов на конкурсной основе и своевременно принимают решения, ограничивающие стоимость закупаемых ими товаров, работ, услуг. Данные обстоятельства повышают актуальность избранного диссертантом предмета исследования и ценность полученных результатов.

Диссертация отвечает требованиям научной новизны. А. В. Воробьевым обосновано положение о коррупционных преступлениях как об отдельном виде общественно опасных посягательств; разработано определение и критерии понятия коррупционного преступления, необходимость его официального закрепления в Общей части Уголовного кодекса РФ. Соискателем выявлены особенности уголовно-правовой характеристики коррупционных преступлений, совершаемых в органах местного самоуправления. Дан анализ наиболее распространенных коррупционных преступлений, а именно получения взятки (ст. 290 УК РФ) и злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Определены детерминанты коррупционной преступности в органах местного самоуправления на примере отдельно взятого региона (Калининградская область), разработана концепция предупреждения преступлений коррупционной направленности, сформулированы предложения по совершенствованию антикоррупционного законодательства и организационно-профилактических мер в органах местного самоуправления.

Результатом творческого и самостоятельного исследования А. В. Воробьева, на наш взгляд, является определение понятия коррупционного преступления (с. 12–13), в котором нашли отражение как основные формы (этапы) коррупции, так и субъекты коррупционных преступлений. Действительно, использованию специальным субъектом должностного положения вопреки интересам службы часто предшествует подкуп, а приобретенные коррупционные доходы нуждаются в последующей легализации, исполнителями которой могут быть и другие лица.

Основные положения, выводы и рекомендации, сформулированные диссертантом, научно обоснованны. Соискатель избрал соответствующие поставленным задачам исследования аспекты и уровни разработки заявленной темы. Работа состоит из введения, трех глав, которые включают девять параграфов, заключения, списка используемой литературы и приложений. Объем работы составляет 282 страницы. Между главами и параграфами существует логическая и смысловая связь. А. В. Воробьев наметил и рассмотрел широкий спектр вопросов уголовно-правовой борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления, сформулировал ряд инте-

ресных предложений теоретического и практического плана.

В первой главе диссертации представлен уголовно-правовой анализ преступлений коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления. Соискатель определяет их как общественно опасные деяния, посягающие на авторитет, законные интересы муниципальной службы и выражающиеся в противоправном получении должностными лицами местного самоуправления благ имущественного или неимущественного характера (с. 43). С учетом широкого понимания коррупции автором разработана интегрированная межотраслевая схема криминализации незаконного обогащения. Собственно уголовная ответственность выступает в качестве логического результата грубого неисполнения должностным лицом своих обязанностей по декларированию доходов и расходов в обстановке, когда выявлено значительное несоответствие между фактическими и законными доходами и допустимыми расходами. Диссертант предлагает в такой ситуации, по примеру других стран (ст. 395 УК КНР), предусмотреть основания для уголовного преследования, включая и конфискацию (с. 27). Результатом сравнительного анализа международного и российского законодательства в части определения субъекта коррупционных преступлений явилось предложение о введении в УК РФ категории «публичное должностное лицо» (с. 71–75).

Вторая глава посвящена уголовно-правовой характеристике наиболее распространенных преступлений в органах местного самоуправления: получения взятки и злоупотребления должностными полномочиями. Исследуя особенности предмета преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, А. В. Воробьев обращает внимание на то, что услуги неимущественного характера полностью выпадают из сферы уголовно-правового воздействия, и предлагает внести изменения в ч. 1 ст. 290 УК РФ для их признания предметом получения взятки (с. 117), что представляет, на наш взгляд, несомненный научный и практический интерес.

Кроме того, исходя из новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» (ч. 2 ст. 36), диссертант предлагает под главой местного самоуправления применительно к ч. 4 ст. 290 УК РФ понимать не только главу муниципального образования как выборное должностное лицо, но и главу администрации муниципального образования, с которым заключается контракт (с. 125–127).

Также в качестве положения, выносимого на защиту, соискатель обосновывает необходимость признания преступлением, предусмотренным ст. 285

УК РФ, злоупотребления не только служебными полномочиями, но и служебным положением. Для реализации своей идеи предлагает внести изменения в соответствующую норму (с. 161).

В третьей главе А. В. Воробьевым выявлены детерминанты коррупционной преступности в органах местного самоуправления, разрабатываются меры ее предупреждения. Детерминантами коррупционной преступности в органах местного самоуправления в Калининградской области диссертантом обоснованно определены: негативные социально-экономические факторы, обусловленные общефедеральными компонентами (последствия экономического кризиса, санкции, инфляция, безработица), региональные компоненты (географическая изолированность (эксклавность) области от основной территории России, снижение основных экономических показателей в связи с ликвидацией таможенных льгот, низкая заработная плата, наличие «теневой» экономики); особенности функционирования органов местного самоуправления в связи с их удаленностью от центральных органов государственной власти (с. 164–175).

Соискателем правильно определены основные направления совершенствования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления. Предложены новые профилактические и административные меры, направленные на реализацию разработанного в предыдущих главах механизма привлечения к уголовной ответственности за незаконное обогащение. Ряд пробелов, не позволяющих в полной мере использовать профилактический потенциал антикоррупционных запретов, по мнению автора, могут быть устранены путем создания единого федерального реестра лиц, обязанных предоставлять сведения о своих доходах и расходах (с. 196), что, на наш взгляд, является оригинальной идеей эффективной борьбы с коррупцией не только на муниципальном, но и на федеральном уровне.

Очевидным методологическим достоинством диссертации выступает положенный А. В. Воробьевым в основу концепции совершенствования борьбы с коррупцией в органах местного самоуправления тезис о тесной связи уголовно-правовых мер с антикоррупционными мерами административного и профилактического воздействия (с. 12). Подобный подход позволил соискателю получить интересные результаты, в том числе по предложениям имплементации ряда международных конвенциональных норм в российское законодательство. Поддерживаем предложение автора о криминализации незаконного обогащения, а также высоко оцениваем избранные для этого технико-юридические средства. Уверены, что научно обоснованное положительное решение

вопроса об установлении уголовной ответственности за незаконное обогащение и последующая политическая воля к применению нормы способны существенно повысить эффективность борьбы с коррупцией.

Несмотря на повышенное внимание ученых к теме коррупции и коррупционного преступления, предложенное А. В. Воробьевым определение является авторским и новым (с. 13). Приведенные в сформулированной диссертантом норме виды коррупционных посягательств, состоящие в подкупе, использовании служебного положения и легализации денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, отражают основные этапы развития коррупционных отношений, а также создают предпосылки для перспективной разработки уголовно-правовых мер их пресечения и усиления ответственности.

Заслуживающим дальнейшего научного обсуждения следует признать предложение А. В. Воробьева о необходимости законодательного расширения цели коррупционного правонарушения за счет стремления к получению «незаконной выгоды в виде услуг неимущественного характера». К таковым соискатель относит получение более престижной должности, повышения по службе, не связанного с ростом заработка, возможность устройства на определенную работу родственников и т. д. (с. 28).

Диссертант обоснованно и правильно указывает на то, что «если лицо передало взятку должностному лицу за совершение в интересах его или представляемых им лиц заведомо незаконных действий (бездействия), то от уголовной ответственности по основанию вымогательства со стороны должностного лица оно освобождено быть не может» (с. 14). Автор точно подметил, что дача взятки за незаконные действия не может быть сопряжена с ее вымогательством, так как потерпевший от преступления, предусмотренного п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, стремится не допустить нарушения своих законных прав или восстановить уже нарушенные, чего путем беззакония сделать нельзя.

Уровень диссертационного исследования, характер затрагиваемой проблематики создают предпосылки для полемики по отдельным положениям. Некоторые особенности работы могут быть подвергнуты критическому осмыслению, без которого ее оценка была бы неполной.

1. Трудно согласиться с А. В. Воробьевым в том, что Конвенция ООН против коррупции 2003 года, определяя понятие «публичное должностное лицо» более четко, чем российское законодательство, регламентирует признаки субъекта коррупционных преступлений (с. 71). Например, в соответствии с п. ii ст. 2 указанной Конвенции ООН публичным

является лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию или предоставляющее публичную услугу. Определяемое таким образом публичное должностное лицо не способно выступить альтернативой представителю власти. В России функции представителя власти не могут состоять в оказании услуг. Власть осуществляется императивно методами убеждения и принуждения. В свою очередь, государственные услуги в образовании, здравоохранении и других сферах оказывают лица, выполняющие организационно-распорядительные функции в части осуществления полномочий по принятию решений, имеющих юридическое значение. Отличие властных полномочий от организационно-распорядительных (в части оказания публичных услуг) состоит в том, что первые реализуются независимо от желания подвластного, а за вторыми гражданин сам обращается к государству или в муниципальные организации.

2. А. В. Воробьев необоснованно критикует позицию Верховного Суда РФ, в соответствии с которой сам по себе подрыв авторитета государства, при отсутствии других последствий, не является существенным вредом и не свидетельствует о наличии преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ. Диссертант мотивирует это тем, что интересы граждан и организаций, вступающих в правовые отношения с органами власти, выступают только в качестве дополнительного объекта (с. 157). Утрата государством возможности влияния и доверия всегда есть следствие произвола, беззакония или бездействия со стороны его представителей. У государственной власти нет и не может быть других интересов, а также сфер реализации авторитета, кроме обеспечения безопасности и благоденствия своих граждан. Поэтому посягательство на интересы власти и авторитет государства при совершении преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, проявляется в нарушении законных прав физических и юридических лиц и общества в целом.

3. Из текста диссертации не ясно, какое уголовно-правовое значение будет иметь предложенная соискателем норма «Коррупционное преступление» (с. 13). Перечень коррупционных преступлений, например, предусмотрен в Уголовном кодексе Республики Казахстан. В Казахстане к лицам, совершившим коррупционные преступления, не применяется условное осуждение и сроки давности, они не могут быть освобождены от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим или заявителем. Возможно, в формулировании конкретных уголовно-правовых мер, направленных на совершенствование предупреждения коррупционных преступлений, автор видит перспективы дальнейшей разработки темы исследования.

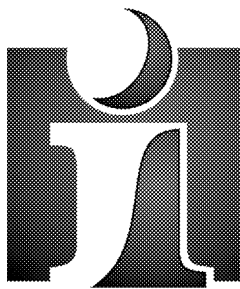
4. Небесспорным, на наш взгляд, является утверждение А. В. Воробьева о том, что «норма о превышении должностных полномочий является специальной по отношению к норме о злоупотреблении должностными полномочиями, так как представляет специальный случай такого злоупотребления» (с. 152–153). Явный выход должностного лица за пределы его полномочий не может быть частным случаем их использования вопреки интересам службы. Невозможно злоупотребить должностными полномочиями за их пределами или в сфере, на которую они не распространяются.

Вместе с тем указанные замечания преимущественно носят дискуссионный характер и не оказывают существенного влияния на общий вывод о положительной оценке представленной работы.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в одиннадцати опубликованных научных статьях, семь из которых включены ВАК Минобрнауки России в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий. Автореферат соответствует содержанию диссертации, отражает ключевые идеи и выводы, степень новизны. Сформулированные положения и рекомендации являются обоснованными, значимыми для науки. Автором в полном объеме исследованы уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления, а также теоретически обоснованы новые предложения по совершенствованию антикоррупционного законодательства.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертация, подготовленная А. В. Воробьевым на тему «Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления», является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для развития науки криминологии и уголовного права. Представленная диссертация соответствует критериям, установленным абз. 2 п. 9, п. 10 и п. 11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Воробьев Александр Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

*Официальный оппонент
профессор кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент В. Н. Борков*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», являющегося партнером и дистрибьютором компании East View Information Services, Inc.

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные спорные или отрицательные моменты рукописи, дается

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc.

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu-

рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагаются авторская справка и цифровая или сканированная фотография автора (автор). Размер изображения цифровых фотографий — 1024×768 точек или более, сканированных фотографий — 3×4 см, разрешение не менее 600 ppi.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу gsinchenko@rambler.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России» (с пометкой: «Клокову Е. А.»). Контактный телефон: (8-3812)31-34-83 (главный редактор Синченко Георгий Чонгарович).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, включая фотографии, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

Along with electronic versions of the papers digital or scanned photos of the authors should be sent. The size of the image in digital photos — 1024×768 pxl or larger, of scanned photos — 3×4 cm, with at least 600 ppi resolution.

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: gsinchenko@rambler.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia" (subject: "to Klokov Ye. A."). Telephone: (8-3812)31-34-83 (chief editor Georgiy Chongarovich Sinchenko).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata including photos in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

Сведения об авторах

Аторин Роман Юрьевич — кандидат философских наук, доцент Российского государственного аграрного университета им. К. А. Тимирязева (г. Москва)
E-mail: atorin85@yandex.ru

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России
E-mail: borkovv@mail.ru

Бугаев Константин Валериевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела и права Омского государственного университета путей сообщения
E-mail: kbugaev@yandex.ru

Бучакова Марина Александровна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России
E-mail: mb290163@mail.ru

Гаврилов Евгений Олегович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк)
E-mail: gavrilich@yandex.ru

Голованова Татьяна Валерьевна — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
E-mail: tgolovanova2010@yandex.ru

Головко Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-научного комплекса Омской академии МВД России
E-mail: golovkovlad@yandex.ru

Грудинин Никита Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета
E-mail: nekit-07@mail.ru

Денисенко Снежана Валентиновна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и политологии Омской академии МВД России
E-mail: denisenko_s_v@mail.ru

Жиляев Артур Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России
E-mail: avzhilyaev@yandex.ru

Зайцева Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России
E-mail: zay_tseva@mail.ru

Иванцов Сергей Вячеславович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России (г. Москва)
E-mail: isv1970@mail.ru

Клоков Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России
E-mail: klokov@bk.ru

Кожурин Кирилл Яковлевич — кандидат философских наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
E-mail: kozhurin@list.ru

Колбасова Елена Владимировна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и основ правоведения Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина
E-mail: ele-mazaeva@yandex.ru

Контимирова Юлия Игоревна — преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России
E-mail: kontimirova@icloud.com

Маслов Кирилл Владиславович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского
E-mail: mas-law@mail.ru

Машовец Асия Океановна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург)
E-mail: okeanovna@gmail.com

Панфилов Павел Олегович — адъюнкт Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
E-mail: pasha_panfilov@mail.ru

Пилюшин Игорь Павлович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России
E-mail: igor-pilyushin1962@yandex.ru

Попов Алексей Викторович — помощник руководителя УФНС по Омской области (г. Омск)
E-mail: a_popov55@bk.ru

Слышалов Игорь Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД России
E-mail: 8913967@gmail.com

Товбин Кирилл Михайлович — кандидат философских наук, доцент Сахалинского государственного университета (г. Южно-Сахалинск)
E-mail: kimito@yandex.ru